

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ



С.В. Векленко,
доктор юридических наук, профессор

КОРРУПЦИЯ КАК ОБЪЕКТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

CORRUPTION AS AN OBJECT CRIMINAL AND LEGAL INFLUENCE

В статье рассматривается коррупция как объект уголовно-правового воздействия, предлагаются меры ее предупреждения и пресечения.

The article deals with corruption as an object criminal and legal influence. The measures for the prevention and suppression of corruption are suggested.

В соответствии со ст.1 Федерального закона от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» под этим негативным социальным явлением следует понимать «злоупотребление служебным положением, дачу взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами» [1].

Международная неправительственная организация по борьбе с коррупцией и исследованию уровня коррупции по всему миру Трансперенси Интернешнл оценила рынок российской коррупции в 300 млрд. долларов. В 2010 году Россия оказалась на 154 месте в индексе восприятия коррупции из 178 возможных с показателем 2,1 балла и с такими соседями по рейтингу, как Папуа — Новая Гвинея, Камбоджа и Таджикистан

[2. — С. 156], а средний размер взятки и коммерческого подкупа вырос с 23,1 тыс. до 30,5 тыс. рублей [2. — С. 157].

По данным Генерального прокурора России, из всего класса российских чиновников около 90% коррумпировано. Подобный размах и глубина проникновения коррупции в различные эшелоны власти диктуют настоятельную необходимость совершенствования имеющихся и поиска новых, более эффективных средств сдерживания, нейтрализации и предупреждения общественно опасных злоупотреблений властью в личных целях.

Коррупционные проявления не являются порождением научно-технического прогресса. Еще Аристотель относил коррупцию к разряду особых политических явлений [4]. По мнению некоторых ученых, в России корни подобных злоупотреблений властью следует искать в институте кормления служащих от населения [5].

Криминологическими и уголовно-правовыми вопросами разработки законодательства о противодействии коррупции в современной России ведущие отечественные ученые занимаются уже

более 20 лет [6. — С. 104]. Различными рабочими группами за это время было подготовлено более десятка проектов законов о борьбе с коррупцией, однако, как в 2007 году справедливо отметил В.В. Лунеев: «...У нас многое есть для более эффективной борьбы с коррупцией, но у нас нет главного — политической воли. А без нее все наши интеллектуальные потуги бесполезны. Коррупция стала нашей конституцией, а безответственность за нее — повседневной практикой» [6. — С. 105].

Жизнь, к счастью, не стоит на месте. Принятие 25 декабря 2008 г. долгожданного Федерального закона Российской Федерации №273-ФЗ «О противодействии коррупции», утверждение Указом Президента Российской Федерации от 13 апреля 2010 г. №460 Национальной стратегии противодействия коррупции и Национального плана противодействия коррупции на 2010—2011 годы, ответственные заявления и призывы высшей государственной исполнительной власти убедительно свидетельствуют о появлении той самой «политической воли», однако, прежде чем объявлять очередную «охоту на ведьм», следует определиться с объектом уголовно-правового воздействия.

В действующем уголовном законодательстве России отсутствует не только уголовно-правовое понятие коррупции, но и сам этот термин. Это не означает, что уголовное право стоит в стороне и не участвует в борьбе с коррупцией. Действующий Уголовный кодекс Российской Федерации включает различные виды коррупционных преступлений, распределенные по разделам и главам в зависимости от важности и значимости основного непосредственного объекта данных посягательств.

Так, в главе 19 УК РФ «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина» регламентирована ответственность за различные проявления политической коррупции: вмешательство с использованием должностного или служебного положения в осуществление избирательной комиссией, комиссией референдума ее полномочий (ч. 3 ст. 141 УК РФ); фальсификация избирательных документов, документов референдума (ст.142 УК РФ); фальсификация итогов голосования (ст.142.1 УК РФ). В этой же главе установлена ответственность за невыплату свыше двух месяцев заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных установленных законом выплат, совершенную руководителем организации, работодателем — физическим лицом из корыстной или иной личной заинтересованности (ст. 145.1 УК РФ).

Ряд коррупционных посягательств экономической направленности предусмотрен в главе 22 УК РФ «Преступления в сфере экономической деятельности»: воспрепятствование законной

предпринимательской или иной деятельности (ст.169 УК РФ); регистрация незаконных сделок с землей (ст.170 УК РФ); неисполнение обязанностей налогового агента (ст.199.1 УК РФ) и др.

Служебные злоупотребления, совершаемые лицами, ответственными за соблюдение тех или иных правил, сосредоточены в главе 26 УК РФ «Экологические преступления» (нарушение правил охраны окружающей среды при производстве работ (ст. 246 УК РФ); нарушение правил обращения экологически опасных веществ и отходов (ст. 247 УК РФ) и др.) и в главе 27 УК РФ «Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта» (нарушения правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного, воздушного или водного транспорта (ст. 263 УК РФ); недоброкачественный ремонт транспортных средств и выпуск их в эксплуатацию с техническими неисправностями (ст. 266 УК РФ) и др.).

В главе 29 УК РФ «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства» акцентируется внимание на лицах, имеющих доступ к государственной тайне (государственная измена (ст. 275 УК РФ); разглашение государственной тайны (ст. 283 УК РФ); утрата документов, содержащих государственную тайну (ст. 284 УК РФ)).

Глава 30 УК РФ «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления», по мнению большинства ученых, полностью (за исключением ст. 291 УК РФ) посвящена запретам общественно опасных деяний, совершаемых должностными лицами, использующими свое служебное положение вопреки интересам службы и причиняющими существенный вред правильной деятельности государственного аппарата [7, 8, 9].

Коррупционные посягательства на интересы правосудия предусмотрены в главе 31 УК РФ «Преступления против правосудия»: воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования (ст. 294 УК РФ); привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности (ст. 299 УК РФ); незаконное освобождение от уголовной ответственности (ст. 300 УК РФ); незаконные задержание, заключение под стражу или содержание под стражей (ст. 301 УК РФ); вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта (ст. 305 УК РФ) и др.

Кроме того, в 30 статьях Уголовного кодекса РФ законодатель использует в качестве квалифицирующего признака такоеотягчающее обстоятельство, как совершение деяния «с использованием своего служебного положения» (п. «в» ч. 2 ст. 127.1, п. «в» ч. 2 ст.127.2, ч. 2 ст.128, ч. 2 ст.136, ч. 2 ст.137, ч. 3 ст.139, п.

«б» ч. 2 ст.141, ч. 3 ст.141, ч. 2 ст.144, ч. 3 ст.159, ч. 3 ст.160, п. «б» ч. 3 ст.174, п. «б» ч. 3 ст.174.1, ч. 3 ст.175, ч. 2 ст.178, п. «б» ч. 3 ст.188, ч. 2 ст.205.1, ч. 3 ст.209, ч. 3 ст.210, п. «в» ч. 2 ст.215.2, п. «в» ч. 3 ст.226, п. «б» ч. 3 ст. 228.1, п. «в» ч. 2 ст.229, п. «а» ч. 2 ст.241, ч. 3 ст.256, ч. 2 ст.258, п. «в» ч. 2 ст.260, п. «б» ч. 2 ст.282, ч. 3 ст.283.1, ч. 3 ст.294, ч. 2 ст.359), которое, в свою очередь, прямо или косвенно подразумевает корыстное злоупотребление властью.

20 апреля 2011 года принят Государственной Думой, 27 апреля одобрен Советом Федерации и 4 мая подписан Президентом России Федеральный закон №97-ФЗ, усиливающий правовое противодействие коррупции. В частности, изменения, внесённые в Уголовный кодекс Российской Федерации, предусматривают в качестве наказания, альтернативного лишению свободы, за коммерческий подкуп или за получение (дачу) взятки штраф в размере, кратном сумме коммерческого подкупа или взятки. Величина штрафа зависит от тяжести совершённого преступления и может варьироваться от десятикратной до стократной суммы коммерческого подкупа или взятки, но не может быть менее двадцати пяти тысяч рублей и более пятисот миллионов рублей. В целях дифференциации ответственности в Уголовном кодексе Российской Федерации закрепляется четыре вида взяток в зависимости от их размера. Перечень преступлений, в результате совершения которых полученное имущество подлежит конфискации, дополнен рядом незаконных деяний корыстной направленности, включённых в уголовный закон в последние годы.

В связи с вышеизложенным вряд ли следует констатировать отсутствие уголовно-правовых средств борьбы с коррупцией в России. Сомнительными представляются и предложения ввести уголовную ответственность «за: коррупционный лоббизм; коррупционный фаворитизм; коррупционный протекционизм; непотизм (кумовство, покровительство родственникам); тайные взносы на политические цели; взносы на выборы с последующей расплатой государственными должностями или лоббированием интересов вносодателя; келейное проведение приватизации, акционирования и залоговых аукционов; предоставление налоговых и таможенных льгот; переход государственных должностных лиц (сразу после отставки) на должности президентов подкормленных банков и корпораций; коррупцию за рубежом при заключении внешнеэкономических контрактов; совмещение государственной службы с коммерческой деятельностью и т.д.» [6. — С. 107].

В отличие от России, в зарубежных странах основные усилия по противодействию коррупции сосредоточены в плоскости использования административно-правовых и организационных

средств предупреждения и пресечения коррупции [10]. Наиболее существенные усилия по предупреждению и пресечению коррупции в государственном аппарате предпринимают Соединенные Штаты Америки, которые создали не только целую систему мер административно-правового характера, направленных на предупреждение и пресечение коррупции, но и выступают с рядом важных международных инициатив в рассматриваемой сфере.

В этой стране действуют комитеты Сената и Палаты представителей Конгресса США, Комитет по этике при правительстве. Главным координирующим ведомством по борьбе с коррупцией является Министерство юстиции.

В соответствии с законодательством США должностные лица обязаны руководствоваться этическими нормами поведения, специально разработанными для каждой из трех ветвей государственной власти. Так, для служащих органов исполнительной власти это «Кодекс этики правительственной службы» (United States Code — USC), нормы которого вправе устанавливать государственный секретарь США от имени Президента страны.

Каждое ведомство, входящее в систему органов исполнительной власти, имеет специально назначенного сотрудника, который координирует и контролирует соблюдение должностными лицами норм этики внутри ведомства и осуществляет связь данного ведомства с Главным контрольно-финансовым управлением США и с Управлением по этике при правительстве. Для предупреждения и пресечения коррупции законодательство об этике в правительстве обязывает должностных лиц всех трех ветвей власти информировать соответствующие государственные органы о своем финансовом состоянии и происходящих в нем изменениях, регулярно подавая финансовые декларации.

Особое место в предупреждении и пресечении коррупции в США отведено Федеральному бюро расследований, помимо этого в мероприятиях по предотвращению коррупции и наказанию преступников участвуют также прокуратура, полиция, суд. Названные органы правопорядка активно используют так называемый закон о «свистунах», в соответствии с которым любой сотрудник фирмы, предприятия или организации может сообщить в Министерство юстиции об известных ему фактах коррупции и получить часть суммы по возмещению ущерба или штрафа, наложенного на нарушителя.

В борьбе с коррупцией существует строгое распределение компетенции между законодательной, исполнительной и судебной властями. Конгресс разрабатывает и принимает соответствующие законы и осуществляет надзор за их выполнением. Обе его палаты обладают сильными

рычагами влияния на деятельность исполнительной власти путем выделения или ограничения бюджетных средств на государственные расходы, включая борьбу с коррупцией.

Контроль за правонарушениями в системе государственной службы осуществляется конгрессом через постоянные и специальные комитеты его палат. Проблемами коррупции занимается Специальный сенатский комитет по этике и Комитет по стандартам служебного поведения должностных лиц палаты представителей. Правонарушения, связанные с коррупцией, заслушиваются также в комитетах по правительственным операциям, делам почтового ведомства гражданской службы, науке, космосу, технике, расходам и доходам.

Комитеты поддерживают контакты с федеральными министерствами и ведомствами, проводят слушания и расследования деятельности правительственных органов. Иногда слушания по делам о коррупции проводятся на объединенных комитетах обеих палат по налогообложению и экономическим вопросам. Конгресс имеет право приглашать и заслушивать на заседаниях комитетов руководителей министерств.

Несмотря на главенствующую роль парламентского контроля за исполнительной и судебной властью в сфере противодействия коррупции, в США существуют средства контроля и над деятельностью законодательных органов. Так, с 1946 г. действует Закон о федеральном регулировании лоббистской деятельности, в соответствии с которым любая организация, оказывающая влияние на конгресс, обязана регистрировать своих лоббистов и сообщать о своих интересах в законодательной сфере. Каждый лоббист обязан ежеквартально публиковать отчет о своей деятельности в «Ведомостях конгресса». Важность действия данного закона объясняется тем, что неурегулированный лоббизм в любом развитом обществе неизбежно ведет к принятию законодательных решений, выгодных для ограниченного круга лиц или политических групп, и как следствие к коррупции в аппарате законодательных органов.

Помимо перечисленных мер важным профилактическим потенциалом обладает федеральное законодательство США, предусматривающее ограничение деловой деятельности бывших государственных должностных лиц после их ухода из органов государственной власти. Например, если государственный служащий, находясь на службе, лично участвовал в разрешении конкретных проблем, он не имеет права после выхода в отставку официально и в любой форме представлять чьи-либо интересы для разрешения органами исполнительной власти таких же проблем в последующем. Кроме того, если бывший государственный служащий

«лично или косвенно» не занимался данной процедурой, хотя она «фактически относилась к его официальной ответственности в течение одного года до ее прекращения», он теряет право заниматься практикой указанного рода на период в два года.

Характерной особенностью является и то, что бывший государственный служащий не имеет права в течение двух лет после выхода в отставку осуществлять предпринимательскую деятельность при разрешении органами исполнительной власти конкретных проблем, которые относились к официальному ведению этого государственного служащего в течение года, предшествовавшего прекращению его службы в органе исполнительной власти. Такой же двухлетний запрет распространяется также и на бывших «старших чиновников» исполнительной власти. Перечень дан 18 USC 207 (d). К ним относятся, например, сотрудники аппарата президента и вице-президента США.

Обобщая положительный зарубежный опыт предупреждения и пресечения коррупции в государственном аппарате, необходимо отметить, что преодолеть такое явление одними карательными мерами невозможно, в связи с этим для предупреждения и пресечения коррупции в сфере государственного управления следует выработать систему контроля всех органов государственной власти за деятельностью чиновников.

В качестве эффективных мер предупреждения и пресечения коррупции, которые могли бы быть использованы в российской законодательной практике, следует выделить:

1) наложение законодательных запретов или ограничений на участие должностных лиц в официальных мероприятиях, в отношении которых у этих лиц имеется существенная прямая или косвенная финансовая заинтересованность;

2) контроль над участием должностных лиц в мероприятиях, являющихся предметом заинтересованности со стороны физических или юридических лиц, с которыми эти должностные лица ведут переговоры о поступлении на работу;

3) наложение запретов на деятельность бывших государственных служащих, если они представляют частные или личные интересы в сфере или государственных органах, в которых они раньше работали, а также на использование информации, ставшей им доступной в связи с деятельностью в органах государственной власти;

4) наложение запретов и ограничений на получение подарков и других благ, контроль за имуществом и финансовым статусом членов семьи и близких родственников;

5) внедрение в административную практику контроля со стороны специально уполномоченных органов за фактами неправомерного использования государственного имущества и ресурсов

в частных интересах и др. и применение соответствующих санкций за данные правонарушения.

В заключение хотелось бы поддержать позицию тех ученых, которые считают, что «век идеологических обществ заканчивается. Прагматические государства не нуждаются в апологии «голых» начальственных идей, они нуждаются в решении реальных проблем жизни, реальной борьбы с коррупцией, организованной преступностью, терроризмом, наркотизмом и другими опасными преступлениями современности» [11]. В этой связи принципиальными особенностями фундаментальных исследований сегодняшнего дня, направленных на оптимизацию уголовно-правового воздействия на преступность, видятся их функциональность и практическая значимость как для законодателя, так и для правоприменителя.

ЛИТЕРАТУРА

1. О противодействии коррупции: ФЗ РФ от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ // Российская газета. — 2008. — 30 декабря.
2. Петров В.И., Тихонова С.Н. Коррупция в Российской Федерации: мировые оценки // Преодоление коррупции — главное условие утверждения правового государства: методологический, концептуально-теоретический, правовой, аналитико-прогностический аспекты: межведомственный научный сборник. — М.; Киев, 2010. — Т.2 (40).
3. Соколов А.Н. Юридическая практика как критерий управления обществом: монография / под ред. А.Н. Соколова и В.М. Бочарова. — Калининград, 2008. — С.34.
4. Политическая коррупция. — Оксфорд, 1988. — С.1—3.
5. Абызов Р.М., Пашаев Х.П. Криминологический анализ организованной преступности: монография. — Барнаул, 2004. — С.85.
6. Лунеев В. Настоящей борьбы с коррупцией в России нет// Уголовное право. — 2007. — № 5.
7. Здравомыслов Б.В. Должностные преступления. — М., 1975. — С.48.
8. Мельникова В.Е. Должностные преступления. — М., 1985. — С.5—6.
9. Ковалева Н.М. Должностное лицо и должностное преступление в законодательстве, теории и судебной практике России: монография. — М., 2006. — С.102.
10. Власов В.В., Кобец П.Н., Демковец О.В. О необходимости использования в отечественном законодательстве международного опыта предупреждения и пресечения коррупции в государственном аппарате // Состояние и тенденции развития организованной преступности в Российской Федерации: материалы круглого стола (Москва, 14 ноября 2008 г.). — М.: ВНИИ МВД России, 2009. — С.215.
11. Лунеев В.В. Науки криминального цикла и борьба с преступностью // Уголовное право. — 2008. — № 6. — С.121.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ СТАТЬИ:

Векленко Сергей Владимирович. Заместитель начальника института по научной работе. Доктор юридических наук, профессор.

Воронежский институт МВД России.

E-mail: veklenkosv@mail.ru

Россия, 394065, Воронеж, просп. Патриотов, 53.

Veklenko Sergei Vladimirovich. Deputy Head of the Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia's scientific work. Doctor of Juridical Sciences, professor.

Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53.

Ключевые слова к статье: коррупция; противодействие коррупции; меры предупреждения и пресечения.

Key words: corruption; corruption counteraction, measures for the prevention and suppression.

ББК 67.99.2



В.А. Лелеков,
доктор юридических наук,
профессор



Ю.П. Добросоцкая

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ВЫПУСКНИКОВ ДЕТСКИХ ДОМОВ И ШКОЛ-ИНТЕРНАТОВ КАК КРИМИНОГЕННЫЙ ФАКТОР

PROBLEMS OF SOCIAL ADAPTATION OF CHILDREN'S HOMES AND BOARDING SCHOOLS GRADUATES AS A CRIMINOGENIC FACTOR

В статье анализируются состояние и криминогенные факторы преступности несовершеннолетних, лишившихся родительского попечения и помещенных в детские дома, школы-интернаты, предложены меры по повышению эффективности воспитательно-профилактической работы с этой категорией детей.

The state and the criminogenic factors of a juvenile delinquency of the minors left without parental care and living in children's homes and boarding schools are analyzed in the article. Some measures are suggested to raise the effectiveness of the educational and preventive work with this category of children.

Социально-экономическая и политическая нестабильность в обществе усиливает негативные тенденции в развитии брачно-семейных отношений. На практике и в теории уже давно доказана связь преступности несовершеннолетних с неблагополучными семьями. При этом указываются разные комплексы, отрицательно действующие на несовершеннолетних в таких семьях: проблемы в организации контроля за поведением детей, низкий уровень помощи в учебе, напряженная атмосфера внутри и вокруг семьи, легкомысленное или аморальное поведение оставшегося с детьми родителя, ухудшение материально-бытовых возможностей семьи [1].

Ни для кого не секрет, что в последние годы в России, в условиях продолжающейся нестабильности, наблюдается устойчивая тенденция роста числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (731 тыс.). Повышенное

внимание общества и государства требуется наиболее уязвленной категории детей, к которой также относятся дети-инвалиды (587 тыс.) и дети, находящиеся в социально опасном положении (676 тыс.). Указанные группы детей нуждаются в первую очередь в социальной адаптации и реабилитации, интеграции в общество [2].

Лишь небольшое число детей остались без попечения в результате смерти их родителей. Остальные относятся к явлению так называемого «социального сиротства», то есть являются сиротами при живых родителях, и число их продолжает расти. По числу сирот, приходящихся на каждые 10 тысяч детского населения, Россия занимает первое место в мире [3].

Основными причинами увеличения числа детей-сирот при живых родителях являются падение социального престижа семьи, ее материальные и жилищные трудности, межнациональные конфлик-

ты, высокий процент родителей, ведущих асоциальный образ жизни. Нельзя не отметить рост внебрачной рождаемости, среди всех новорожденных их удельный вес составляет 30% [4]. В этой связи защита прав и интересов детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, приобретает в Российской Федерации крайне важное значение. В последние годы в связи с небывалым ростом числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, актуальность данной проблемы для нашей страны резко возросла.

Всего в России проживают 29 млн. детей. Из них 150—200 тысяч в возрасте 14—17 лет ежегодно совершают преступления. Эти цифры нашли отражение в официальной статистике, но значительная часть преступлений остается латентной [2]. Что касается преступлений, совершаемых несовершеннолетними, оставшимися без родительского попечения, статистические данные таковы: за десять лет (2000—2009 гг.) были осуждены за преступления 88240 воспитанников детских домов и школ-интернатов. Причем динамика удельного веса воспитанников детских домов среди всех осужденных несовершеннолетних вызывает особую тревогу: в 1996—1998 годах он был равен 5,3%; в 1999 году — 5,4 %; в 2000 году — 5,5%; в 2001—2007 годах постоянно возрастал и достиг максимального значения — 12,8%; в 2008 году — 12,6% и в 2009 году — 12,3% [5].

Говоря о некоторых причинах преступности несовершеннолетних, лишенных родительского попечения, необходимо обратить внимание на следующее. В январе 2011 года нами был проведен экспертный опрос сотрудников Воронежской школы-интерната №1 для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. 39,5% опрошенных считают, что после выпуска у воспитанников чаще всего возникают трудности с адаптацией к новым жизненным обстоятельствам. И это, по мнению 37,1% экспертов, является одной из причин, объясняющих рост преступности данной категории несовершеннолетних. Так, по оценке специалистов, уже через год после выпуска из детского дома 20% — становятся преступниками; 30% — превращаются в бомжей; 10% — заканчивают жизнь самоубийством [6].

В ежегодном послании Федеральному Собранию 30 ноября 2010 года Президент России особо отметил: «Нам нужны программы социальной адаптации и сопровождения выпускников детских домов. Мало обучить и накормить детей — их нужно вывести в новую, взрослую жизнь подготовленными и уверенными в себе. Здесь велика роль не только педагогов, но и местных властей. Они могли бы, например, оплачивать расходы выпускников детских домов на посещение подготовительных курсов в системе высшего и среднего профессионального образования» [7].

Социальная адаптация детей сирот — одна из наиболее важных составляющих успеха в воспитании будущих граждан страны. Их будущее напрямую зависит от того, насколько они смогут ужиться в обществе. Нужно с малых лет показать детям-сиротам, что они полноценные члены общества. При этом ребенок еще с детства должен видеть примеры поведения не только в коллективе, где он находится круглые сутки. Закрытый, ограниченный коллектив — это не лучший пример того широкого общества, в которое вступает ребенок, покинув дом, в котором он вырос. Адаптация каждого ребенка должна начинаться не после того, как ребенок покинет приют, а с первых дней пребывания там.

Проведенный нами экспертный опрос сотрудников Воронежской школы-интерната №1 для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, показал, что, по мнению опрошенных, для более успешной адаптации детей необходимо помимо предметов, преподаваемых в средних школах, ввести в обучение предметы о здоровом образе жизни, домоводстве, культуре общения.

Для несовершеннолетних, лишенных родительского попечения и проживающих вне семьи, очень важно иметь какое-то общение вне стен интерната. Помимо того, что это дает ребенку возможность расширить круг общения, это помогает избежать проявления «чувства стаи», которое зачастую приводит к формированию ложных ценностей на почве сознательного отчуждения от общества. От всего коллектива интернатного учреждения будет зависеть формирование устойчивой системы ценностей, моральные принципы построения отношений.

Необходимо отметить и то, что в социальной адаптации детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, важную роль могут играть предприятия и учреждения, напрямую не связанные с воспитанием детей. В настоящий момент в России не распространен институт кураторства, а те организации, которые участвуют в таких экспериментах, во многом относятся к ним формально. Считаю целесообразным закрепление за детскими домами и школами-интернатами кураторами учреждений среднего и высшего профессионального образования, что может привести к стремлению детей к познанию, обретению нужной профессии и завязыванию тесных и доверительных отношений с людьми. Государству необходимо заинтересовать такие учреждения и руководителей всех уровней для участия в подобных программах, потому что в настоящее время социальное сиротство в России приобретает катастрофические темпы и с каждым годом, при непринятии срочных мер, будет только расти.

Положительные примеры уже есть: так, на базе Воронежского института МВД России по инициативе кафедры уголовного права и кри-

минологии создан Ювенальный центр по правовому обеспечению реализации ювенальной политики в регионе. При Ювенальном центре с 2000 года работает специализированный детский правозащитный спортивно-оздоровительный лагерь «Ювеналист», который организует свою работу в каникулярный период для обучения основам ювенального права, правовой и социальной защиты различных категорий несовершеннолетних — лишенных родительского попечения, имеющих отклонения в поведении, состоящих на учете в подразделениях по делам несовершеннолетних, детей-сирот, детей — социальных сирот и т.п.

Именно воспитательный процесс, который складывается из физического, нравственного, трудового и патриотического воспитания позволит ребенку быть разносторонне развитым, грамотным и чувствовать себя равноправным членом общества.

Отношение к детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, — это показатель развития гражданского общества и государства в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Игошев К.Е., Миньковский Г.М. Семья, дети, школа. — М., 1989. — С. 295—296.
2. О федеральной целевой программе «Дети России» на 2007—2010 гг.: Постановление Правительства РФ от 21.03.2007 г. №172.
3. Попова Н. «Колыбель» русского аиста в штате Монтана // Аргументы недели. — 2010. — №18.
4. Материалы официального сайта Федеральной службы государственной статистики России на 20.01.2011 г. — URL: <http://www.gks.ru>.
5. Преступность и правонарушения (2000 — 2009 гг.): статистический сборник / ГИАЦ МВД России. — М., 2001, 2006, 2010.
6. Андрухин Н.Г., Новосельцева Е.А. Вопросы совершенствования деятельности милиции общественной безопасности: сб. №11. — М.: ГУООП СОБ МВД России; ВНИИ МВД России, 2004. — С. 58.
7. Материалы официального сайта Президента Российской Федерации. — URL: <http://kremlin.ru/news/9637>.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ СТАТЬИ:

Лелеков Виктор Андреевич. Профессор кафедры уголовного права и криминологии, доктор юридических наук, профессор.

Воронежский институт МВД России.

Россия, 394065, Воронеж, проспект Патриотов, 53. Тел. (473) 270-05-45.

Добросоцкая Юлия Павловна. Аджункт кафедры уголовного права и криминологии. Воронежский институт МВД России.

Россия, 394065, Воронеж, проспект Патриотов, 53. Тел. (473) 270-05-45.

Lelekov Viktor Andreevich. Professor of the chair of criminal law and criminology. Doctor of Law, professor.

Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53. Tel. (473)270-05-45.

Dobrosotskaya Julia Pavlovna. Post-graduate of the chair of criminal law and criminology.

Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53. Tel. (473)270-05-45.

Ключевые слова: дети, оставшиеся без попечения родителей; детские дома; школы-интернаты; органы опеки и попечительства; усыновление детей; социальное сиротство.

Key words: minors left without parental care; children's homes; boarding schools; organs of guardianship and care; adoption; social orphanhood.

УДК 343.9



Т.М. Занина,
кандидат юридических наук,
профессор



И.С. Морозова

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

ADMINISTRATIVE LEGAL BASICS OF SERVICE IN THE POLICE FORCES OF THE UNITED KINGDOM

В статье анализируются особенности административно-правового регулирования деятельности полиции Великобритании.

The research paper analyses the peculiarities of administrative legal regulation of service in the police forces of the United Kingdom.

7 февраля 2011 г. Президент Российской Федерации Дмитрий Медведев подписал Федеральный закон «О полиции». На сотрудников полиции возлагается выполнение важнейшей государственной функции по защите жизни, здоровья, прав и свобод граждан. Степень реализации данной функции во многом зависит от тех, кто будет носить звание полицейского. Именно на создание новой, профессионально грамотной, авторитетной в обществе организации направлена реформа всей системы МВД России. «Создание полиции — это не «рембрендинг» милиции в полицию. Речь о новом правоохранительном институте, единой, мобильной, эффективной и технически оснащенной структуре, которая укомплектована специалистами самого высокого уровня, — в этом цель преобразований в МВД», — констатирует глава государства [7]. С этой же целью обсуждаются концептуальные идеи, взгляды, анализируется аналогичный зарубежный опыт, закладываются основы соответствующих законодательных актов.

На современном этапе развития юридической науки большую теоретическую и практиче-

скую значимость приобретают проблемы, связанные с административно-правовым регулированием правоохранительной службы как вида государственной службы. Как справедливо замечает доктор юридических наук, профессор А.М. Артемьев, «создать действенную государственную правоохранительную службу в составе общей системы государственной службы в объеме, структуре и правовой урегулированности, принятых в развитых демократических государствах, — дело ответственное и сложное» [2;13].

Развитие современного общества осуществляется в рамках всеобщей глобализации всех сфер общественной жизни. Не является исключением и правоохранительная система. Создание единого европейского правового пространства требует изучения и обобщения положительного опыта, накопленного в других странах. В данном контексте актуальным становится изучение и анализ административно-правовых основ деятельности полиции Великобритании.

Современные институты правоохранительных органов берут свое начало на Европей-

ском континенте. Прообразом современной полиции ученые считают именно Столичную полицию (Metropolitan Police) Великобритании, образованную в соответствии со статутом (законом) 1829 г. — «Актом о столичной полиции». Это была первая в истории профессиональная регулярная организация, в компетенцию которой входили вопросы охраны правопорядка.

Принципы деятельности органов полиции Великобритании приобрели общеевропейское значение. Проведенная в 2002—2006 гг. реформа данного института во многом способствовала повышению его роли в обществе. Кроме того, большинство инновационных методов полицейской работы связано именно с деятельностью полиции Великобритании. Благодаря широкому использованию инновационных методов работы, современной системы оперативной связи полиция стала максимально мобильным подразделением. Обращает на себя внимание и детально разработанная законодательная база, регламентирующая деятельность полиции.

Административно-правовое обеспечение государственной службы в полиции Великобритании является в своем роде уникальным. Эта уникальность связана со спецификой исторического развития британского административного права, для которого, в свою очередь, свойственен ряд особенностей, обусловленных характером правовой системы, относящейся к правовой семье общего права. Специфика английского права, как замечают авторы учебника «Административное право зарубежных стран» А.Н. Козырин и М.А. Штатина, заключается в том, что «для данной правовой системы длительное время было характерно его деление на частное и публичное» [1;328]. Такое деление было связано с отсутствием четкого разграничения конституционного и административного права опять же в силу исторически сложившихся причин. К одной из таких причин следует отнести отсутствие в Великобритании писаной конституции. Как отмечает известный британский ученый-правовед П. Кейн, «деление права на частное и публичное было обусловлено необходимостью установления особого правового режима для государственных органов» [14;43].

Особенности административного права Великобритании связаны также со своеобразием государственно-правовых форм, политического строя, самой системы управления в целом: верховенство парламента, разделение полномочий между администрацией и судами, ответственность министров, господство права. Как следствие, ключевой проблемой английского административного права, по мнению большинства ученых-правоведов, является

его контроль, прежде всего судебный, а затем и внесудебный, за деятельностью исполнительных органов [2,3,4,10,12]. В английском административном праве проблема ответственности исполнительных органов и должностных лиц получила детальную разработку. Недаром доктор права К. Дэйси квалифицирует административное право как отрасль, которая «определяет юридический статус и законное существование всех государственных органов, права и обязанности граждан, регулирует их отношения с публичными органами, а также определяет процедуру, при помощи которой эти права и обязанности вступают в силу» [12;429].

Свою специфику имеют и источники английского административного права. Несмотря на то, что в Великобритании отсутствует писаная конституция, неписанные конституционные обычаи — конвенции (convention) — являются важным источником права, регулирующим многие вопросы формирования, деятельности правительства и кабинета.

По мнению ученых-правоведов А.Н. Козырина, М.А. Штатиной, Д. Гарнера, П. Кейна, в настоящее время в английском законодательстве увеличивается роль закона (статута) [1, 3, 14]. Статутом регулируются вопросы, относящиеся к организации административной юстиции, органов местного самоуправления.

Различные текущие вопросы регулируются другим источником права — делегированными актами. Законодательными полномочиями (statutory powers) для издания делегированных актов парламент наделяет по своему усмотрению (по принципу парламентского верховенства) такие органы, как глава государства, министры, местные органы, учреждения и корпорации. Делегированные акты, большую часть которых составляет правительственное нормотворчество, реализуются в различных формах: приказы короля в Совете, приказы, правила, инструкции, циркуляры и иные предписания министерств и ведомств. Высшей формой делегированного акта считается «Приказ в Совете», издаваемый правительством от имени королевы и Тайного совета.

Обширным источником административного права является и так называемое автономное законодательство. Автономное законодательство включает акты органов местного самоуправления (by-laws), в качестве примера которых можно привести Акты о местном самоуправлении 1999 и 2000 гг., и акты, издаваемые корпорациями, например решения администрации по отдельным делам, ставшие административными прецедентами. Такого рода нормативные акты можно отнести скорее к актам применения. «Данная группа актов является примером того, насколько в английском праве расплывчаты гра-

ницы между нормативными и исполнительными актами» [1, 331].

Не утратил своего значения в качестве важного и полноценного источника английского права судебный прецедент (judicial precedent) — решение высших судов, имеющих обязательную силу для них самих и нижестоящих судов, то есть общеобязательное судебное толкование статута. Судебный прецедент является традиционным правовым источником в английском праве.

На современном этапе развития английского административного права наряду с правовыми источниками большое значение приобретают такие нормы, как различные кодексы, уставы, которые носят рекомендательный характер, например кодексы поведения [1; 330—331; 13; 284—286]. Перечисленные общенациональные нормативные акты обеспечивают деятельность государственной службы Великобритании в целом и полиции в частности.

Полиция по своему статусу представляет особую категорию государственных служащих управления объединенных полицейских сил [3;311], которые по статуту считаются корпоративными органами, но на деле рассматриваются как орган смешанной компетенции, то есть орган, осуществляющий полномочия на территории более обширной, чем та, на которой действует местный орган власти. Учитывая данные обстоятельства, наиболее распространенными источниками права, регламентирующими прохождение службы в полиции, являются национальные специализированные акты. Данная юридическая практика исторически восходит к закону, который официально зарегистрирован как Акт о столичной полиции 1829 г., и Законом о региональной полиции 1835 и 1856 гг. «Названные акты, по существу, заложили основу системы управления полицейскими силами Великобритании, действующей по сей день», — отмечает профессор А.В. Губанов [4;18]. Большинство специализированных актов издаются Ассоциацией главных полицейских чиновников (the Association of Chief Police officers) и Федерацией полиции ((the Police Federation), а затем утверждаются Министерством внутренних дел.

Кроме того, правовое поле деятельности полиции регулируется правилами, изложенными в административных актах и кодексах в соответствии с различными законами, находящимися в компетенции уголовного и уголовно-процессуального права. Так, на основе Закона о полиции и доказательствах по уголовным делам 1984 г. была издана серия административных кодексов, регламентирующих деятельность полиции по расследованию уголовных преступлений. Решения, связанные с производством обысков и арестов, предварительным заключением обвиняемых, рассмотрением жалоб на следственные действия по-

лицейских, а также оценкой некоторых доказательств, в частности полученных с помощью компьютерных устройств, регулируются правилами, изложенными в административных кодексах в соответствии с данным законом.

Важным законодательным актом, регламентирующим деятельность полиции, является Антитеррористический закон (UK Terrorism Act, 2007), вступивший в силу 1 октября 2007 года. Данный закон существенно расширил полномочия полиции. Полиция на законных основаниях получила постоянный доступ к сведениям о номерах, с которыми связывался отдельный гражданин; именам, фамилиям, адресам переговаривающихся; местонахождению абонента. Закон обязал все телефонные компании Великобритании тщательно записывать, хранить информацию и передавать ее полиции по первому требованию. А в 2009 году правительство распространило эту меру и на интернет. В результате полиция получила доступ к спискам всех сайтов, которые посетил каждый конкретный пользователь сети [8]. Новым Антитеррористическим законом было ужесточено наказание за совершение террористических актов или за приготовление к теракту. Максимальным наказанием было определено пожизненное заключение. Часть 2 данного Закона предоставила более широкие полномочия министру внутренних дел, в частности к его компетенции отнесен запрет террористических групп независимо от их названия. Принятие данного закона позволило полиции Великобритании еще в большей степени активизировать осуществляемую антитеррористическую деятельность.

На современном этапе в работе полиции Великобритании основополагающую роль играет специальный Закон о полиции 2006 г., принятый на основе Закона о реформе полиции 2002 г. [5]. С целью совершенствования правового регулирования прохождения службы в полиции в части 6 вышеуказанного закона соответствующими положениями были уточнены правила приема, назначения и аттестации сотрудников полиции [15]. Данный закон четко определил функции полицейских сил. В новый закон были внесены поправки, расширяющие права и обязанности полиции. В частности, в законе дана подробная характеристика таких положений, как задержание, обыск (личный обыск, обыск с целью обнаружения улик), проверка на дорогах, задержание в полицейском участке, снятие отпечатков пальцев, опознание и получение юридической консультации, арест [15;311]. Одновременно в законе были определены компетенции полиции, попадающие под особый контроль со стороны высших законодательных инстанций. Таким образом, полиции были предоставлены обширные легальные возможности в сочетании с высокой ответственностью и разви-

тыми формами контроля за осуществлением конкретных полицейских функций.

При разработке нового Закона о полиции, особенно части, касающейся определения прав и обязанностей служащего полиции, а также деятельности полиции по защите прав человека, учитывались известные правозащитные стандарты: Всеобщая Декларация прав человека, принятая Генеральной Ассамблеей ООН в 1948 году, Конвенция Совета Европы о защите прав человека и фундаментальных свобод от 1950 года, которую обычно называют Европейской Конвенцией о правах человека. Последняя, как известно, является юридически обязательной для подписавших и ратифицировавших ее государств и практически во всех странах включена в национальное законодательство. В новом Законе о полиции читаем: «Полиция способствует защите прав человека, поддерживая общественный порядок так, чтобы люди могли воспользоваться своими правами и свободами. Помимо принятия решительных мер для защиты прав человека, полиция должна уважать права человека при выполнении своих обязанностей» [5]. Эти положения берут свое начало в Европейской Конвенции о правах человека. При определении функций полиции по защите прав человека также учитывались труды члена Центра по правам человека при Эссекском университете Р. Кроушоу, в частности серия его работ «Права человека и полиция» [6].

В ходе реформы новым законом был уточнен статус и права полицейских органов с учетом рекомендаций Декларации о полиции (Резолюция 690), принятой в 1979 году Парламентской Ассамблеей Совета Европы. В части Б данной Декларации, которая носит название «Статус», говорится, что «полицейские органы — это государственные органы, созданные по закону, которые отвечают за поддержание и соблюдение закона. Любой гражданин может стать сотрудником полиции, если он отвечает соответствующим требованиям. Профессиональные, психологические и материальные условия, в которых полицейский должен выполнять свой долг, таковы, что они защищают его честность, беспристрастность и достоинство. Полицейский имеет право на справедливое жалование с учетом особых факторов, например большой риск, ответственность и пр.» [10].

Условия труда полицейского (ставки заработной платы, продолжительность рабочего времени и др.) закрепляются в индивидуальных трудовых соглашениях, для которых особое значение приобретают общие предписания, содержащиеся в парламентских актах. К ним можно отнести Законы о профсоюзах и трудовых отношениях 1974 и 1976 гг., о защите занятости 1975

и 1978 гг., о занятости 1980, 1982 и 1988 гг., о заработной плате 1986 г. и др. [14].

По Закону о полиции полицейский имеет право на членство в профессиональном союзе. Профессиональный союз полиции наделен правами участия в переговорах с сотрудниками Ассоциации главных полицейских чиновников и Федерации полиции о профессиональном статусе полицейских; дачи консультации об управлении полицейскими структурами; ведения юридических дел от имени группы полицейских или одного полицейского и пр. В случае, если по месту службы ведется дисциплинарное расследование по какому-либо административному правонарушению, совершенному полицейским, последний имеет право на беседу с адвокатом и на его защиту. Полицейский, против которого были приняты дисциплинарные меры или другие санкции, имеет право апелляции в независимый и беспристрастный орган (например, в трибунал) или суд. Перед любым судом или трибуналом полицейский имеет такие же права, как и прочие граждане [13;119].

Система социального обеспечения полицейских является единой с другими государственными служащими Великобритании и функционирует на основе четкой законодательной базы. Система различных фондов, формируемых за счет работников, предпринимателей, средств муниципальных органов и государственного бюджета, позволяет выплачивать пенсии по старости, инвалидности, выделять деньги на оплату образования, жилья, погашение кредитов и пр. Из числа основных законодательных актов в этой области можно назвать Закон о национальной службе здравоохранения 1977 г., Закон о социальном обеспечении 1985 г., Закон о хронических больных и инвалидах 1970 г., Закон о несчастных случаях на производстве и профессиональных болезнях 1975 г. Полицейский также имеет право на материальную помощь со стороны профессионального союза, членом которого он является.

Эффективному функционированию системы социального обеспечения способствует и сама английская полиция, хотя полицейские — это не социальные работники, и социальная работа не входит в рамки их компетенции. Но, тем не менее, полицейские, проводя регулярные встречи с местными властями для обсуждения социальных проблем, постоянно общаясь с людьми из разных слоев общества, вносят свой вклад в улучшение жизни общества и поддержание обстановки безопасности граждан. Меры по защите прав детей и предотвращению насилия в семье считаются обязанностями полиции. Раньше полиция не вмешивалась в конфликты, считавшиеся «семейными», но теперь полицейские вправе оказы-

вать помощь пострадавшей стороне и преследовать нападавшего по закону [13;211].

Немаловажное значение в деятельности полиции играют и такие нормы, как кодексы поведения, принимаемые Комитетом по стандартам публичной сферы Великобритании, например Кодекс полицейской этики, Кодекс поведения государственного служащего, Кодекс поведения полицейского, хотя они и не являются юридически закрепленными нормами. Кодекс поведения полицейского определяет профессионально значимые качества, формирует ценностные ориентиры, соответствующие должности полицейского в современном демократическом обществе. Положения, сформулированные в Кодексе о полицейской этике, служат основой при определении функциональных обязанностей полиции, ее профессиональных и поведенческих стандартов. Данные положения созвучны соответствующим положениям таких международно-правовых актов, как Европейский кодекс полицейской этики для полиции европейских стран (The European Code of Police Ethics) и Декларация о полиции. Европейский кодекс полицейской этики был принят Комитетом Министров Совета Европы 19 сентября 2001 г. В нем определены принципы деятельности полиции, сформулированы основные ее цели [16]. В Декларации о полиции (Резолюция 690) в части А, которая так и называется «Этика», в частности, говорится: «Полицейский выполняет обязанности, возложенные на него законом, защищая своих сограждан и общество от насильственных, грабительских и других вредоносных действий, как определено по закону. Полицейский действует честно, беспристрастно и с достоинством. Он воздерживается и решительно противостоит всем актам коррупции...» [10].

Как видим, в последние десятилетия английское законодательство в сфере административно-правового регулирования деятельности полиции приобретает все более систематизированный характер. Перечисленные законодательные акты далеко не исчерпывают существующую нормативно-правовую базу, обеспечивающую деятельность полиции, но являются теми основными, которые позволяют сделать ее максимально эффективной в плане осуществления правоохранительной деятельности, направленной на защиту жизни, здоровья, прав и свобод граждан, охрану общественного порядка, собственности, обеспечение безопасности общества и государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Административное право зарубежных стран: учебник / под ред. А.Н. Козырина, М.А. Шатиной. — М.: Спарк, 1993. — С. 328—331.
2. Артемьев А.М. Государственная правоохранительная служба: системные свойства, функции, правовое обеспечение: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.14. — М., 2008. — С.13.
3. Гарнер Д. Великобритания: центральное и местное самоуправление. — М.: Прогресс, 1984. — С.311.
4. Губанов А.В. Полиция зарубежных стран. — М.: МАЭП, 1999. — С. 18.
5. Закон о реформе полиции 2002 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [www. met. police. uk](http://www.met.police.uk), [policing online information system www polis. osce. org / library](http://policingonlineinformationssystemwww.polis.osce.org/library).
6. Кроушоу Р. Права человека и полиция: пособие по практическому обучению (CI (98) 1, 2). — Страсбург: Центр информации по правам человека, Совет Европы, 1998. — 136 с.
7. Материалы коллегии МВД. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [http // www. rg. ru](http://www.rg.ru).
8. Международный опыт правоохранительной деятельности. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [http: // eyi. sci- lib. com / artikl 0000704 / html](http://eyi.sci-lib.com/artikl0000704/html).
9. О реформе в полиции Великобритании. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [http // www. met. police. uk, policing online information system/ www. polis. osce. org / library/ GZT. RU](http://www.met.police.uk/policingonlineinformationssystem/www.polis.osce.org/library/GZT.RU).
10. Тейлор М. Полиция и права человека в европейском контексте: справочное пособие. — Страсбург: Центр информации по правам человека, Совет Европы, 1999. — 218 с.
11. Этика публичной политики: из опыта работы Комитета по стандартам публичной сферы Великобритании. — М.: Спарк, 2001. — 184 с.
12. Dicey K. Law and Public. Opinion in England. — Cheshire, 1962. — 632 p.
13. English Jack. Police Training Manual. — 8 rev. ed. — London: McGraw-Hill Book Company Europe, 1996. — 611 p.
14. Cane P. Administrative Law. — L., 1980. — P. 43.
15. Police Act, 2006. — P. 311.
16. The European Code of Police Ethics. — Council of Europe Publishing, 2002. — 73 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ СТАТЬИ:

Занина Татьяна Митрофановна. Начальник кафедры административного права и административной деятельности ОВД. Кандидат юридических наук, профессор.

Воронежский институт Министерства внутренних дел России.

Россия, 394065, г. Воронеж, проспект Патриотов, 53. Тел. (473) 247-64-83.

Морозова Ирина Сергеевна. Аспирант кафедры административного права и административной деятельности ОВД.

Воронежский институт МВД России.

E-mail: vorhmscl@comch.ru.

Россия, 394065, г. Воронеж, проспект Патриотов, 53. Тел. (473) 2476483

Zanina Tatiana Mitrofanovna. Chief of the chair of administrative law and administrative activities of Interior organs. Candidate of law, professor.

Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53. Tel. (473) 247-64-83.

Morozova Irina Sergeevna. Full-time post-graduate student.

Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53.

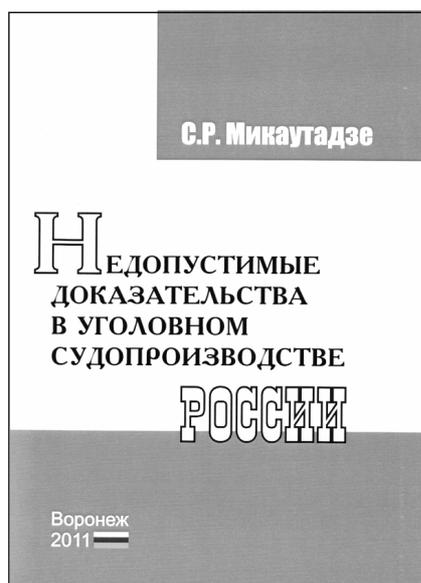
Tel. (4732)476483.

Ключевые слова к статье: правовое регулирование, государственная служба, законодательные полномочия, акты органов местного самоуправления, полиция, реформирование полиции.

Key words: legal regulation, public service, statutory powers, by-laws, police and policing, police reformation.

УДК 342

ИЗДАНИЯ ВОРОНЕЖСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ



Недопустимые доказательства в уголовном судопроизводстве России: учебное пособие / С.Р. Микаутадзе. — Воронеж: Воронежский институт МВД России, 2011. — 64 с.

В учебном пособии раскрывается понятие и правовая сущность недопустимого доказательства в действующем уголовно-процессуальном законодательстве России, дается понятие следственных ошибок, их классификация и рекомендации по недопущению.

Учебное пособие предназначено для курсантов, студентов, слушателей и преподавателей образовательных учреждений МВД России, а также следователей и дознавателей системы МВД и других правоохранительных органов.



И.А. Кибак,
кандидат психологических наук,
доцент, Академия МВД Республики
Беларусь

СОБЛЮДЕНИЕ ПРИНЦИПОВ В ЗАКОНОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

OBSERVANCE OF PRINCIPLES IN LEGISLATIVE ACTIVITY

Рассматриваются проблемы применения основных принципов в законотворческой деятельности. Приводится классификация основных принципов законотворчества, которые пронизывают все этапы законотворческого процесса. Отмечается, что принципы законотворчества носят в большей степени прикладной характер и их можно охарактеризовать как требования к законотворчеству.

In this article there is a consideration of applications of main principles in legislative activity. There is a classification of main principles of lawmaking which penetrate all stages of legislative process. It is noticed, that lawmaking principles carry most an applied character. These stages can be characterized as the requirements to lawmaking.

Актуальность проблемы вызвана потребностями законотворческой практики и психолого-правовой теории. Непосредственная практика парламентской (законотворческой) деятельности в качестве депутата Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь второго созыва (далее — депутат) и проведенные исследования позволили сделать вывод о том, что субъекты права законодательной деятельности (далее — субъекты права) — коллеги-депутаты — ощущают потребность в расширении и углублении своей профессиональной компетентности, постижении специальных принципов законотворчества.

Законотворчество, как и любой вид деятельности в государственно-организованном обществе, должно быть упорядочено, четко регламентировано, должно подчиняться определенным психолого-правовым принципам, регламенту, правилам, требованиям. Основные принципы законотворчества имеют объективное значение, их содержание зависит в конечном счете от экономических общественных отношений, от объективных закономерностей развития общества. Тем самым основные принципы законотворческой деятельности не есть произвольные веления субъектов права или иных

государственных органов, должностных лиц. Они должны отражать и учитывать объективные факторы, влияющие на законодательное регулирование общественных отношений в государстве, а также различные факторы общественного сознания, уровень культуры и правосознания народа и другие условия и обстоятельства.

Задача принципов законотворчества состоит в том, чтобы помочь субъекту права (депутату) избежать психолого-законотворческих ошибок, снизить вероятность создания неэффективных правовых норм, законопроектов.

Теоретическая разработка проблем законотворческой деятельности, в частности ее принципов, должна находить практическое воплощение в специально принимаемых правовых нормах, регулирующих процесс законотворчества на различных его уровнях. Принципы законотворческой деятельности находятся в органической взаимосвязи, взаимодействии друг с другом. К основным принципам законотворчества относятся: законность, демократизм, гласность, научность, эффективность законотворчества, соответствие формы и содержания закона, планирование, приоритетность, экономия, признание

высшей ценностью прав и свобод человека и гражданина, единство юридической терминологии, связь с практикой — эти идейные начала пронизывают все стадии законопроектной деятельности, на каждой из них получая определенное содержательное наполнение.

Принцип законности, являясь конституционным, подразумевает прежде всего требование соблюдения законов. Следовательно, первейшей и непосредственной предпосылкой осуществления принципа законности является наличие законов — актов высших органов государственной власти и соответствующих им подзаконных нормативных актов.

Под законностью в законотворчестве понимается то, что вся законотворческая работа по подготовке, принятию и опубликованию законов должна осуществляться в рамках закона, и прежде всего — Конституции [2. — С.17—29; 3. — С.5—10]. Еще во второй половине XIX в. Н.М. Коркунов обосновал необходимость психологической интерпретации социальных процессов. Чувство права психологически обусловлено и представляет собой осознание общей идеи: требовать от другого каких-либо действий или воздержания от действий. «Правовые нормы, — писал Н.М. Коркунов, — устанавливаются, насколько мы имеем или не имеем право осуществлять наши интересы при столкновении их с чужими интересами» [4. — С.112]. Дальнейшее развитие психология законности получила в трудах Л.И. Петражицкого, трактовавшего право и законность как особые психические явления — переживания императивно-атрибутивного, то есть обязывающе-предоставительного характера. С.С. Алексеев считает, что законность предполагает верховенство Конституции и законов, равенство всех перед законом; наличие социальных и юридических механизмов, обеспечивающих реализацию прав; гарантированное, качественное издание и применение законов, неотвратимость юридической ответственности для всех, кто нарушил закон; стабильность, устойчивость правопорядка, эффективную работу механизмов правового регулирования [1. — С. 265—271]. Однако принцип законности выступает в качестве системообразующего и должен пропитывать все сферы жизни общества, в том числе и законотворчество, ведь его общепризнанная суть заключается в том, что, являясь конституционным, он подразумевает прежде всего требование соблюдения законов.

В законотворческой деятельности в полной мере должен реализовываться *принцип демократизма*. При этом принцип демократизма рассматривается как особый принцип законотворчества, который проявляется в гласности обсуждения проекта закона в законодательном органе, его свободной критике, рассмотрении альтернативных вариантов проекта закона и т. д. Принцип

демократизма означает *публичность, открытость законотворчества*, возможность влияния на него народа, учета его интересов, то есть подготовка законопроектов должна осуществляется на широкой демократической основе, включая в себя учет и анализ общественного мнения, предложений различных общественных объединений, трудовых коллективов, органов общественного самоуправления граждан, а также ученых и специалистов, владеющих тематикой законопроекта.

Важным проявлением принципа демократизма в законотворчестве является опубликование подготовленных проектов законов в печати для широкого ознакомления и обсуждения общественностью. Это дает возможность выявления, всестороннего и максимально полного учета мнений граждан, трудовых коллективов, социальных и профессиональных групп и слоев. Существенную роль в реализации данного принципа может сыграть закон о всенародном обсуждении законов. Такой закон должен предусматривать юридические гарантии для максимально широкого выражения мнения граждан по обсуждаемым законопроектам. Большое значение имело бы установление четко обозначенной процедуры, в соответствии с которой производился бы учет поступающих индивидуальных и коллективных замечаний и предложений, порядок их рассмотрения и использования при доработке законопроектов, Учет и анализ поступающих замечаний и предложений должен быть реализован, главным образом, субъектами права законодательной инициативы.

Принцип гласности законотворческого процесса самым тесным образом связан с ранее рассмотренным принципом демократизма. Принцип гласности применительно к законотворчеству означает, с одной стороны, прозрачность процедуры обсуждения и принятия законопроектов, а с другой — обязательное опубликование принятых законов. Проекты законов публикуются в СМИ или обнародуются в иных формах вместе с сопровождающими их документами (пояснительной запиской, перечнем законодательных актов, подлежащих признанию утратившими силу, приостановлению, изменению, дополнению или принятию в связи с принятием нового закона, финансово-экономическим обоснованием) для максимально возможного вовлечения общественности в их обсуждение. Принцип гласности предполагает также информированность граждан обо всех деталях обсуждения и принятия законопроектов. До общественности доводится информация обо всех разногласиях по вопросам, возникающим внутри законодательного (представительного) органа власти либо между законодательным (представительным) и исполнительными органами государственной власти. Открытость и гласность — фундаментальные черты (принци-

пы) демократического законотворческого процесса, что дает возможность гражданскому обществу установить контроль над законотворческим процессом, корректировать его течение.

Разработка законопроектов в условиях гласности позволяет установить, насколько планируемый законопроект соответствует жизненно важным интересам и потребностям населения. Это, в свою очередь, в решающей мере определяет, какой способ правового поведения изберут граждане: будут ли они действовать в соответствии с законом или «саботировать» его, избирая другие пути достижения своих целей. Обратная связь с заинтересованной общественностью позволяет законодателю выяснить, все ли положения текста законопроекта понятны гражданам. Очень важно узнать реакцию на создаваемые законопроекты: будет ли она положительной, отрицательной или нейтральной? Следует вести речь о создании целостного механизма психолого-социальной экспертизы создаваемых законопроектов.

В непосредственной связи с принципом гласности в законотворческой деятельности необходимо рассмотреть принцип *научности*, который обязывает депутата познавать объективные закономерности, определяющие психолого-социальную эффективность создаваемых им правовых норм. Научность обеспечивается проведением специальных научных исследований, предшествующих принятию закона, участием ученых — специалистов в той области права, в которой принимается закон. Научная обоснованность законопроектов предполагает, прежде всего, тщательный учет экономических, психологических, социально-политических и других факторов развития определенной сферы жизнедеятельности, к которой относится предполагаемый законопроект. Научная обоснованность означает, что данный законопроект свободен от неувязок и логических противоречий. Его нормы не только юридически и логически взаимосвязаны между собой, но и скоординированы с «сопряженными» нормами других, близких ему по теме законов.

Научная экспертиза должна включать в себя как анализ и оценку юридических качеств законопроектов (психолого-правовая экспертиза), так и профессионально-специализированную экспертизу по профилю проекта (экономическую, финансовую, научно-техническую, экологическую, социально-психологическую и др.). Как при правовой, так и при иной специализированной научной экспертизе эксперт должен дать заключение о характере проблемной ситуации, требующей законодательной регламентации, и об оптимальных путях и методах ее разрешения. Особо должно быть отмечено, не может ли проблема быть урегулирована внеправовыми методами либо на основе действующего законодательства, а также какие позитивные и негативные последствия в экономическом, социальном, пси-

хологическом и ином плане может повлечь за собой предлагаемое решение либо каждое из предлагаемых альтернативных решений.

Экспертиза законопроектов станет эффективной лишь при условии, если ее результаты будут известны депутатам. Для этого целесообразно установить, что заключение группы экспертов либо эксперта в письменном виде представляется на рассмотрение постоянной комиссии Палаты представителей, являющейся головной по разработке проекта, которая должна принять по нему мотивированное решение. Следует предусмотреть рассылку результатов экспертизы, проведенной на стадии предварительного рассмотрения проекта, всем членам постоянных комиссий, участвующих в этой работе. При проведении научной экспертизы законопроектов, подготовленных с учетом результатов их всенародных обсуждений, в обязанность эксперта должна входить дача заключения не только по содержанию выносимого на обсуждение депутатов варианта законопроекта, но и о том, насколько полно и правильно отражены в этом проекте общезначимые итоги его всенародного обсуждения.

Подводя определенные итоги, необходимо отметить, что в каждом случае подготовке законопроектов должна предшествовать разработка соответствующей научной концепции. Естественно, при создании законопроекта эта работа должна носить фундаментальный характер. Тем не менее, в такой концепции непременно должны излагаться характеристика предметов и целей проектов, его основные положения, предполагаемые последствия применения проектируемых норм. Здесь же целесообразно приводить примерную структуру будущих законопроектов. По мере продвижения проектов в соответствии с законотворческой процедурой концепция должна постепенно трансформироваться в своеобразное досье, в котором собираются всевозможные заключения, сведения об обсуждениях и экспертизах, результаты учета поступивших замечаний и предложений, данные социологических исследований и опросов, анализ общественного мнения. Несоблюдение рассматриваемого принципа ведет к созданию законов с перекрещивающимися предметами правового регулирования, противоречию между нормами, направленными на одно и то же общественное отношение.

Принцип эффективности законотворчества означает, что законотворческие решения должны своевременно достигать определенной цели. Преамбула закона, как правило, декларирует цель закона. При отсутствии преамбулы в тексте закона могут содержаться цели и задачи, указывающие на замысел законодателя. Эффективность законотворчества означает достижение законом именно той цели, для достижения которой он создавался. Недостатком большинства законов является декларативность их целей и

задач, которая облекается в такие типичные формулировки: «для повышения», «для совершенствования», «в целях укрепления» и т. п. Тем не менее, достижение законом своей титульной цели свидетельствует о его эффективности.

Принцип соответствия формы и содержания закона должен быть наиболее полно реализован на основе конституционных положений о формах закона и компетенции законотворческого органа. Осуществляя выбор той или иной формы закона, субъект права (депутат) должен учитывать целый ряд обстоятельств. Так, выбор между видами законов осуществляется на основе анализа предмета правового регулирования акта. Законодательная техника содержит правила, которыми депутат должен руководствоваться в выборе между текущим законом и кодифицированным актом. Выбор формы закона зависит от предмета правового регулирования.

Несоответствие содержания и формы закона является препятствием на пути повышения эффективности законотворческой деятельности. Нередки попытки урегулировать законом отношения субъекта, не относящиеся к сфере его правовой регламентации, использовать формы подзаконного акта для регулирования отношений, нуждающихся в регулировании законом. При принятии закона зачастую забывается содержательный критерий данной формы закона, а именно то, что он должен регулировать наиболее важные общественные отношения. И как следствие — немало случаев придания формы закону акту типично управленческого содержания. Следует избегать дублирования законов и указов, либо издания последних по предметам законодательного регулирования. Придание формы закона актам, которые по предмету своему такой формы не требуют, загромождает законодательство, нарушает его систему, порождает неуважение к закону. Приведенные примеры изъянов законов подтверждают необходимость реализации принципа соответствия формы и содержания.

Значительному повышению качества законопроектов в современных условиях должно способствовать развитие *принципа планирования* законотворческой деятельности. Планирование способствует преодолению таких недостатков, как излишняя поспешность в подготовке и принятии законов, рассогласованность некоторых концептуальных положений взаимосвязанных законов, чрезмерная зависимость выбора темы закона от текущего момента, что зачастую ведет к противоречиям и пробелам в правовом регулировании, снижает качество законодательства.

Перспективное планирование в сфере законотворчества должно осуществляться в соответствующей правовой форме. Для более полного осуществления депутатом принципа планирования в своей деятельности необходимо располагать надежной прогностической информацией. Поэтому законопроекты, содержащие планы законопроект-

ной работы, должны основываться на перспективных прогнозах, концепциях, программах.

Планы законопроектных работ должны предусматривать способы решения конкретной правовой задачи (проблемы), существующей в определенной сфере общественных отношений и подлежащей решению с помощью тех или иных правовых средств. Это — разработка законопроектов; подготовка предложений о внесении в действующие акты изменений и дополнений, о подготовке новых редакций крупных законодательных актов; разработка концепций законопроектов; подготовка предложений о проведении психолого-правовых экспериментов в отдельных сферах общественных отношений с целью проверки на практике и отлаживания новых правовых механизмов.

Плановый характер законотворческой деятельности позволяет использовать преимущества такого способа совершенствования правового регулирования, как одновременное вступление в действие целого пакета взаимосвязанных законов. Если из пакета выпадает хотя бы одно звено, то и эффективность всех других элементов резко снижается.

Тесно связан, взаимно переплетен с принципом планирования *принцип приоритетности*. Приоритетность, то есть первоочередное рассмотрение законопроектов, регулирующих основы экономической и политической системы, принятие законов родового типа является одним из важнейших принципов законотворческой деятельности. Приоритетность как принцип предполагает: определение первоочередных законов на ближайшую и более отдаленную перспективу, а также определение последовательности принятия иных законов, исходя из интересов граждан, потребностей экономической, социальной и политической сфер. В качестве приоритетных, на наш взгляд, следует выделить законы, принятие которых прямо обусловлено Конституцией Республики Беларусь. Именно эти законы призваны создать правовую основу, на которой должно строиться все дальнейшее законотворчество.

Одновременно необходимо определить перспективы развития каждой отрасли и подотрасли законодательства. При этом установление приоритетов осуществляется поэтапно. Сначала в качестве приоритетных выделяются базовые законы (чаще всего — кодексы), определяющие смысл и содержание общественных отношений, регулируемых данной отраслью законодательства. Эти законы должны приниматься в первоочередном порядке. На основе кодифицированных законов принимаются специальные законы в каждой подотрасли законодательства. Последовательность принятия иных законов определяется потребностью восполнения пробелов в данной отрасли или подотрасли законодательства, а также необходимостью внесения изменений и дополнений в действующие акты в связи с при-

нятием базовых (кодифицированных) отраслевых и специальных подотраслевых законов. Принцип приоритетности находит свое отражение в планах законопроектных работ, принимаемых Парламентом Республики Беларусь.

Велика роль *принципа экономии* в законотворческой деятельности. Этот принцип прежде всего требует устранения дублирования нормативных правовых актов, предусматривает взаимное информирование различных субъектов права на стадии подготовки законопроектов. Требование экономичности — это сокращение до минимума количества актов по одному и тому же вопросу в интересах лучшей обозримости нормативного материала, облегчения пользования им, учета и систематизации.

Ключевым принципом законотворческой деятельности должно стать *признание высшей ценностью прав и свобод человека и гражданина*. Весь законотворческий процесс должен быть направлен на создание условий, гарантий, когда права и свободы человека и гражданина определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием. Установленные в Конституции неотъемлемые права и свободы человека, признанные международным сообществом, не могут быть отменены либо нарушены законодательством. Одновременно, в связи с дальнейшим развитием общепризнанных стандартов в области прав человека, закрепляемых в международно-правовых актах, должно протекать развитие законотворчества в нашей стране. Показательно и то, что многие существенные правовые характеристики и требования, адресованные системе государственной власти и источникам действующего права, сформулированы в белорусской Конституции с позиций признания и защиты прав и свобод человека и гражданина. Такой подход опирается на исторически и теоретически обоснованное представление о правах и свободах человека и гражданина как самом важном и, в конечном счете, единственном настоящем критерии наличия или отсутствия права вообще, критерии правового характера законодательства, правового типа организации и деятельности государственных властей.

Значимость *принципа единства юридической терминологии* особенно возрастает в современный период, когда научно-технический прогресс все глубже проникает в общественную жизнь и увеличивается специализация знаний. В различных сферах жизни увеличивается число научных и технических терминов, специальных выражений. Если учесть и постоянное нарастание общего числа законов, то можно представить, насколько расширяется диапазон неоднозначного и несогласованного употребления терминов. Единство юридической терминологии необходимо

для правильного и единообразного применения права. Соблюдение этого принципа отражает уровень юридической культуры законотворческой деятельности. Справедливо отмечается, что повторение в законодательных текстах одних и тех же терминов вытекает из нормирующей и унифицирующей природы самого права, в силу чего является вполне оправданным.

Единство юридических терминов необходимо там, где различные варианты одного и того же понятия имеют формально-правовое значение, то есть тогда, когда употребление иного термина или выражения способно повлечь за собой другие правовые последствия. Но и в тех случаях, когда разницей в терминах прямо не отразился бы на правовой практике, четкость и точность нормативных формулировок, высокий уровень законотворческой деятельности зависят от единства терминологии, то есть от ее устойчивости, стереотипности. Наиболее жестко и последовательно принцип единства юридической терминологии должен проводиться в пределах одного и того же нормативного акта. Здесь терминологический разрыв становится уже существенным нарушением законодательной техники. Между тем в процессе законотворчества такое нарушение происходит достаточно часто. Создается впечатление, что депутат, заботясь о стилистическом разнообразии, приносит ему в жертву единство терминологии. Указанные примеры свидетельствуют о технической недоработанности законов, невнимании к их словесной форме и способны породить недоразумения и споры. Поэтому так важно согласовывать применяемую в проектах терминологию с терминологией действующих законов, а также близких по содержанию готовящихся законопроектов.

Существует реальная необходимость создания глоссария юридических терминов и последующего отслеживания специалистами правильности употребления терминов в законопроектах и иных нормативных актах.

Связь с практикой обеспечивается проведением специальных научных исследований, предшествующих принятию законопроекта, участием ученых — специалистов в той области права, в которой принимается закон. Связь с практикой обеспечивается предварительной оценкой ученых и практиков, работающих в той сфере общественных отношений, на регулирование которой направлен принимаемый закон.

Кроме перечисленных в основной классификации принципов выделяют следующие принципы: 1) заимствования и переработки накопленного опыта законотворческой работы; 2) практичности (прагматичности) законотворческого решения [5. — С.117—119]. *Использование правового опыта* означает выявление мнения работников учреждений, правоохранительных и иных

государственно-правовых органов, применяющих подобные законы на практике.

Как представляется, указанные выше принципы не следует рассматривать как особые свойства только законодательства, которые должны влиять на процесс подготовки закона, его издание, установление гарантий соблюдения правовых требований, установленных этим законом, отражать его особенности, специфические черты и быть присущими только ему, хотя, безусловно, все они в полной мере характеризуют и этот вид государственной деятельности. Принципы законодательства носят в большей степени прикладной характер, и их можно охарактеризовать как требования к законодательству, выполнение которых строго обязательно для всех субъектов права (депутатов), участников законодательского процесса, так как они отражают более узкие свойства и качества законодательства, а также его сущность, особенности.

Таким образом, принципы законодательства — результат обобщения людьми определенных фактов и познания закономерностей, характерных для данного процесса и в своей совокупности выражающих его содержание. С одной стороны, они выражают закономерности данного процесса, а с другой — представляют собой наиболее общие нормы, которые действуют на всех его этапах и распространяются на всех его субъектов. Эти нормы либо прямо сформулированы в законе, либо выводятся из общего смысла законов. Кроме этого, принципы законодательства

играют важную роль в правовом регулировании: во-первых, они выступают в качестве руководящих идей для депутата, определяя пути совершенствования правовых норм; во-вторых, в случаях пробелов, психолого-правовых ошибок, коллизий в законодательстве указанные принципы могут использоваться в качестве юридического основания. Принципы законодательства должны обладать значительной устойчивостью и стабильностью, носить фундаментальный характер.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев С.С. Теория права. — 2-е изд. перераб. и доп. — М.: БЕК, 1995. — 311 с.
2. Головкин А.А. Законность — универсальное явление в жизни человека // Право и демократия: сб. науч. тр. — Минск: БГУ, 2001. — Вып. 11. — С. 17—29.
3. Егорова Е.Ю. Соблюдать законность при принятии нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации // Бюл. Министерства юстиции Российской Федерации. — 2002. — № 4. — С. 5—10.
4. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. — СПб., 1896. — С. 112.
5. Спирин М.Ю. Теоретические проблемы законодательской деятельности в Российской Федерации [Электронный ресурс]: дис. ... канд. юрид. наук. — М.: РГБ, 2003 (из фондов Российской государственной библиотеки). — 162 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ СТАТЬИ:

Кибак Иван Алексеевич. Доцент кафедры психологии и педагогики. Кандидат психологических наук, доцент.

Академия МВД Республики Беларусь.

E-mail: ivankibak@list.ru

Республика Беларусь, 220005, г. Минск, пр-т Машерова, 6. Тел. 8 (017) 289-21-20.

Kibak Ivan Alekseyevich. Assistant professor of the department of psychology and pedagogics. Candidate of psychological sciences. Assistant professor.

MIA Academy of the Republic of Belarus.

Work address: The Republic of Belarus, 220005, Minsk, Masherov Prospect, 6. Tel. 8 (017) 289-21-20.

Ключевые слова к статье: законодательская деятельность; принципы законодательства; закон, депутат; парламент.

Key words: legislative activity; principles of lawmaking; law; deputy; parliament.

УДК 342.537



М.В. Бавсун,
кандидат юридических наук, доцент,
Омская академия МВД России

СИСТЕМА ПРИНЦИПОВ УГОЛОВНОГО ПРАВА И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ДОСТИЖЕНИЯ ЦЕЛЕЙ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ЛИЦ, СОВЕРШИВШИХ ПРЕСТУПЛЕНИЕ

SYSTEM OF PRINCIPLES OF CRIMINAL LAW AND ITS VALUE FOR ACHIEVEMENT OF THE PURPOSES OF INFLUENCE ON THE PERSONS WHO HAVE COMMITTED A CRIME

В работе поднимается проблема несоответствия, существующей системы принципов уголовного права целям и задачам воздействия на лиц, совершивших преступление. Для устранения такого несоответствия предлагается ряд шагов, направленных на увеличение количества принципов в тексте уголовного закона, а также на изменение содержания тех начал, которые сегодня в УК России уже существуют. Отмечается, что подобные действия позволят сформировать концепцию применения уголовного законодательства, где немалая роль отводится именно его принципам.

The discrepancies raised a problem of the existing system principles of criminal law to influence of the perpetrators. To resolve this discrepancy suggests a series of steps to increase the number of lines in the text of the criminal law, and to modify the content of those beginning in PC today Russia already exist. Note that this action will create a concept application of criminal law, where the great role of his principles.

Принципы как основополагающие идеи и начала имеют большое значение в повседневной деятельности человека, находя свое выражение в нормах морали и правилах общежития. Право является лишь одной из сфер жизни человека, причем жизни не отдельного индивида как существа биологического, а всего общества как социального организма. И чем совершеннее это общество, чем более развитым в нем является право, тем больше в нем существует принципов, которыми должен руководствоваться каждый человек, живущий в этом обществе.

Еще в конце XIX столетия В. М. Хвостовым отмечалось: «Весьма важным является открытие общих руководящих принципов права, по отношению к которым отдельные нормы представляются лишь частными выводами» [1]. О необходимости соответствия права определенным принципам писали и другие юристы. Так, М.П. Чубинский по

этому поводу отмечал, что и в теоретическом, и в практическом плане юридической науки «казуистический и раздробленный материал должен быть сводим в единую систему, где ясно видны были бы его общие и основные принципы» [2]. Только в этом случае можно будет вести речь и о степени эффективности тех мер, посредством которых государство осуществляет воздействие на лиц, совершивших преступление. Представляется, что зависимость конечного результата такого воздействия от основополагающих идей, закладываемых законодателем в конкретные нормы, весьма велика, что и определяет степень важности данного направления исследования. Важным при этом является использование принципов именно в определенной системе, когда бы они представляли собой комплекс взаимодействующих и взаимосвязанных по отношению друг к другу элементов, а не разрозненные существующие сами по себе идеи [3].

Нельзя не согласиться с В.К. Дуоным в том, что при определении таких принципов «следует исходить из общих целей и принципов уголовной политики государства, а также из сущности и функционального назначения мер уголовного правового воздействия и их системы в целом» [4]. Однако ни тех ни других сегодня, по сути, не существует, они не имеют нормативного выражения в тексте УК России. Цели уголовного закона в нем самом не сформулированы, что свидетельствует о недостатках концептуальности его положений. (При этом задачи УК России, нашедшие свое отражение в ч. 1 ст. 2 УК не могут выступать в качестве его целей. Методологически это две разные категории, которые нельзя отождествлять между собой.) Не менее абстрактными видятся и принципы уголовной политики, которые в условиях сложившейся действительности, разрабатываясь на теоретическом уровне, зачастую не находят своего проявления в процессах изменения уголовного законодательства и его последующего применения. «Оторванными» от реальной действительности в таких условиях оказываются и принципы уголовного права, а их роль в воздействии на лиц, совершивших преступления, начинает носить лишь формальный или условный характер.

Нет сомнений в том, что применяемые средства воздействия на лиц, совершивших преступление, должны носить законный, справедливый и гуманный характер, при этом основываться на принципах вины и равенства всех граждан перед законом. Между тем очевидным является тот факт, что представленная в законе совокупность основополагающих идей не исчерпывающа. Применение уголовного закона строится далеко не только на указанной системе принципов, которые к тому же нередко оказываются не в состоянии не только обеспечить общее направление развития уголовно-правового воздействия, но и в целом объяснить характерные для него процессы, более того, вступают с ними в прямое противоречие.

Примеров таких противоречий сегодня существует немало. Так, необъяснимыми с позиции идеи равенства граждан перед законом являются изменения, направленные на усиление ответственности за преступления, совершаемые сотрудниками органов внутренних дел (п. «о» ч. 2 ст. 63 УК России). При такой постановке вопроса остается не совсем понятным, чем отличается опасность преступлений указанной категории лиц от посягательств, совершаемых сотрудниками прокуратуры, ФСБ, ФСКН, МЧС, Вооруженных сил России, и где здесь равенство всех перед законом [5, 6]. Между тем, общеизвестным и доступным является факт, что «без осуществления требования равенства граждан перед законом невозможно обеспечить в сфере назначения наказания единство уголовной политики...» [7].

Вряд ли соответствует принципам законности и гуманизма действующий с 2006 года Федеральный закон «О противодействии терроризму», позволяющий убивать людей, не нарушавших требований уголовного закона, в целях предотвращения опасных для общества и государства последствий от совершаемого другими лицами преступления. Также сложно говорить о субъективном вменении, которое согласно ч. 2 ст. 5 УК России является обязательным для всех случаев привлечения к уголовной ответственности. На сегодняшний день данное правило не способно выступать в качестве основополагающего в случаях, когда лицо не знало о существовании уголовно-правового запрета, на момент совершения преступления находилось в состоянии глубокого алкогольного или наркотического опьянения либо страдало тяжелым физическим недугом, затрудняющим возможность его ознакомления с текстом уголовного закона, и т. д. Как, впрочем, вряд ли можно уверенно рассуждать и о справедливости уголовно-правовых санкций, предусматривающих зачастую одинаковые пределы ответственности за принципиально разные по характеру и степени общественной опасности деяния.

По мнению А.Э. Жалинского, принцип законности вообще представляет собой не что иное, как фикцию, на основе которой применение уголовного закона просто невозможно. «Только текстом уголовного закона невозможно обеспечить соответствие действия уголовного закона декларированным принципам и началам, например, равенства граждан перед законом, а главное, реальным потребностям страны» [8]. Потребности эти начиная с середины XX столетия все больше решались за счет практики, а именно Постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, а также прецедентных решений его Коллегии и Президиума по уголовным делам, которые все больше вторгаются в сферу уголовно-правовых отношений. В том числе это касается и вопросов правовой регламентации основополагающих идей, на основе которых должен применяться уголовный закон. Так, в постановлении Пленума Верховного Суда СССР «О дальнейшем совершенствовании судебной деятельности по предупреждению преступлений» от 3 декабря 1976 г. прямо указывалось на то, что «эффективность предупредительной деятельности зависит от последовательного соблюдения принципа неотвратимости ответственности за совершенное преступление» [9. — С. 12]. В другом постановлении от 5 декабря 1986 г. Пленум указывал на необходимость соблюдения принципа социалистической справедливости, с учетом которого «судам необходимо строго соблюдать требования закона об индивидуализации наказания...» [9. — С. 21].

Особое внимание руководящим идеям традиционно уделялось в постановлениях Пленума Верховного Суда, касающихся вопросов назначения уголовного наказания. В частно-

сти, в тексте постановления Пленума Верховного Суда РСФСР от 23 марта 1971 г. «О практике назначения судами Российской Федерации дополнительных мер наказания» обращалось внимание на необходимость строгого обеспечения соблюдения принципа индивидуализации наказания в отношении каждого осужденного с учетом общественной опасности совершенного им преступления, степени вины и всей совокупности смягчающих и отягчающих ответственность обстоятельств [9. — С. 32, 35]. При этом принцип дифференцированного подхода к назначению наказания был положен в основу уже другого постановления — «О практике назначения наказаний, не связанных с лишением свободы» [9. — С. 97].

Ю.Е. Пудовочкин и С.С. Пирвагидов отмечают, что начала гуманизма были заложены в постановлениях Пленума Верховного Суда СССР «О выполнении судами руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда СССР при рассмотрении дел о преступлениях несовершеннолетних» от 9 июля 1982 года [10]. В данном документе предписывалось назначать наказание в виде лишения свободы несовершеннолетним лишь в случае невозможности избрания иного вида наказания [9. — С. 136].

Таким образом, отсутствие руководящих идей на законодательном уровне длительное время компенсировалось уровнем правоприменительным, где так или иначе большинство существующих сегодня начал находили свое проявление. Практика реагировала на пробельность закона, определяя наиболее важные и необходимые принципы применения уголовного закона на данном этапе. При этом в действительности Верховный Суд предусматривал большее количество принципов, нежели их имеется уже в настоящем УК России. То же самое, несмотря на нормативное выражение принципов в тексте закона, происходит и сейчас, причем Верховный Суд опять же идет дальше, обращая внимание на большее количество принципов по сравнению с теми, которые указаны в законодательных предписаниях. Например, в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 апреля 2009 г. №8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания» указывается на обязанность судов обеспечивать индивидуальный подход к каждому осужденному [11]. На необходимость индивидуализации наказания указывается и в п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 октября 2009 г. №20 «О некоторых вопросах судебной практики назначения и исполнения уголовного наказания» [12]. На индивидуализацию наказания, а также *целесообразность*

назначения дополнительных видов наказаний указывается в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11 января 2007 г. №2 «О практике назначения судами уголовного наказания» [13]. На необходимость дифференциации ответственности обращается внимание, например, в п. 10 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 26 апреля 1984 г. №4 «О судебной практике по применению, изменению и отмене принудительных мер медицинского характера», где речь идет о возможности одновременного рассмотрения дела о преступлении, совершенном вменяемыми лицами и лицами, страдающими психическими расстройствами, и обязательном разделении их ответственности [14].

Так или иначе, но практика всегда находила возможность реализовывать свои потребности, основанные на условиях объективной действительности, будь то постановления или решения Коллегии либо Президиума Верховного Суда Российской Федерации. Однако и они не в состоянии охватить весь спектр проблем, существующих в плане правовой регламентации принципов уголовного права. Большинство из них, как это было показано выше, не регламентированы ничем и решаются, что называется, по умолчанию как самого законодателя, так и Верховного Суда РФ. В этой связи имеющиеся факты несоответствия самой системы принципов (включая и содержание персонально каждого начала) условиям реальной действительности свидетельствуют о том, что она явно не отражает современных потребностей специального предупреждения преступлений, эффективность которого порой обеспечивается мерами, как раз выходящими за рамки традиционных идей и правил, такими как объективное вменение, аналогия, нарушение равноправия граждан перед законом и т.д. В свою очередь, указанные явления, в силу уже сложившегося определенного консерватизма и сформировавшихся парадигм уголовного права находя свое выражение в отдельных предписаниях и определяя при этом направление реализации мер воздействия, пока не могут занять свое место в ряду общеобязательных правил, так же, впрочем, как и индивидуализация наказания, дифференциация ответственности, целесообразность, экономия мер уголовной репрессии и ряд других специальных принципов.

Между тем отступления от генеральных идей зачастую необходимы. Без таких отступлений порой страдает итоговый результат воздействия, оказываясь в данном конкретном случае неспособным что-либо противопоставить совершенному преступлению, личности преступника, в целом преступности как социальному явлению. Интересным в этом отношении представляется зарубежное, в частности немецкое законодательство, также строящееся на базовых началах, в том числе и начале законности. Несмотря на обя-

зательность данного принципа, все действующие сегодня земельные полицейские законы и законы о поддержании порядка содержат одинаковую генеральную идею, согласно которой полиция и органы порядка вправе на основе должностного усмотрения принимать меры по вмешательству в права и свободы граждан, когда имеется опасность либо создана помеха общественному порядку и общественной безопасности [15]. Более того, на уровне правовой регламентации так называемых полицейских мер воздействия, которые, кстати, полностью согласуются с нормами уголовного законодательства, на основании принципа «эффективного отражения опасности» возможно воздействие на лиц, вообще не являвшихся источником опасности [16]. Данные положения, безусловно, целесообразны, эффективны и совершенно необходимы для получения требуемого результата [17]. При этом они отражены в тексте закона, что исключает возможность неограниченного и совершенно ничем не обоснованного усмотрения со стороны лиц, их применяющих. Все эти исключения строятся не на желании государства лишней раз вмешаться в права и свободы человека, а на острой потребности обеспечения безопасности общества и своих граждан. Данная цель уголовного закона и определяет затем характер выбираемых мер воздействия на лиц, совершивших преступление.

В отечественном законодательстве ситуация в этом отношении выглядит принципиально иным образом. Исключения из принципов носят спонтанный, совершенно неорганизованный характер, не находя соответствующего отражения в законодательстве. При этом они не вытекают из целей уголовного закона в связи с отсутствием таковых, что само по себе неверно с позиции системного подхода к построению закона. В свою очередь, такое положение дел, когда изначально декларируемые на уровне принципов основополагающие идеи затем не находят соответствующего применения в процессе реализации законодательных предписаний, нельзя назвать удовлетворительным. Формулируя основные начала, законодатель в первую очередь желает их последующего внедрения в жизнь через применение уголовно-правовых норм. Отсутствие именно должного применения того или иного начала в действительности приводит к подрыву авторитета как самого уголовного закона, так и непосредственно уголовно-правового воздействия на лиц, совершивших преступление.

Несоответствие воздействия началам, которые должны носить базовый характер, свидетельствует об относительной самостоятельности или даже «оторванности» практики от концептуальных идей уголовного законодательства. В реальной действительности правоприменителю приходится подстраиваться под конкретные обстоятельства применения уголовно-правовых

норм. Выбираемые при этом средства далеко не всегда, как это было показано выше, соответствуют формулируемым на законодательном уровне принципам. Причем выбор этот зачастую является вполне осознанным и неизбежным, иначе уголовная ответственность в случаях, когда она совершенно необходима для общества, останется нереализуемой. Все это указывает на явное преобладание целесообразности в воздействии на лиц, совершивших преступление, которая существует объективно, вне зависимости от желания или нежелания уголовно-правовой доктрины воспринимать ее как самостоятельную, имеющую важное значение категорию.

Интересным в этом отношении видится тот факт, что практические работники допускают реализацию уголовной ответственности, например, при фактическом отсутствии у виновного психического отношения к своим собственным действиям, что противоречит ч. 2 ст. 5 УК России. Так, на вопрос: «Является ли сознательное отношение преступника к совершаемому им деянию и к его последствиям обязательным признаком субъективной стороны преступления?» — 32,9% респондентов ответили утвердительно для всех без исключения случаев, 57,4% полагают, что сознательное отношение должно присутствовать только в умышленных преступлениях, и лишь 4,3% ответили на поставленный вопрос отрицательно. Несмотря на это, 51,2% опрошенных считают вполне допустимым привлечение к ответственности лиц, у которых отсутствует сознательно-волевое отношение к совершаемому ими деянию, что как раз характерно и для рассматриваемого нами случая, где психического отношения не наблюдается (всего было опрошено 420 следователей прокуратуры (следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации) и органов внутренних дел на территории Омской, Томской и Кемеровской областей в 2006—2009 гг.). В этой связи А.И. Марцев задает вполне обоснованный в такой ситуации вопрос о том, способствует ли объективное вменение противодействию преступности. «Да, безусловно. Но оно основывается не на принципе законности, а на принципе целесообразности, который законодательно не закреплен, но имеет полное право на существование» [18]. Однако его отсутствие в законе не смущает правоприменителя, который реализует его фактически без оглядки на ч. 2 ст. 5 УК России, положения которой, при их неукоснительном соблюдении, способны вообще парализовать нормальное применение уголовного закона в целом ряде случаев.

Ничем не регламентированный выход за пределы основополагающих идей, а зачастую и вступление с ними в прямое противоречие, как было уже отмечено, представляет собой не столь уж редкое явление. В этой связи складывается довольно опасная ситуация, когда происходит разрыв между

идеологией, формируемой в законе, и его реальным практическим применением. Дело в том, что, создавая соответствующую идеологическую основу уголовного кодекса, в том числе посредством указания его основополагающих принципов, законодатель сам же становится их заложником. Связано это с тем, что средства, которые должны находить свое проявление в законодательных предписаниях, не могут не отражать волю законодателя, они должны быть ей полностью подчинены, находясь при этом в рамках указанных в законе принципов.

Однако несовершенство последних, их неполнота и несоответствие условиям реальной действительности неизбежно влечет за собой и выбор аналогичных средств, оказывающихся либо не способными к эффективному воздействию на лиц, совершивших преступление, либо подвергающихся серьезной корректировке в практической деятельности правоохранительных органов. Впрочем, и то и другое оказывает крайне негативное влияние в целом на результаты уголовно-правового воздействия, которые не могут не зависеть от их средств, также формулируемых и существующих в русле строго определенных идей. Данное обстоятельство объясняет тот факт, что принципы имеют не только и не столько научное, сколько практическое значение.

Соответственно, слабость принципов уголовного права во многом объясняет и слабость (неэффективность) выбираемых при этом средств воздействия на лиц, совершивших преступление. В свою очередь, первичный характер основополагающих идей указывает на необходимость более взвешенного подхода к их формулированию в законе для последующего создания действительно эффективных средств предупреждения преступлений. Таким образом, связь между принципами уголовного права, несмотря на их отчасти декларативный характер, и конечным результатом воздействия на лиц, совершивших преступление, является прямой. Более того, наоборот, ослабление такой взаимосвязи между рассматриваемыми явлениями оказывает самое что ни на есть негативное влияние на итоговые результаты предупреждения преступлений.

Между тем уже произошедший разрыв концептуальных идей законодателя с реальной практикой применения ряда положений УК России, по сути, был неизбежен изначально. Связано это, прежде всего, с тем, что существующая система принципов, основываясь на Конституции Российской Федерации, при этом не содержит ничего того, что отображало бы суть именно уголовно-правового воздействия. В ней нет ничего собственно своего, что было бы характерно для данной сферы правового регулирования. Система принципов, основанная исключительно на конституционных началах, при всей их важности и значимости для любой отрасли права не позволяет отобразить имеющуюся

специфику, особенности происходящих процессов в конкретной сфере правового регулирования. Соответствие уголовного закона конституционным основам обязательно, оно представляет собой залог единства концепции правовой политики государства в отношении своих граждан. Однако каждая сфера правового регулирования обладает своими собственными, присущими только ей чертами и, следовательно, может и должна содержать типичные только для нее принципы, существование без которых данной отрасли либо невозможно, либо крайне неэффективно.

Подобное соответствие системы принципов содержанию сферы уголовно-правового регулирования возможно за счет нескольких шагов, которые необходимо сделать в ее развитии. Во-первых, речь должна идти о расширении самого перечня принципов, что позволит в полной мере обеспечить реализацию концептуально новых положений уголовно-правового воздействия. Более того, законодательное закрепление уже реально существующих принципов, нашедших свое отражение в отдельных уголовно-правовых нормах или положениях постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, позволит сконцентрировать все руководящие идеи в рамках одного нормативного акта, что в свою очередь будет способствовать более централизованному подходу в восприятии и применении мер воздействия. Правовая регламентация индивидуализации наказания или экономии мер репрессии не в постановлении, а в законе укажет прежде всего на их императивный, а не рекомендательный характер и обяжет, таким образом, к их неукоснительному соблюдению. При этом существующий перечень должен быть дополнен началами, которые бы указывали на основные направления как самих мер, так и отдельных аспектов их применения, имеющих в чистом виде антропологический характер.

Во-вторых, необходимо, чтобы определенные изменения претерпело и содержание большинства уже существующих начал. Основное направление таких изменений должно быть сведено к устранению тех пробелов, которые типичны для современной редакции норм, регламентирующих принципы уголовного права. Крайне важной является задача приведения в соответствие руководящих идей, закрепленных в УК России, условиям реальной действительности и объективно назревшим потребностям практической деятельности. Иначе, роль принципов уголовного права будет сводиться к простой декларации и их неспособности оказывать какое-либо влияние на результаты воздействия на лиц, совершивших преступление. При этом концептуальными данными положения также можно назвать с большой долей условности. Таковыми сегодня они являются скорее по статусу, данному им законодателем, но не по их фактическому

вкладу в реальное применение положений Уголовного кодекса.

Концептуальное положение закона должно определять направления его практической реализации, а не наоборот, когда в результате правоприменительной деятельности восполняются пробелы сформированной на законодательном уровне его идеологической основы. Восстановление логической последовательности, когда принципы оказывали бы действительно доминирующее влияние на практику, определяя таким образом и необходимые для этого средства, является необходимой предпосылкой достижения эффективных результатов в ходе уголовно-правового воздействия на лиц, совершивших преступление.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хвостов В.М. Общая теория права: элементарный очерк. — М., 1905. — С. 160.
2. Чубинский М.П. Очерки уголовной политики. — Харьков, 1905. — С. 55-56.
3. Bertalanffy L. von. An Outline of General System Theory // The British Journal for the Philosophy of Science. — Vol. I. — 1950. — №2. — P. 134-165.
4. Дуюнов В.К. Механизм уголовно-правового воздействия: теоретические основы и практика реализации: дис. ... д-ра юрид. наук. — Тольятти, 2001. — С. 106.
5. Наумов А. Ужесточение ответственности сотрудников органов внутренних дел // Уголовное право. — 2010. — №6.
6. Скобликов П. Служба в органах внутренних дел как обстоятельство, отягчающее ответственность // Уголовное право. — 2010. — №6.
7. Кругликов Л.Л. Уголовно-правовые средства обеспечения справедливости наказания. — Ярославль, 1986. — С. 17.
8. Жалинский А. Правообразующее действие судебной практики по уголовным делам: вопросы совершенствования // Уголовное право. — 2010. — №4. — С. 128.
9. Сборник действующих постановлений Пленумов Верховных Судов СССР, РСФСР и Российской Федерации по уголовным делам с комментариями и пояснениями. — М., 2000. — С. 12.
10. Пудовочкин Ю.Е., Пирвагидов С.С. Понятие, принципы и источники уголовного права: сравнительно-правовой анализ законодательства России и стран содружества независимых государств. — СПб., 2003. — С. 81.
11. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. — 2009. — № 7.
12. Российская газета. — 2009. — 11 нояб.
13. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. — 2007. — № 4.
14. Бюллетень Верховного Суда СССР. — 1984. — № 3.
15. Schenke, Wolff-Ruedinger. Polizei — und Ordnungsrecht. Rn. 48. — Heidelberg: Mueller, 2002.
16. OVG Munster, DVBl. 1973, 928.
17. Maurer, Hartmut. Allgemeines Verwaltungsrecht. — Munchen: Bek, 1992. — S. 108.8.
18. Марцев А. И. Незнание закона и уголовная ответственность // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе. — Красноярск, 2001. — С. 5—7.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ СТАТЬИ:

Бавсун Максим Викторович. Начальник кафедры уголовного права. Кандидат юридических наук, доцент.

Омская академия МВД России.

Россия, 644092, г. Омск, проспект Комарова, д. 7. Тел. (3812) 75-10-08.

E-mail: kafedramvd@mail.ru

Bavsun Maxim Viktorovich. The chief of faculty of criminal law. Master of laws, the assistant professor.

Omsk academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Work address: Russia, 644092, Omsk, Komarov Prospect, 7. Tel. (3812) 75-10-08.

Ключевые слова к статье: принципы; законность; концепция; оптимизация; результат; руководящая идея.

Key words: principles; law; philosophy; optimization; result; guiding idea.

ББК 67.99 (2)



С.П. Матвеев,
кандидат юридических наук, доцент

ОБЕСПЕЧЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ В ПРОЦЕССЕ ПРИМЕНЕНИЯ ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

SOCIAL PROTECTION OF CIVIL SERVANTS IN THE APPLICATION DISCIPLINARY RESPONSIBILITY

В статье рассматривается один из актуальнейших вопросов современного российского института государственной службы — социальная защита государственных служащих. Анализируются нормы законодательства, регулирующие дисциплинарную ответственность государственных служащих.

In the article one of the most pressing issues of the time-Russian Institute of Public Service — the social protection of civil servants. Analyzed standards legislation, the regulatory disciplinary responsibility of state-civil servants.

Среди других видов юридической ответственности, субъектами которой могут стать государственные служащие, законодательство о государственной службе предусматривает дисциплинарную ответственность, являющуюся важной составляющей правового статуса. Служебная дисциплина выступает необходимым элементом процесса государственной службы, направленным на стимулирование правомерного поведения государственных служащих, добросовестного отношения к выполнению служебных обязанностей, что в конечном итоге определяет успешную реализацию функционирования государственного аппарата. С другой стороны, правовой механизм дисциплинарной ответственности, направленный на создание неблагоприятных последствий для нарушителей служебной дисциплины, непосредственным образом влияет на гарантии социальной защиты государственных служащих. Дисциплина труда и связанная с ней дисциплинарная ответственность неоднократно становились предметом научных исследований [1, 2, 3, 4, 5]. Такие понятия, как «дисциплинарный проступок», «дисциплинарная ответственность», «слу-

жебная дисциплина» до настоящего времени являются дискуссионными в трудовом и административном праве. На правовом уровне вопросы служебной дисциплины регулируются законами о видах государственной службы, а также дисциплинарными уставами.

Особый характер государственной службы, специфика целей и задач, стоящих перед государственными служащими, предполагают формирование и стимулирование высокого уровня дисциплины. В связи с этим в науке административного и трудового права серьезное внимание уделяется правовым средствам, обеспечивающим дисциплину труда. Легальное определение дисциплины труда содержится в статье 189 Трудового кодекса — обязательное для всех работников подчинение правилам поведения, определенным в соответствии с Трудовым кодексом, иными федеральными законами, коллективным договором, соглашениями, локальными нормативными актами, трудовым договором. С одной стороны, приведенная дефиниция, прежде всего распространяется на правила поведения субъектов трудового отношения, возникшего на основании трудового договора. С дру-

гой — в определении делается ссылка на «иные федеральные законы». Подобная редакция может быть истолкована в качестве универсальной нормы, распространяющейся на отношения, регулируемые иными федеральными законами, например «О государственной гражданской службе». Вместе с тем определение служебной дисциплины государственных гражданских служащих в названном нормативном акте имеет несколько иное содержание. В соответствии со статьей 56 Федерального закона «О государственной гражданской службе» первичное требование к поведению служащих — это соблюдение служебного распорядка государственного органа и должностного регламента, установленных на уровне законов, подзаконных актов, а также служебного контракта.

Природу служебной дисциплины на государственной службе отличает тот факт, что она направлена на соблюдение установленного порядка публичных отношений. В то время как дисциплина труда в трудовых отношениях может быть направлена на защиту частноправовых интересов. В связи с этим содержание правовых институтов, обеспечивающих трудовую либо служебную дисциплину, характеризуется различным набором средств, способов, методов и форм. В отношениях частноправового характера такой инструментарий может отличаться большим разнообразием. В государственно-служебных отношениях, напротив, представитель нанимателя не обладает такой степенью дискреционных полномочий.

Взаимодействие сторон государственно-служебного отношения в процессе укрепления служебной дисциплины основывается на таких базовых методах, как убеждение и принуждение. Указанные методы наиболее эффективно применяются посредством различных правовых и неправовых механизмов. Например, в индустриально развитых государствах находит применение практика договорной дисциплины, основанной на обязательствах «соблюдать правила игры, вести себя честно, морально и аккуратно» [6]. Убеждение как неправовой способ воздействия на сознание субъектов наиболее убедительно в сочетании с использованием различных материальных и нематериальных мер. Достаточно сложный механизм убеждения показывал еще Платон: «Оратор должен быть достаточно сведущ, чтобы сказать, какой человек и в зависимости от чего поддается убеждению» [7]. Убеждение как способ правового воздействия основывается на нормативном закреплении позитивного стимулирования. На теоретическом уровне вопросы позитивного стимулирования неоднократно рассматривались специалистами [8, 9, 10, 11].

Между тем, в тексте статьи 50 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» также применяется термин «поощрение» (ежемесячное денежное поощрение). В связи с этим в практике государствен-

ной службы возникают вопросы о правомерности лишения тех или иных выплат, входящих в структуру оклада денежного содержания. Например, «ежемесячного денежного поощрения». Поскольку оно предусмотрено статьей 50, то является частью оклада денежного содержания и должно носить обязательный характер. С другой стороны, так как эта выплата названа «поощрением», а поощрение по сложившейся законодательной практике относится к числу стимулов, предназначенных для выделения особых, а не обычных результатов труда, то возникает вопрос: является ли оно обязательной частью оклада денежного содержания? Буквальное толкование термина «поощрение», то есть как особой, а не ежемесячной выплаты, приводит к тому, что в отдельных случаях сумму ее уменьшают либо вообще не производят.

Показательным в данном случае может служить пример из судебной практики. Так, в Верховный Суд Российской Федерации обратился Кураев Г.А. с иском о признании противоречащими закону и недействующими п.п. 108—110 Порядка обеспечения денежным довольствием военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации, утвержденного приказом Министра обороны РФ от 30 июня 2006 года №200. Истцом обжаловалось, в частности, право командира части снижать размер надбавки за сложность, напряженность и специальный режим военной службы в случае привлечения военнослужащего к дисциплинарной ответственности, снижения результатов служебной деятельности. Военная коллегия Верховного Суда Российской Федерации решением от 20 марта 2007 года № 07-18 [12] искивые требования частично удовлетворила, указав при этом следующее: «Вместе с тем, условия о возможном изменении размера надбавки в случае привлечения военнослужащих к дисциплинарной ответственности, снижения результатов служебной деятельности входят в противоречие с п. 4 ст. 13 Федерального закона от 27 мая 1998 года №76-ФЗ и Постановлением Правительства РФ от 31 января 2005 года №47, поскольку по сравнению с Федеральным законом вводят дополнительные ограничения для выплаты надбавки за сложность, напряженность и специальный режим военной службы. Поэтому возможность лишения их этой выплаты полностью недопустима и противоречит вышеуказанным нормативным правовым актам, а также преамбуле и ст.153 Федерального закона от 22 августа 2004 года №122-ФЗ».

Подобные ситуации происходят в связи с тем, что представителями нанимателя, командирами военных подразделений либо начальниками правоохранительных органов не всегда различаются и дифференцируются такие понятия, как обязательная часть оклада месячного денежного содержания и поощрительные выплаты, а это нарушает права субъектов государственно-служебных отношений и снижает уровень их социальной защиты.

Как указывалось выше, наряду с методами убеждения, служебная дисциплина поддерживается принудительными мерами, и в частности путем привлечения государственных служащих к дисциплинарной ответственности. Дисциплинарная ответственность, как один из инструментов обеспечения государственной службы традиционно является предметом рассмотрения ученых [13, 14, 15, 16, 17, 18]. Характеризуя правовую природу дисциплинарной ответственности государственных служащих, С.Е. Чаннов справедливо отмечает: «Дисциплинарная ответственность государственных служащих (в отличие от дисциплинарной ответственности муниципальных служащих, которая наступает по нормам трудового законодательства) регулируется преимущественно административным законодательством и носит специальный характер» [18. — С. 31]. Вместе с тем, поскольку нормы о дисциплинарной ответственности служащих гражданской и правоохранительной службы «представляют собой рецепцию норм трудового законодательства», автором ставится вопрос о необходимости придания специальной дисциплинарной ответственности более существенный характер [18].

Публичный характер государственной службы определяет специфику дисциплинарной ответственности государственных служащих, в том числе правовые основания такой ответственности. Как обоснованно утверждает А.В. Сергеев, объектом посягательства дисциплинарного проступка гражданских служащих является не только служебная дисциплина отдельного государственного органа, но и интересы государственной службы в целом [19]. Этим объясняется более обширный перечень дисциплинарных взысканий, предусмотренный в административном законодательстве, а также особые цели специальной дисциплинарной ответственности. Так, например, В.И. Крусс определяя цель дисциплинарной ответственности в трудовых отношениях, отмечает ее восстановительный характер применительно к правам работодателя: «Расторгая договор с нарушителем трудовой дисциплины по соответствующим основаниям, он действительно применяет дисциплинарное взыскание, восстанавливая тем самым свое право заключить аналогичный по содержанию договор с другим, предположительно более дисциплинированным лицом» [20]. Признавая обоснованность такой позиции, нельзя не отметить односторонний характер вывода автора, касающегося только права восстановительного статуса работодателя.

Продолжая эту идею, можно сделать предположение, что увольнение недисциплинированного работника откроет вакансию для других лиц, являющихся претендентами на освободившееся место. Тем самым данный факт будет носить восстановительный характер и для «предположительно более дисциплинированных лиц». Восстанови-

тельный характер дисциплинарного увольнения объясняется тем, что, предоставляя гражданам равные возможности реализации способности к труду, Конституция Российской Федерации не гарантирует предоставление рабочих мест каждому желающему. Государство, в свою очередь, проводит политику обеспечения занятости населения, которая состоит в организации службы занятости, реализации национальных проектов, создающих рабочие места, защите национального рынка труда и так далее. Такая политика, тем не менее, не обеспечивает монополию государства на рынке труда. Таким образом, заключая трудовой договор, один работник лишает других возможности трудиться на данном рабочем месте. В этом смысле его увольнение может быть рассмотрено как восстановление права других лиц на занятие этого рабочего места.

В науке права имеются также другие взгляды, определяющие целеполагание специальной дисциплинарной ответственности: «Согласно ст. 1 Закона о государственной гражданской службе указанный вид профессиональной служебной деятельности состоит в обеспечении исполнения полномочий федеральных государственных органов, государственных органов субъектов Российской Федерации, лиц, замещающих государственные должности Российской Федерации, и лиц, замещающих государственные должности субъектов Российской Федерации. Таким образом, в данном случае юридическая ответственность призвана защитить публично-правовые интересы — обеспечить надлежащий порядок управления. Функция дисциплинарной ответственности определяется как «предупреждающая и пресекающая» [21].

Мы полагаем, что у специальной дисциплинарной ответственности имеется и другая цель. Урегулированная на правовом уровне, дисциплинарная ответственность, с одной стороны, как справедливо отмечается в научных источниках, носит предупредительный характер, с другой стороны, является мерой юридической ответственности, определенной законодателем и тем самым ограничивающей возможности представителя нанимателя в применении административного ресурса. Специальная дисциплинарная ответственность представляет собой правовую обязанность служащего, состоящего в государственно-служебном отношении, претерпеть неблагоприятные последствия, налагаемые в виде дисциплинарных взысканий. Иная трактовка дисциплинарной ответственности представлена в трудовом праве, как «носящая личный характер и непосредственно не сказывающаяся на имущественном положении работника его обязанность ответить за совершенный дисциплинарный проступок — понести на основании решения работодателя те меры воздействия, которые указаны в дисциплинарных санкциях трудового права» [13. — С.395]. Приведенная дефиниция в целом

отражает правовую природу дисциплинарной ответственности. Вместе с тем мы полагаем, что названный выше неимущественный характер дисциплинарной ответственности может служить в качестве атрибутивного признака только лишь в части отграничения от ответственности материальной. В приведенном выше определении дисциплинарной ответственности, на наш взгляд, не совсем обоснованно используется термин «меры воздействия, указанные в дисциплинарных санкциях трудового права». Во-первых, если речь идет о практическом применении юридических норм (в данном случае о санкциях, предусмотренных статьей 192 Трудового кодекса Российской Федерации), то, на наш взгляд, более уместен термин «трудовое законодательство», а не «трудовое право», во-вторых, в названной выше статье приведен перечень дисциплинарных взысканий, а не «мер воздействия». Поскольку перечень дисциплинарных взысканий, предусмотренный статьей 192 Трудового кодекса Российской Федерации, является исчерпывающим, то все иные дисциплинарные меры в отношении работников могут применяться лишь на основе локальных актов, регламентирующих, например, порядок выплаты премий, предоставления квартир и так далее. Подобные меры могут быть названы мерами дисциплинарного воздействия. Однако они существенно отличаются от дисциплинарных взысканий.

Таким образом, устанавливая пределы дисциплинарной ответственности, законодатель в определенной степени затрагивает социальные права работников (государственных служащих) в области оплаты труда. Поэтому применительно к социальной защите работников и государственных служащих, правомерно, с нашей точки зрения, выделить защитную функцию дисциплинарной ответственности.

Защитный характер специальной дисциплинарной ответственности государственных служащих проявляется:

- 1) в отношении государственного порядка управления;
- 2) в отношении государственного служащего, привлекаемого к дисциплинарной ответственности, как правовое ее ограничение;
- 3) в отношении государственных служащих, правомерная деятельность которых может быть нарушена в результате дисциплинарного проступка.

Защитная функция дисциплинарной ответственности государственных служащих в полной мере может быть реализована только при соответствующем правовом регулировании, основанном на высоком уровне законодательной техники.

Между тем, правовой институт дисциплинарной ответственности государственных служащих является в настоящее время объектом повышенного внимания ученых, отмечающих его про-

блемный характер, а также необходимость совершенствования указанного института [23, 24, 25, 26, 27]. Так, характеризуя недостатки института дисциплинарной ответственности, Ю.М. Буравлев справедливо полагает, что «с одной стороны, это ущемляет права служащих (особенно их низового звена), а с другой — создает условия, можно даже сказать, провоцирует руководителей, особенно лишенных твердых моральных принципов, использовать предоставленные им полномочия не по их прямому назначению, а в неблагоприятных целях» [28]. Это косвенно подтверждает идею о том, что рассматриваемый институт несет в себе защитную функцию.

Рассмотрим некоторые проблемные вопросы дисциплинарной ответственности государственной службы с точки зрения необходимости обеспечения их социальной защиты.

Вопрос о привлечении государственного служащего к дисциплинарной ответственности, безусловно, произведен от правовых оснований ее наступления. Применительно к дисциплинарной ответственности таким основанием выступает дисциплинарный проступок. Следовательно, от содержания и смысла определения, которым характеризуется дисциплинарный проступок, зависит решение вопроса о привлечении к дисциплинарной ответственности. Легальное определение дисциплинарного проступка для гражданских служащих содержится в статье 57 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации», в соответствии с которой — это есть неисполнение или ненадлежащее исполнение гражданским служащим по его вине возложенных на него должностных обязанностей.

Характеризуя содержащуюся в законе дефиницию, С.Е. Чаннов обоснованно отмечает: «Как видно, в данном случае авторы закона посчитали основанием дисциплинарной ответственности не любое нарушение служебной дисциплины, а лишь неисполнение тех обязанностей, которые закреплены за государственным гражданским служащим по занимаемой им должности» [18. — С. 307]. В соответствии со статьей 15 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» гражданский служащий призван исполнять должностные обязанности, установленные должностным регламентом. Наряду с этой статья закрепляет еще целый ряд обязанностей.

Таким образом, определение дисциплинарного проступка, сформулированное в Федеральном законе «О государственной гражданской службе Российской Федерации», существенно сужает толкование этой правовой конструкции, что негативным образом сказывается на правоприменении, поскольку порождает вопросы о возможности применения дисциплинарных взысканий за нарушение тех обязанностей, которые в соответствии со статьей 15 перечислены наря-

ду с должностными, а также за нарушение ограничений и запретов, установленных для государственных гражданских служащих. Свою позицию по данному вопросу высказывает С.Е. Чаннов: «Между тем, как мы уже отмечали ранее, применение мер дисциплинарной ответственности к гражданскому служащему за несоблюдение многих запретов и ограничений было бы, по нашему мнению, более целесообразным, чем немедленное его увольнение» [18. — С. 309]. Аналогичная позиция была высказана Е.В. Климкиной: «Несоблюдение предусмотренных для государственного гражданского служащего законом ограничений не может считаться основанием для применения ко всем государственным гражданским служащим дисциплинарного взыскания» [24. — С. 9]. Несколько иной позиции по данному вопросу придерживается А.В. Куракин, полагающий, что: «для усиления механизмов финансового контроля за доходами и расходами государственного служащего целесообразно предусмотреть меры дисциплинарной ответственности за непредоставление или предоставление неполных сведений о доходах и имуществе государственного служащего в виде увольнения либо дисциплинарного штрафа, причем размер дисциплинарного штрафа увязать в процентном отношении с неисполненной обязанностью» [29].

Мнения ученых о проблемном характере квалификации проступков государственных гражданских служащих свидетельствуют о практической необходимости совершенствования рассматриваемого института служебного права.

В отличие от гражданских служащих, сотрудники таможенных органов привлекаются к дисциплинарной ответственности за нарушение «служебной дисциплины» (статья 29 Федерального закона «О службе в таможенных органах РФ»). Определение служебной дисциплины в таможенных органах сформулировано в Дисциплинарном уставе таможенной службы Российской Федерации [30] и состоит в строгом выполнении всеми сотрудниками таможенных органов должностных обязанностей, установленных законодательством Российской Федерации, нормативными правовыми актами Государственного таможенного комитета Российской Федерации, правилами внутреннего распорядка в таможенном органе, должностными инструкциями сотрудников, приказами начальников таможенных органов, а также условиями контракта о службе в таможенных органах. Следовательно, понятие служебной дисциплины сотрудников таможенных органов в контексте возможности наступления дисциплинарной ответственности, значительно шире понятия «нарушение должностных обязанностей» для государственных гражданских служащих.

Наиболее детально вопросы дисциплинарной ответственности регламентированы в отношении военнослужащих. Так, нормативными актами в

этой части являются: Федеральный закон «О статусе военнослужащих», Федеральный закон от 01 декабря 2006 года №199-ФЗ «О судопроизводстве по материалам о грубых дисциплинарных проступках при применении к военнослужащим дисциплинарного ареста и об исполнении дисциплинарного ареста» [31], Дисциплинарный устав Вооруженных Сил Российской Федерации. При этом необходимо отметить, что в соответствии со статьей 11 Трудового кодекса Российской Федерации нормы трудового законодательства не распространяются на военнослужащих при исполнении ими обязанностей военной службы. Отсюда можно сделать вывод о том, что трудовое законодательство и, соответственно, нормы о дисциплинарной ответственности, распространяется на военнослужащих, находящихся не при исполнении обязанностей военной службы.

Однако вопрос о разграничении предмета правового регулирования административного и трудового права применительно к дисциплинарной ответственности военнослужащих необходимо рассматривать с учетом уяснения термина «обязанности военной службы». Для этого следует обратиться к тексту статьи 37 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» от 28 марта 1998 года, содержащей понятие обязанностей военной службы в случаях: а) участия в боевых действиях, выполнения задач в условиях чрезвычайного положения и военного положения, а также в условиях вооруженных конфликтов; б) исполнения должностных обязанностей; в) несения боевого дежурства, боевой службы, службы в гарнизонном наряде, исполнения обязанностей в составе суточного наряда; г) участия в учениях или походах кораблей; д) выполнения приказа или распоряжения, отданных командиром (начальником); е) нахождения на территории воинской части в течение установленного распорядком дня служебного времени или в другое время, если это вызвано служебной необходимостью; ж) нахождения в служебной командировке; з) нахождения на лечении, следования к месту лечения и обратно; и) следования к месту военной службы и обратно; к) прохождения военных сборов; л) нахождения в плену (за исключением случаев добровольной сдачи в плен), в положении заложника или интернированного; м) безвестного отсутствия — до признания военнослужащего в установленном законом порядке безвестно отсутствующим или объявления его умершим; н) защиты жизни, здоровья, чести и достоинства личности; о) оказания помощи органам внутренних дел, другим правоохранительным органам по защите прав и свобод человека и гражданина, охране правопорядка и обеспечению общественной безопасности; п) участия в предотвращении и ликвидации последствий стихийных бедствий, аварий и катастроф; р) совершения иных дейст-

вий, признанных судом совершенными в интересах личности, общества и государства.

Как видно из приведенной нормы, перечень обстоятельств и действий, подпадающих под понятие обязанностей военной службы, изложен настолько подробно, что сложно представить, в какой именно момент военнослужащий не выполняет обязанности военной службы и, соответственно, когда он становится субъектом трудового законодательства? С другой стороны, в части 2 дается разъяснение, что смерть, заблуждение, увечье, травма, контузия не признаются связанными с военной службой: при наступлении указанных обстоятельств в самовольной отлучке из части, состоянии опьянения, в процессе совершения общественно опасного деяния. Однако трудно себе представить, что если военнослужащий находится в самовольной отлучке из военной части, то это можно квалифицировать как состав дисциплинарного проступка, предусмотренного трудовым законодательством. По меньшей мере это подпадает под понятие грубых дисциплинарных проступков, предусмотренных Приложением №7 к Дисциплинарному уставу Вооруженных Сил Российской Федерации.

Таким образом, дисциплинарная ответственность военнослужащих регулируется исключительно специальными нормативными актами.

Дисциплинарный проступок как основание дисциплинарной ответственности военнослужащего отличается своеобразием. В частности, по дисциплинарному уставу Красной Армии 1941 года, в соответствии с пунктом 13, дисциплинарные взыскания налагались за совершенные военнослужащим проступки по службе или за нарушение им общественного порядка, если эти проступки не влекут за собой привлечения виновного к судебной ответственности [32]. В современной трактовке в соответствии с Федеральным законом «О статусе военнослужащих» дисциплинарная ответственность военнослужащих наступает за совершенный дисциплинарный проступок, то есть противоправное, виновное действие (бездействие), выражающееся в нарушении воинской дисциплины, которое в соответствии с законодательством Российской Федерации не влечет за собой уголовной или административной ответственности (статья 28.2).

Обращает на себя внимание тот факт, что перечень дисциплинарных взысканий, налагаемых на государственных служащих, наиболее представлен в отношении военнослужащих. Разнообразие перечня дисциплинарных взысканий объясняется спецификой данного вида государственной службы. Однако, вряд ли спецификой службы можно объяснить тот факт, что, например, для сотрудников органов внутренних дел перечень дисциплинарных взысканий начинается с замечания, а для военнослужащих — с выговора; сни-

жение в воинском звании и должности — для военнослужащих, но для сотрудников таможенных органов подобное взыскание отсутствует.

Различные подходы в определении оснований дисциплинарной ответственности государственных служащих по трем видам государственной службы, дифференцированные по видам государственной службы перечни дисциплинарных взысканий, проблемный характер процедуры привлечения к дисциплинарной ответственности — все это свидетельствует об отсутствии комплексного, системного подхода законодателя к вопросу о правовом механизме дисциплинарной ответственности государственных служащих. В условиях реформы государственного аппарата происходит планомерное совершенствование института государственной службы, направленное на укрепление правового статуса государственных служащих, усиление их социальной защиты. Позитивным примером в этом плане является отмена такого дисциплинарного взыскания, как сокращение продолжительности основного отпуска на срок до пяти суток для военнослужащих [22].

ЛИТЕРАТУРА

1. Барабаш А.Т. Ответственность за нарушение трудовой дисциплины. — Киев, 1977.
2. Бодерскова Г.С. Дисциплинарный проступок как основание дисциплинарной ответственности по советскому трудовому праву // Укрепление трудовой дисциплины. — Калинин, 1980.
3. Крикунов С. Дисциплинарная ответственность работника // Трудовое право. — 2004. — №3.
4. Сыроватская Л.А. Ответственность за нарушение трудового законодательства. М., 1990.
5. Шеломов Б. Трудовой распорядок. Дисциплина труда // Человек и труд. — 2003. — № 2.
6. Осаке К. Экономико-философская интерпретация договора в англо-американском общем праве: либеральная теория договора // Журнал российского права. — 2004. — С.98.
7. Платон. Федр // Полное собрание творений Платона. — Пг., 1922.
8. Арутюнова С.Э. Основы административно-правового регулирования стимулирования и поощрения государственных служащих в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. — Саратов, 2007.
9. Козбаненко В.Л. Правовое обеспечение статуса государственных и муниципальных служащих: общее и особенное // Государство и право. — 2003. — № 1. — С. 23—24.
10. Кибанов А.Я., Баткаева И.А., Митрофанова Е.А., Ловчева М.В. Мотивация и стимулирование персонала. — М.: Инфра-М, 2009.
11. Чернова Е.Б. Совершенствование организационно-экономического механизма мотивации

труда государственных служащих: дис. ... канд. эконом. наук. — Москва, 2009.

12. Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. — 2006. — № 4.

13. Адушкин Ю.С. Дисциплинарное производство в СССР. — Саратов, 1986.

14. Бахрах Д.Н. Государственная дисциплина и ответственность. — Л., 1990.

15. Буравлев Ю.М. Проблемы правового регулирования дисциплинарного принуждения в системе государственной службы России // Юридический мир. — 2008. — № 10.

16. Манохин В.М. Советская государственная служба. — М., 1966.

17. Стариков Ю.Н. Служебное право. — М.: БЕК, 1996.

18. Чаннов С.Е. Административно-правовая модель регулирования служебных отношений в Российской Федерации: понятие и основные черты: дис. ... д-ра юрид. наук. — Саратов, 2009.

19. Сергеев А.В. Актуальные вопросы ответственности государственных гражданских служащих по административному праву: дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2005. — С. 105.

20. Крусс В.И. Теория конституционного правоупользования. — М.: Норма. — 2007. — С. 515.

21. Пресняков М.В., Чаннов С.Е. Дисциплинарная ответственность гражданских служащих: проблемы нормативной определенности и справедливой дифференциации // Трудовое право. — 2009. — № 8.

22. Болдырев В.А., Сысоев В.А. Трудовое право России: учебник для вузов. — М.: Норма, 2006. — С. 395.

23. Денисов С.А. Возможности применения института административной ответственности для борьбы с коррупцией государственных служащих // Административная ответственность: вопросы теории и практики. — М., 2005.

24. Климкина Е.В. Административно-правовое регулирование дисциплинарной ответственности государственного гражданского служащего России: дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2006.

25. Никифоров А.В. Дисциплинарная ответственность сотрудников органов внутренних дел: дис. ... канд. юрид. наук. — Омск, 1998.

26. Ноздрачев А.Ф. Коррупция как правовая проблема в вопросах и ответах // Адвокат. — 2007. — № 10.

27. Чаннов С.Е. Дисциплинарная ответственность за нарушения антикоррупционного законодательства // Кадровик. — 2009. — №8.

28. Буравлев Ю.М. Виды юридической ответственности в системе государственной службы: монография. — М.: Юрист, 2008. — С. 34.

29. Куракин А.В. Административно-правовые средства предупреждения и пресечения коррупции в системе государственной службы Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — Люберцы, 2008. — С.35.

30. Об утверждении дисциплинарного устава таможенной службы Российской Федерации: Указ Президента РФ от 16 ноября 1998 года №1396 // СЗ РФ. — 1998. — № 47. — Ст. 5742.

31. <http://www.rkka.ru/docs/disc/disc.htm#c2>

32. О внесении изменений в Федеральный закон «О статусе военнослужащих»: Федеральный закон от 4 ноября 2007 года № 254 ФЗ // СЗ РФ. — 2007. — № 45. — Ст. 5431.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ СТАТЬИ:

Матвеев Сергей Прокофьевич. Начальник кафедры гражданского, трудового и финансового права. Кандидат юридических наук, доцент.

Воронежский институт МВД России.

E-mail: ser35031333@yandex.ru

Россия, 394065, Воронеж, проспект Патриотов, 53. Тел. (473) 247-64-83.

Matveev Sergei Prokofievich. Civil, labour and financial law chair head. Candidate of sciences (jurisprudence/ law), assistant professor.

Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53. Tel. (473) 247-64-83.

Ключевые слова: государственная гражданская служба; служебная дисциплина; социальная защита; условия службы; дисциплинарные взыскания.

Key words: civil service; the service discipline; social protection; conditions of service; disciplinary action.

УДК 35.088

К.А. Занин,
кандидат юридических наук



КОММЕРЧЕСКАЯ ТАЙНА КАК ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ИНСТИТУТ: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА, ПОРЯДОК ПРИМЕНЕНИЯ И ПРЕДЕЛЫ ЗАЩИТЫ

COMMERCIAL SECRET AS CIVIL-LAW INSTITUTE: A GENERAL CHARACTERISTIC, ORDER OF APPLICATION AND LIMITS OF PROTECTION

В статье на основе анализа действующего законодательства исследуются отдельные вопросы порядка применения и пределов защиты коммерческой тайны как института гражданского права. Особое внимание уделяется правовой регламентации перечня сведений, которые не могут составлять коммерческую тайну.

In the article based on analysis of existing legislation and the separate questions about application and limits of protection of a commercial secret as institute of civil law are investigated. The special attention is given to a legal regulation of the list of the information, which can not make a commercial secret.

На современном этапе развития общества информация становится товаром, и ее получение, хранение, передача и использование подчиняются законам товарно-денежных отношений, а поэтому успех любой коммерческой деятельности во многом зависит от грамотного обращения с информационными потоками.

С появлением новых общественных отношений информация становится самостоятельным объектом гражданского права.

В своем исследовании Т.В. Белова акцентирует внимание на том, что некоторые классифицирующие признаки вещей могут быть применены к информации как объекту гражданских правоотношений, информация, ценность которой заключается в ее содержании, в сведениях, носит нематериальный характер [1].

Каждый субъект предпринимательской деятельности имеет право охранять свои интересы и защищать ценную для него информацию, получая при этом определенную свободу предпринимательства.

Одним из старейших методов охраны такой информации является правовой институт коммерческой тайны. Задолго до возникновения понятия интеллектуальной собственности ремесленники во всем мире хранили в тайне секреты своего мастерства [2].

Институт коммерческой тайны относится к особому правовому механизму охраны не только нарождающегося слоя цивилизованных предпринимателей, но и интересов страны в целом. Если в других странах защита коммерческой тайны является столь же традиционным делом, как и защита государственных секретов, то для нашего государства, переживающего период обновления и становления новых отношений в экономике, это является актуальным направлением.

Впервые право на сохранение коммерческой тайны хозяйствующими субъектами было установлено Законом СССР от 4 июня 1990 г. «О предприятиях в СССР» [3]. Коммерческая тайна определялась как не являющаяся государственными секретами информация, связанная с производством, технологическими сведениями,

управлением, финансами и другой деятельностью предприятий, разглашение (передача, утечка) которых может нанести ущерб их интересам.

Правовое определение коммерческой тайны наравне со служебной было дано в ст. 139 ГК РФ, но если законодательное понятие служебной тайны отсутствует до сих пор, то понятие коммерческой тайне дается также в Федеральном законе «О коммерческой тайне» [4].

Следует отметить, что законодателем приводится определение информации, составляющей коммерческую тайну (секрет производства), под которой понимаются сведения любого характера (производственные, технические, экономические, организационные и другие), в том числе о результатах интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере, а также сведения о способах осуществления профессиональной деятельности, которые имеют действительную или потенциальную коммерческую ценность в силу неизвестности их третьим лицам, к которым у третьих лиц нет свободного доступа на законном основании и в отношении которых обладателем таких сведений введен режим коммерческой тайны.

Несложно заметить отождествление понятий «секреты производства» и «информация, составляющая коммерческую тайну».

Принятие четвертой части ГК РФ, а также параллельное внесение поправок в действующее законодательство обусловили новый виток в развитии коммерческой тайны как института гражданского права. Нельзя сказать, что принятые поправки являются исчерпывающими. Между тем уже можно утверждать однозначно, что они добавляют проблем при толковании действующих норм.

Следует согласиться с мнением И.Л. Бачило [5], которая отмечает различие институтов коммерческой тайны и интеллектуальной собственности в следующем. Во-первых, институт интеллектуальной собственности, за редчайшими исключениями, охраняют открытую информацию. Во-вторых, интеллектуальная собственность, представляет собой систему исключительных прав, т.е. юридическую монополию на использование определенных нематериальных объектов. Напротив, ноу-хау — это информация закрытая, и юридической монополии на ее использование нет.

Разработчики части 4 ГК РФ попытались устранить эту нестыковку, установив, что исключительное право на отдельные виды объектов может принадлежать несколько лицам одновременно (ч. 4 ст. 1229 ГК РФ). Однако это противоречит самой природе абсолютных субъективных прав.

Существенным недостатком законодателя, на наш взгляд, является формулировка понятия обладателя информации, составляющей коммерческую тайну — это лицо, которое владеет инфор-

мацией, составляющей коммерческую тайну, на законном основании, ограничило доступ к этой информации и установило в отношении ее режим коммерческой тайны (п. 4 ст. 3 Закона). Как известно, институт коммерческой тайны призван защищать частноправовые интересы лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью с целью получения прибыли. Такими лицами являются коммерческие организации и индивидуальные предприниматели, а не любые лица, как это следует из указанного понятия.

В настоящее время российское законодательство об охране коммерческой тайны представляет собой совокупность норм, которые содержатся в различных правовых актах и обеспечивают правовую защиту предпринимательских секретов во всех сферах общественных отношений.

В частности, о коммерческой тайне упоминается в гражданском законодательстве, которое в ст. 727 ГК РФ регулирует общественные отношения конфиденциальности полученной сторонами информации по договору подряда, тем самым устанавливая, что если сторона благодаря исполнению своего обязательства по договору подряда получила от другой стороны информацию о новых решениях и технических знаниях, в том числе не защищаемых законом, а также сведения, которые могут рассматриваться как коммерческая тайна, сторона, получившая такую информацию, не вправе сообщать ее третьим лицам без согласия другой стороны.

Особый интерес представляют нормы ч. 2 ст. 102 Налогового кодекса, где указывается, что к разглашению налоговой тайны относится, в частности, использование или передача другому лицу производственной или коммерческой тайны налогоплательщика, ставшей известной должностному лицу налогового органа, органа внутренних дел, органа государственного внебюджетного фонда или таможенного органа, привлеченному специалисту или эксперту при исполнении ими своих обязанностей [6]. Вышеизложенное позволяет заключить, что информация, составляющая коммерческую тайну, является одним из объектов налоговой тайны, что представляет интерес и обуславливает необходимость исследования такого вывода.

Законодателем установлен перечень сведений, которые не могут составлять коммерческую тайну, который в целом соответствует принципу приоритетности установления правовых запретов перед разрешительной практикой нормотворчества.

С момента введения в действие законодательства о коммерческой тайне произошли значительные изменения в перечне сведений, которые не могут составлять коммерческую тайну, утвержденном ранее действующим Постановлением Правительства РСФСР №35 [7].

Среди наиболее важных изменений в контексте исследуемого вопроса следует обратить внимание на то, что из перечня исключен ряд сведений, связанных с финансовым состоянием организации. Таким образом, к коммерческой тайне можно относить документы бухгалтерского учета, первичные бухгалтерские документы, налоговые декларации и т.п. Это не исключает необходимости их предоставления налоговым и иным проверяющим органам в соответствии со ст. 6 закона, однако позволяет ограничить к ним доступ иных лиц, в первую очередь — конкурентов.

Такой подход противоречит некоторым другим нормативно-правовым актам. В качестве примера можно привести ст. 16 Федерального закона от 21 ноября 1996 г. №129-ФЗ «О бухгалтерском учете» [8], в соответствии с которой акционерные общества открытого типа, банки и другие кредитные организации, страховые организации, биржи, инвестиционные и иные фонды, создающиеся за счет частных, общественных и государственных средств (взносов), обязаны публиковать годовую бухгалтерскую отчетность не позднее 1 июня года, следующего за отчетным.

Вполне понятно, что такая информация не может быть отнесена к коммерческой тайне, так как в отношении нее специальной нормой установлен режим публичности, что является вполне убедительным.

Учитывая изложенное, считаем целесообразным дополнить перечень сведений, которые не могут составлять коммерческую тайну, сведениями по установленным формам отчетности о финансово-хозяйственной деятельности и иными сведениями, необходимыми для проверки правильности исчисления и уплаты налогов и других обязательных платежей в государственную бюджетную систему РФ, что позволит разграничить коммерческую и налоговую тайны и устранил приведенные противоречия в законодательстве.

Позиция законодателя, отличная от его собственной позиции в другом действующем законодательном акте, не более чем юридико-техническая ошибка. Но ее анализ важен по причине несоответствия понятий в разных нормативных актах, в т.ч. законодательного уровня, что приводит к разночтениям, отрицательно влияющим на правоприменительную практику.

Таким образом, правовое обеспечение защиты коммерческой тайны имеет принципиальные недостатки: это декларативность и противоречивость.

На сегодняшний день назрела крайняя необходимость проведения мероприятий по упорядочению работы со сведениями, составляющими коммерческую тайну. Во-первых, предлагается сформировать единый понятийный аппарат, который можно использовать во всех законодательных актах, принимаемых или принятых в этой сфере (то, чего на сегодняшний день пока нет). Во-вторых, законодательно следует закрепить единый перечень видов указанной информации с определением соотношения, механизмов реализации и установления ответственности за нарушение режима ограничения доступа к информации, а также механизмов изменения режимов ограниченного доступа к ней.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белова Т.В. Правовое регулирование защиты информации и прав на нее в гражданском обороте: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2006. — 26 с.
2. Пронин К.В. Защита коммерческой тайны (инструкция по выживанию). — М., 2006. — С.5.
3. О предприятиях в СССР: Закон СССР от 4 июня 1990 г. №1529-1 // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. — 1990. — №25. — Ст. 460.
4. О коммерческой тайне: Федеральный закон от 29 июля 2004 г. №98-ФЗ // СЗ РФ. — 2004. — №32. — Ст.3283.
5. Бачило И.Л. Информационное право: актуальные проблемы теории и практики: монография. — М., 2009. — 530 с.
6. Налоговый кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. №146-ФЗ (часть первая) // СЗ РФ. — 1998. — №31. — Ст. 3824.
7. О перечне сведений, которые не могут составлять коммерческую тайну: Постановление Правительства РСФСР от 5 декабря 1991 г. №35 // Собрание постановлений Правительства Российской Федерации. — 1992. — №1-2. — Ст. 7.
8. О бухгалтерском учете: Федеральный закон от 21 ноября 1996 г. №129-ФЗ // СЗ РФ. — 1996. — №48. — Ст. 5369.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ СТАТЬИ:

Занин Константин Анатольевич. Доцент кафедры гражданского и трудового права. Кандидат юридических наук.

Воронежский институт ФСИН России.

E-mail: zaniny29@yandex.ru

Россия, 394072, Воронеж, ул. Иркутская, 1а.

Zanin Konstantin Anatolievich. Assistant professor of civil and labour law chair. Candidate of law.

Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.

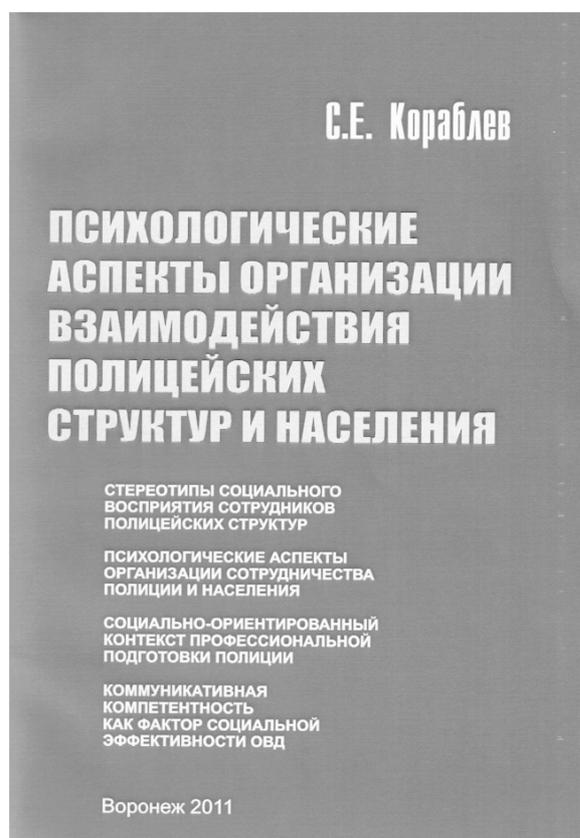
Work address: Russia, 394072, Voronezh, Irkutskaya Str., 1a.

Ключевые слова к статье: коммерческая тайна; объект гражданских правоотношений; информация; конфиденциальность; перечень сведений.

Key words: commercial secret; object of civil law; information; confidentiality, list of the information.

ББК 67.404

ИЗДАНИЯ ВОРОНЕЖСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ



Психологические аспекты организации взаимодействия полицейских структур и населения: монография / С.Е. Кораблев. — Воронеж: Воронежский институт МВД России, 2011. — 280 с.

В монографии содержатся материалы исследования психологических детерминантов формирования в массовом сознании позитивного отношения к сотрудникам правоохранительных органов. В частности, приводятся результаты изучения различных аспектов профессиональной деятельности и общения, использование которых позволяет работникам ОВД организовать отношения сотрудничества и взаимного доверия с гражданами в деле предупреждения и пресечения вмешательства криминала в стабильную жизнедеятельность общества.

Предназначена для специалистов в области правоохранительной деятельности.



Д.А. Натюра,
кандидат юридических наук, доцент,
Краснодарский университет МВД России



М.М. Душенко,
Краснодарский университет МВД России

К ВОПРОСУ О НЕПОСРЕДСТВЕННОМ ПРЕДМЕРЕ ПРЕСТУПНОГО ПОСЯГАТЕЛЬСТВА КАК ЭЛЕМЕНТЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ НАРУШЕНИЯ АВТОРСКИХ И СМЕЖНЫХ ПРАВ

TO QUESTIONS ABOUT THE SUBJECT OF CRIMINAL ENCROACHMENT AS THE ELEMENT OF CRIMINALISTIC CHARACTERISTIC IN VIOLATION OF COPYRIGHT AND ADJACENT RIGHTS

В работе анализируется предмет преступного посягательства, как элемент криминалистической характеристики нарушения авторских и смежных прав. Авторы уделяют особое внимание изучению бланкетного характера статьи 146 Уголовного кодекса Российской Федерации, рассматривает ч. 4 Гражданского кодекса. При этом в работе автор представляет собственное видение проблематики предмета преступного посягательства, дает оценку пробелам в действующем законодательстве.

The subject of criminal encroachment as the element of criminal characteristic in violation of copyright and adjacent rights is discussed in this article. The author srie to analyze questionnaire character of the 146 article the Criminal Code of Russian Federation, examines part 4 of Civil Code. The author shows his own vision of the criminal encroachment problem, gives the estimation to the gaps in the legislation.

Вступление России в ВТО, выход страны на международную арену обеспечили как следствие возникновение экономических проблем, к числу которых можно отнести увеличение объема контрафактных экземпляров продукции, находящихся в рыночном обороте. Создание рынка интеллектуальной собственности повлияло на возрастание числа интеллектуальных преступлений, к которым относят нарушения авторских и смежных прав. К примеру, прибыль от деятельности, связанной с охраной авторского права, дает около 3—5% валового национального продукта [1].

При анализе данных о нарушениях авторских и смежных прав установлено, что с января по ноябрь 2010 года было выявлено 40751 преступлений, из них 39309 преступлений, совершенных в крупном и особо крупном размерах, за такой же период в 2009 году было выявлено 45592 преступления, из них 40641 преступление, совершенное в крупном и особо крупном размерах. Таким образом, удельный вес преступлений, совершенных в крупном и особо крупном размерах, в 2009 году составил 89%, а удельный вес аналогичных преступлений за 2010 год составил 96%. Увеличение числа совершаемых преступлений, предусмотренных ст. 146 УК РФ, свиде-

тельствует об увеличении числа интеллектуальных преступлений, а также о высоких технологиях, используемых криминальными структурами для получения максимальной прибыли [2].

Бланкетный характер диспозиции ст. 146 Уголовного кодекса Российской Федерации отсылает нас к нормам Гражданского кодекса, в котором дается разъяснение основных понятий. Но грань между уголовными правонарушениями и гражданско-правовыми спорами, возникающими вследствие нарушения авторских и смежных прав, достаточно «обтекаемая», с точки зрения действующего законодательства. До принятия части 4 Гражданского кодекса Российской Федерации, регулирующей правоотношения в области авторских и смежных прав, данные положения были закреплены в Законе от 19.06.1995 №110-ФЗ «Об авторском праве и смежных правах».

Следует отметить, что данное преступное деяние предусматривает выполнение определенных действий, сущность которых зафиксирована в первой и второй частях статьи 146 Уголовного кодекса Российской Федерации. В первом случае будет присвоение авторства (плагиат), во втором — незаконное использование объектов авторского права или смежных прав, а равно приобретение, хранение, перевозка контрафактных экземпляров произведений или фонограмм в целях сбыта.

Изучим первый вариант действий — присвоение авторства. Согласно ч.1 и ч. 2 ст. 1228 Гражданского кодекса Российской Федерации «...автором результата интеллектуальной деятельности признается гражданин, творческим трудом которого создан такой результат ... автору результата интеллектуальной деятельности принадлежит право авторства, а в случаях, предусмотренных ГК РФ, право на имя и иные личные неимущественные права ... право авторства, право на имя и иные личные неимущественные права автора неотчуждаемы и непередаваемы. Отказ от этих прав ничтожен. Авторство и имя автора охраняются бессрочно...»

Таким образом, исходя из смысла закона, присвоение авторства — это наречение автором любого другого лица, кроме того, творческим трудом которого создан такой результат. Поскольку в законе указывается бессрочность права авторства, то предметом посягательства могут быть любые объекты интеллектуальной деятельности, имеющие индивидуализированного автора, созданные когда-либо творческим трудом.

Второй вариант указывает как на совершение конкретных действий: приобретение, хранение, перевозка контрафактных экземпляров; так и содержит неконкретную формулировку «незаконное использование». При этом незаконное использование подразумевает абсолютно любые действия, нарушающие правовой режим использования объектов авторских или смежных прав.

Предметами посягательства здесь указаны «объекты авторского права ... экземпляры произведений или фонограммы».

Согласно ст. 1259 Гражданского кодекса Российской Федерации объектами авторских прав являются произведения науки, литературы и искусства независимо от достоинств и назначения произведения, а также от способа его выражения:

- литературные произведения; драматические и музыкально-драматические произведения, сценарные произведения; хореографические произведения и пантомимы; музыкальные произведения с текстом или без текста;

- аудиовизуальные произведения; произведения живописи, скульптуры, графики, дизайна, графические рассказы, комиксы и другие произведения изобразительного искусства; произведения декоративно-прикладного и сценографического искусства; произведения архитектуры, градостроительства и садово-паркового искусства, в том числе в виде проектов, чертежей, изображений и макетов; фотографические произведения и произведения, полученные способами, аналогичными фотографии;

- географические, геологические и другие карты, планы, эскизы и пластические произведения, относящиеся к географии, топографии и к другим наукам; другие произведения.

По мнению И.А. Силонова, к аудиовизуальным произведениям следует также относить музыкальные видеоклипы[5], а С. Спиряев причисляет к данным произведениям и рекламные видеоролики, но только в том случае, когда они представляют собой результат творческого труда [3].

К объектам авторских прав также относятся программы для ЭВМ, которые охраняются как литературные произведения.

Помимо основного перечня объектов в той же статье дается указание и на ряд других, также подлежащих охране:

1) производные произведения, то есть произведения, представляющие собой переработку другого произведения;

2) составные произведения, то есть произведения, представляющие собой по подбору или расположению материалов результат творческого труда.

Так, в г. Хабаровске в 2009 г. М. незаконно приобрел и хранил контрафактные экземпляры произведений в целях сбыта в особо крупном размере. М., незаконно скопировав из сети Интернет на 5 CD-дисков, USB- накопитель нелегальное программное обеспечение с целью дальнейшего сбыта, установил за денежное вознаграждение на чужой персональный компьютер данное программное обеспечение [9].

При этом согласно п. 3 ч. 2 ст. 1259 Гражданского кодекса Российской Федерации защите подлежат как обнародованные, так и необнаро-

дованные произведения, выраженные в какой-либо объективной форме, в том числе в письменной, устной форме (в виде публичного произведения, публичного исполнения и иной подобной форме), в форме изображения, в форме звуко- или видеозаписи, в объемно-пространственной форме. Авторские права распространяются на часть произведения, на его название, на персонаж произведения, если по своему характеру они могут быть признаны самостоятельным результатом творческого труда автора.

Необходимо уточнить, что в состав ст. 146 Уголовного кодекса Российской Федерации входят также нарушения смежных прав. Согласно ст. 1303 Гражданского кодекса Российской Федерации к объектам указанных прав относятся:

1) исполнения артистов-исполнителей и дирижеров, постановки режиссеров — постановщиков спектаклей (исполнения), если эти исполнения выражаются в форме, допускающей их воспроизведение и распространение с помощью технических средств;

2) фонограммы, то есть любые исключительно звуковые записи исполнений или иных звуков либо их отображений, за исключением звуковой записи, включенной в аудиовизуальное произведение;

3) сообщения передач организаций эфирного или кабельного вещания, в том числе передач, созданных самой организацией эфирного или кабельного вещания либо по ее заказу за счет ее средств другой организацией;

4) базы данных в части их охраны от несанкционированного извлечения и повторного использования составляющих их содержание материалов;

5) произведения науки, литературы и искусства, обнародованные после их перехода в общественное достояние, в части охраны прав публикаторов таких произведений.

Не являются объектами авторского права согласно п. 6 ст. 1259 Гражданского кодекса Российской Федерации:

1) официальные документы государственных органов и органов местного самоуправления муниципальных образований, в том числе законы, другие нормативные акты, судебные решения, иные материалы законодательного, административного и судебного характера, официальные документы международных организаций, а также их официальные переводы;

2) государственные символы и знаки (флаги, гербы, ордена, денежные знаки и тому подобное), а также символы и знаки муниципальных образований;

3) произведения народного творчества (фольклор), не имеющие конкретных авторов;

4) сообщения о событиях и фактах, имеющие исключительно информационный характер (сообщения о новостях дня, программы телепередач, расписания движения транспортных средств и тому подобное).

Предмет преступления обычно рассматривают совокупно с объектом преступления, некоторые ученые отождествляют эти понятия [6], однако, на наш взгляд, эти понятия имеют разное содержание. Объект всегда идеализирован это интересы, блага и иные значимые для общества ценности, охраняемые законодательством. Такие авторы, как Т.А. Боголюбова, Ю.В. Трунцевский, непосредственным объектом авторских и смежных прав рассматривают общественные отношения, возникающие по поводу реализации гражданами авторских и смежных прав [8]. Предмет преступления всегда материален, это конкретная вещь материального мира. Объекту преступления в ходе преступного посягательства всегда наносится ущерб. Предмет преступления далеко не всегда ухудшает свои свойства в результате преступного посягательства: он может оставаться неизменным либо приобретать новые и улучшать старые качества. Исходя из вышесказанного, предметами деяния, предусмотренного статьей 146 Уголовного кодекса Российской Федерации, являются все вышеперечисленные объекты, указанные в Гражданском кодексе Российской Федерации как объекты авторских или смежных прав. Мы согласны с мнением А.И. Рагога, который считает, что предмет преступления принято называть материальным выражением объекта [7]. Обязательным условием их принадлежности к предметам посягательства является их закрепление на объекте материального мира: на бумаге, электронном носителе, DVD-диске, CD-диске, флеш-карте либо другими известными человеку способами.

ЛИТЕРАТУРА

1. www.e-barg-mcs.ur.ru
2. www/mvd.ru/presscenter/statistics/reports/show/85382/#top/-page
3. Спиряев С. Авторско-правовые аспекты рекламной деятельности // Авторское право и смежные права. — 2004. — №7. — С. 76—79.
4. Часть четвертая Гражданского кодекса Российской Федерации от 18.12.2006 г. №230-ФЗ // Рос. газ. — 2006. — 22 дек.
5. Авторское право в шоу-бизнесе: нормативные акты и комментарии /авт.-сост. И.А. Силов. — М., 2001. — С. 24—33.
6. Назаренко Г. В. Уголовное право. Общая часть: курс лекций. — М., 2005. — С. 65.
7. Российское уголовное право: в 2 т. Т. 1: Общая часть / под ред. А.И. Рагога. — М., 2003. — С. 112.
8. Трунцевский Ю.В. Видеопиратство: уголовная ответственность, раскрытие и расследование преступлений: пособие. — М., 2000. — С. 28.
9. Приговор Кировского районного суда г. Хабаровска по делу № 1-292/2009 от 18.08.2009 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ СТАТЬИ:

Натура Денис Александрович. Начальник кафедры предварительного расследования. Кандидат юридических наук, доцент.

Краснодарский университет МВД России.

E-mail: zida@inbox.ru

Россия, 350005, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128. Тел. 8(861) 2-58-32-68.

Душенко Марина Максимовна. Адъюнкт кафедры предварительного расследования. Краснодарский университет МВД России.

E-mail: m.d20@yandex.ru

Россия, 350005, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128. Тел. 8(8619)65-81-23.

Natura Denis Alexandrovich. Head of the chair of Preliminary Investigation. Candidate of law, assistant professor.

Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia.

Work address: Russia, 350005, Krasnodar, Yaroslavskaya Street. Tel. 8(861)2-58-32-68.

Dushenko Marina Maksimovna. The graduated in a military chair of Preliminary Investigation.

Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia.

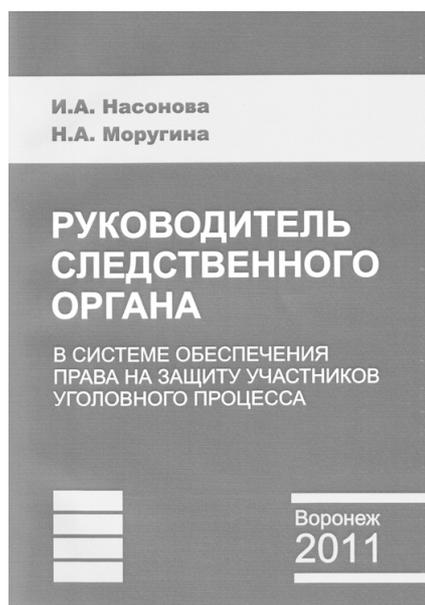
Work address: Russia, 350005, Krasnodar, Yaroslavskaya Street. Tel. 8(8619)65-81-23.

Ключевые слова к статье: нарушение авторских и смежных прав; способ совершения преступления; аудиовизуальные произведения; контрафактные продукты; программы для компьютеров; предмет преступления; криминалистическая характеристика.

Key words: violation of copyright and adjacent rights; the way of a crime commission; audiovisual products; counterfeit products; the programs for computers; crime subject; the criminalistic characteristic.

ББК 67.523.12

ИЗДАНИЯ ВОРОНЕЖСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ



Руководитель следственного органа в системе обеспечения права на защиту участников уголовного процесса: монография / И.А. Насонова, Н.А. Моругина. — Воронеж: Воронежский институт МВД России, 2011. — 153 с.

В монографии рассматриваются актуальные вопросы деятельности руководителя следственного органа в российском уголовном процессе, в том числе определены особенности его положения в уголовном судопроизводстве, взаимодействия с другими участниками уголовного судопроизводства, а также его роль в обеспечении права на защиту участников уголовного судопроизводства.



А.Н. Малышев,
кандидат юридических наук



Е.А. Буданова,
кандидат юридических наук, доцент

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ КОНФИСКАЦИИ ИМУЩЕСТВА В НОРМАХ УГОЛОВНОГО И УГОЛОВНО- ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

THE RATHER-LEGAL ANALYSIS OF CONFISCATION OF PROPERTY IN NORMS OF CRIMINAL AND CRIMINALLY-REMEDIAL LEGISLATIONS

В статье рассматривается соотношение конфискации имущества, реализуемой в нормах уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Проанализированы сходные и отличительные элементы уголовно-правовой и уголовно-процессуальной конфискации. Сформулирован вывод о межотраслевом характере конфискации имущества.

In article the parity of confiscation of property in norms criminal and criminally-procedural right is considered. The analysis of similarity and distinction of criminal and criminally-remedial confiscation is given. The conclusion about interbranch character of confiscation of property is formulated.

С 2007 года и по настоящее время вокруг конфискации имущества в законодательстве России не утихают споры о ее месте в системе мер уголовно-правового характера. При этом вопросов об эффективности реализации норм Уголовного кодекса РФ о конфискации имущества больше, чем ответов. С одной стороны, активность обсуждения проблем конфискации имущества ученым сообществом приносит свои положительные результаты в виде разработки научно-обоснованных понятий, видов, форм конфискации и как вида наказания, и как иной меры уголовно правового характера, с другой — имеет место бездействие правоприменителя и законодателя, которые не спешат сделать конфискацию более действенной.

В качестве иллюстрации применения норм о конфискации имущества можно привести ста-

тистику Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. По форме №1 в разделе 3 «Меры наказания и состав осужденных» Сводного отчета о работе судов первой инстанции по рассмотрению уголовных дел за 2007—2009 и первое полугодие 2010 года в реквизите «Применена мера уголовно-процессуального характера в виде конфискации имущества (ст.104.1 УК РФ)» представлены следующие сведения: 2007 г. — 72 (из них в отношении несовершеннолетних — 0), 2008 г. — 511 (из них в отношении несовершеннолетних — 13), 2009 г. — 587 (из них в отношении несовершеннолетних — 8), первое полугодие 2010г. — 308 (из них в отношении несовершеннолетних — 7) [1]. Анализируя количественные показатели, можно сделать вывод, что норма ст. 104.1 УК РФ реализуется достаточно редко в сравнении с количеством совершаемых преступлений, перечис-

ленных в указанной статье. Необходимо отметить и тот факт, что использование в реквизитах статистической отчетности Судебного департамента определенной двойственности ставит вопрос: о какой конфискации идет речь? Конфискации как «мере уголовно-процессуального характера» (уголовно-процессуальной конфискации) или конфискации как мере уголовно-правового характера, предусмотренной УК РФ (ст. 104.1 УК РФ)? На наш взгляд, необходимо проанализировать соотношение конфискации имущества, реализуемой в нормах уголовного (материального) и уголовно-процессуального законодательства.

С 2003 г. и до включения гл. 15.1 в УК РФ вопросы о конфискации имущества и отчасти о возвращении предметов их законному владельцу решались в порядке, установленном Уголовно-процессуальным кодексом РФ в отношении вещественных доказательств (ст. 81, 82 УПК и другие). В настоящее время уголовно-процессуальное решение этих вопросов, а также вопроса об обеспечении возмещения имущественного ущерба, причиненного законному владельцу — потерпевшему (ч. 3 ст. 42 УПК), получило необходимую материальную (уголовно-правовую) основу.

Федеральным законом от 27.07.2006 № 153-ФЗ (ред. от 07.02.2011) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона "О ратификации конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма" и Федерального закона "О противодействии терроризму"» (принят ГД ФС РФ 05.07.2006), соответствующие изменения внесены и в УПК. Так, часть 1 ст. 73 УПК («Обстоятельства, подлежащие доказыванию») дополнена п. 8: «Обстоятельства, подтверждающие, что имущество, подлежащее конфискации в соответствии со ст. 104.1 УК РФ, получено в результате совершения преступления или является доходами от этого имущества либо использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия преступления либо для финансирования терроризма, организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации)».

Законодательное решение о включении этих обстоятельств в предмет доказывания, с одной стороны, влечет за собой возрастание объема и сложности расследования соответствующих преступлений, а с другой стороны, оно исходит из необходимости повышения гарантий законности и обоснованности конфискации имущества. Эта ситуация односторонне отражается в априорных (преждевременных) скептических оценках практических возможностей реализации норм о конфискации имущества («не тот закон»). Однако ясно, что «планка» указанных гарантий не может быть по-

нижена, поэтому речь должна идти, прежде всего, о реальном повышении уровня профессионализма следователей и сотрудников оперативно-розыскных подразделений [2].

Согласно изменениям, внесенным в ст. 81 УПК, деньги, ценности и иное имущество, полученные в результате совершения преступления, признаются вещественными доказательствами (п. 2.1 ч. 1). При окончательном решении вопроса о них, в том числе о доходах от этого имущества, необходимо принимать решение о возвращении имущества законному владельцу (п. 4 ч. 3), после чего — о конфискации (п. 4.1 ч. 3). При этом орудия (и средства совершения) преступления, принадлежащие обвиняемому, конфискуются в обычном процессуальном порядке (п. 1 ч. 3). Остальное имущество из числа подлежащего конфискации (см. п.п. «а» — «в» ч. 1 ст. 104.1 УК), за исключением возвращаемого законному владельцу, конфискуется в порядке, установленном Правительством РФ.

Необходимо отметить тот факт, что норма о конфискации орудий совершения преступления присутствует в обоих кодексах, при этом в большинстве случаев конфискация орудий преступления осуществляется в рамках УПК РФ. Это в первую очередь связано с тем, что орудие преступления всегда является вещественным доказательством и суду в соответствии с законом необходимо в обязательном порядке, в отличие от норм уголовно-правовой конфискации, при вынесении приговора, а также определения или постановления о прекращении уголовного дела, решить вопрос о вещественных доказательствах. Это решение о конфискации или передаче в соответствующие учреждения или уничтожении орудия преступления, принадлежащего обвиняемому.

В 2006 году, в связи с принятием Федерального закона от 27.07.2006 г. № 153-ФЗ, конфискация обрела новый уголовно-правовой статус, став иной мерой уголовно-правового характера. Статья 104.1 УК РФ дает определение конфискации имущества и перечень имущества, на которое она может быть обращена, а также перечень преступлений (ссылок на статьи УК, которыми эти преступления предусмотрены), в случае совершения которых может применяться конфискация. В отличие от статьи 35 УК РСФСР и статьи 52 УК РФ новая норма не предусматривает конфискации всего имущества осужденного, но сохраняет основные принципы, определяющие суть конфискации: принудительность, безвозмездность и указание на государство как выгодоприобретателя в процессе конфискации.

По новым правилам действующего законодательства конфискация имущества может быть применена не только в случае совершения тяжких преступлений, но и преступлений небольшой и средней тяжести. Следует заметить, что цели применения данной меры в УК РФ не закреплены.

Законодатель ограничил суд в возможности применения конфискации только в отношении имущества, непосредственно полученного от преступной деятельности. Конфискации также подлежат следующие виды имущества:

1) деньги, ценности и иное имущество, в которые имущество, полученное в результате совершения преступления, и доходы от этого имущества были частично или полностью превращены или преобразованы;

2) деньги, ценности и иное имущество, используемые или предназначенные для финансирования терроризма, организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации);

3) орудия, оборудование или иные средства совершения преступления, принадлежащие обвиняемому.

Не обращается взыскание на имущество, подлежащее возвращению законному владельцу. Кроме того, в том случае, если имущество, полученное в результате совершения преступления, и (или) доходы от этого имущества были приобщены к имуществу, приобретенному законным путем, конфискации подлежит та часть этого имущества, которая соответствует стоимости приобщенных имущества и доходов от него. Имущество, указанное в частях первой и второй настоящей статьи, переданное осужденным другому лицу (организации), подлежит конфискации, если лицо, принявшее имущество, знало или должно было знать, что оно получено в результате преступных действий.

Нормы материального и процессуального уголовного законодательства находятся в неразрывной связи, а конфискация имущества является одной из многих точек соприкосновения, которые отражают сущность каждой из двух отраслей.

Особое внимание стоит уделить использованию в ст. 104.1 УК РФ уголовно-процессуального термина, который, как большинство этих специальных уголовно-процессуальных терминов, несет важную смысловую нагрузку, определяя наступление определенных процессуальных последствий. В п. «г» ч.1 ст. 104.1 УК РФ говорится о возможности безвозмездного изъятия в собственность государства *на основании обвинительного приговора суда* орудий, оборудования или иных средств совершения преступления, принадлежащих *обвиняемому* (выделено авторами). Таким образом, изъять перечисленные предметы можно только по приговору и только у обвиняемого, т.е. лица, в отношении которого в ходе предварительного следствия было вынесено постановление о привлечении в качестве обвиняемого. Однако после направления уголовного дела в суд прокурором и принятия судом дела к рассмотрению обвиняемый изменяет

свой статус на подсудимого, приобретая определенные права и обязанности. При вынесении приговора и вступлении его в законную силу (как правило, по истечении 10 дней с момента оглашения приговора) подсудимый становится осужденным, и с этого момента реализуется содержание приговора (в том числе и конфискация имущества). Таким образом, уголовно-правовая конфискация на основании обвинительного приговора возможна только в отношении орудий, оборудования или иных средств совершения преступления, принадлежащих осужденному. В этой связи представляется необходимым внести соответствующее изменение в п. «г» ч.1 ст. 104.1 УК РФ.

С целью наибольшей наглядности проведем сравнительный анализ конфискации имущества в УПК РФ и УК РФ (см. табл.).

Проанализировав данные, содержащиеся в таблице, можно сделать ряд выводов о схожести и различии уголовно-процессуальной и уголовно-правовой конфискации:

1) перечень имущества, подлежащего конфискации, в УК РФ и в УПК РФ практически идентичен, за исключением предусмотренной в Уголовном кодексе конфискации помимо орудий еще оборудования и иных средств совершения преступления. Хотя, на наш взгляд, оборудование и иные средства совершения преступления будут признаны вещественными доказательствами по уголовному делу и суд примет решение о конфискации, уничтожении или возвращении их законному владельцу;

2) УПК РФ предусматривает более широкий круг органов, принимающих решения о конфискации. Помимо суда, который в приговоре (причем как в обвинительном, так и в оправдательном), а также определении или постановлении о прекращении уголовного дела решает вопрос о конфискации вещественных доказательств, следователь в постановлении о прекращении уголовного дела также определяет судьбу приобщенных к материалам уголовного дела вещественных доказательств. Таким образом, конфискация в порядке УПК РФ может быть применена на стадии предварительного следствия;

3) основным отличием уголовно-процессуальной конфискации от уголовно-правовой являются ее содержание и цель. В УПК РФ конфискация носит обеспечительный характер и преследует цели, связанные с осуществлением расследования уголовного дела и возвращением собственности законному владельцу. В УК РФ конфискация призвана воздействовать на лицо, совершившее преступление, в части лишения его прав собственности и предупреждения совершения новых преступлений, а также устранения финансовой основы организованной преступности.

Сравнительная таблица норм уголовно-правовой и уголовно-процессуальной конфискации имущества

	Уголовно-процессуальная конфискация	Уголовно-правовая конфискация
Имущество, подлежащее конфискации	Вещественные доказательства: 1. Орудия совершения преступления, принадлежащие обвиняемому; 2. Предметы, на которые были направлены преступные действия; 3. Деньги, ценности и иное имущество, полученное в результате совершения преступления и доходы от него; 4. Иные предметы и документы, которые могут служить средствами для обнаружения преступления и установления обстоятельств уголовного дела	1. Деньги, ценности и иное имущество, полученное в результате совершения преступлений (перечень преступлений дан в статье). 2. Деньги, ценности и иное имущество, в которое имущество, полученное в результате совершения преступления, и доходы от этого имущества были частично или полностью превращены или преобразованы. 3. Деньги, ценности и иное имущество, используемое или предназначенное для финансирования терроризма, организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества. 4. Орудия, оборудование или иные средства совершения преступления, принадлежащие обвиняемому
Основание	Возбуждение уголовного дела, признание имущества в качестве вещественного доказательства, принятие процессуального решения	Доказанность виновности лица, совершившего преступление, доказательство преступности происхождения имущества, обвинительный приговор суда
Вид решения	Приговор, а также определения или постановления о прекращении уголовного дела	Только на основании обвинительного приговора суда
Орган, принимающий решение	Суд и следователь (при вынесении постановления о прекращении уголовного дела до направления в суд (ст. 213 УПК РФ))	Только суд
Содержание	Конфискация заключается в безвозмездном изъятии орудий преступления, принадлежащих обвиняемому, а также денег, ценностей и иного имущества, указанного в пунктах «а» — «в» части первой статьи 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, подлежащих конфискации в порядке, установленном Правительством Российской Федерации	Конфискация заключается в принудительном безвозмездном изъятии и обращении в собственность государства имущества перечисленного в ст. 104.1 УК РФ
Цели	Обеспечение возможности использования для доказывания (предметов и документов), сохранение для следствия и суда (предметов и документов), обеспечение возмещения вреда потерпевшему и возможных исков	В УК РФ цели конфискации не называются. По нашему мнению, возможно представить следующие цели: предупреждение совершения преступлений; восстановление правового положения имущества; ограничение имущественных прав осужденного; ликвидация финансового базиса терроризма и организованной преступности

Таким образом, уголовно-процессуальная конфискация сохранила в себе признаки так называемой «специальной конфискации» и, в целом, за счет включения в список вещественных доказательств новых пунктов, предусмотренных Федеральным законом от 27.07.2006 № 153-ФЗ, расширила область применения статьи 81 УПК РФ.

Подводя итог, следует отметить, что положения о конфискации, предусмотренные в различных отраслях законодательства РФ, тесно связаны между собой. Можно утверждать, что данный институт имеет межотраслевой характер. Конфискация находит свое отражение и в нормах материального и процессуального права.

Таким образом, конфискации в любой отрасли присущи общие признаки:

- осуществляется только на основании решения соответствующего государственного органа;

- это реакция государства на правонарушение;
- конфискуются только материальные объекты;
- конфискованные предметы обращаются в доход государства, возвращаются владельцу либо уничтожаются.

ЛИТЕРАТУРА

1. Статистика Судебного департамента при Верховном Суде РФ [Электронный ресурс]. — URL: http://www.cdep.ru/statistics.asp?search_frm_auto=1&dept_id=8 (дата обращения: 28.03.2011).

2. Беляев А. Новое уголовно-правовое регулирование конфискации имущества // Уголовное право. — 2007. — № 2. — С. 17—21.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ СТАТЬИ:

Малышев Александр Николаевич. Преподаватель кафедры уголовного права и криминологии. Кандидат юридических наук.

Воронежский институт МВД России.

E-mail: Malishev.vrn@yandex.ru

Россия, 394065, Воронеж, проспект Патриотов, 53. Тел. 8 (473) 272-84-68.

Буданова Елена Александровна. Доцент кафедры уголовного права и криминологии. Кандидат юридических наук. Доцент.

Воронежский институт МВД России.

E-mail: BudanovaElena@yandex.ru

Россия, 394065, Воронеж, проспект Патриотов, 53. Тел. 8 (473) 272-84-68.

Malishev Alexander Nikolaevich. The lecturer of chair of criminal law and criminology. The candidate of jurisprudence.

Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

E-mail: Malishev.vrn@yandex.ru

Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53. Tel. 8 (473) 272-84-68.

Budanova Elena Alexandrovna. The assistant professor of chair of criminal law and criminology. The candidate of jurisprudence. The assistant professor.

Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

E-mail: BudanovaElena@yandex.ru

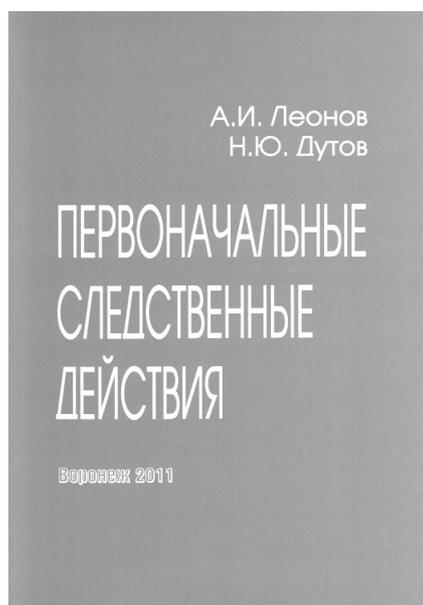
Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53. Tel. 8 (473) 272-84-68.

Ключевые слова к статье: конфискация имущества; имущество, полученное преступным путем; вещественные доказательства; обвиняемый; подсудимый.

Key words: the confiscation of property; property received by a criminal way; the material evidences; the accused; the defendant.

ББК 67.408.022

ИЗДАНИЯ ВОРОНЕЖСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ



Первоначальные следственные действия: учебное пособие / А.И. Леонов, Н.Ю. Дутов. — Воронеж: ВИ МВД России, 2011. — 66 с.

Учебное пособие написано на основе действующего уголовного и уголовно-процессуального законодательства. В нем отражены процессуальные, криминалистические и организационные особенности производства первоначальных следственных действий.

Предназначено для курсантов и слушателей, преподавателей и практических работников органов предварительного расследования, изучающих проблемы производства следственных действий на начальном этапе предварительного расследования уголовного дела.



Е. Р. Сухарева,
кандидат юридических наук, доцент

УЗУФРУКТ В РОССИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

USUFRUCTUS IN RUSSIA AND IMPROVEMENT OF IT'S LEGAL REGULATION

Данная статья посвящена проблеме определения сущности узуфрукта. В работе анализируется современный аспект данной проблемы с точки зрения Концепции развития гражданского законодательства. Рассматриваются основные признаки данного права и определены отдельные направления совершенствования законодательства об узуфрукте.

This article is dedicated to the problem of determination of the essence of usufructus. Modern aspect of this problem is analysed from new position of Conception of development civil legislation. Main signs and characteristics of this right are considered and determined some direction of improvement legal regulation about usufructus.

Современное понимание концепции вещных прав представляет собой историческое развитие тех основополагающих положений, которые получили своё законодательное оформление в римском праве. Вместе с тем история появления современного жилищного узуфрукта сопряжена с длительным процессом развития цивилистической мысли и множеством научных взглядов. Сегодня правовая природа жилищного узуфрукта отнесена к числу, по сути, самостоятельных вещных прав, правда, лишь в рамках узуфрукта. Обращаясь к истории появления данного правового явления, следует помнить, что само рождение термина «вещное право» представляет собой достаточно сложный процесс, происходящий на протяжении многих столетий, который по-разному оценивался в истории цивилистической мысли.

Оценка вещных прав в научном мире, бесспорно, представляет собой субъективное восприятие тех источников, которые стали доступными для исследования ученых. Поэтому наше видение данной правовой категории во многом опирается на уже ставшие традиционными в литературе взгляды на разграничение вещных прав. В частности, принято считать, что понятие вещных прав пришло из римского частного права, в котором ограниченные

по своему содержанию вещные права на чужие вещи (*jura in re aliena*) якобы противопоставлялись наиболее широкому по содержанию праву собственности. Вместе с тем, как отмечал С.А. Муромцев, в этом взгляде отразилась давно ставшая в цивилистике традиционной «наклонность освящать идеи и явления современного происхождения покровом векового авторитета римского права» [1]. По мнению ученого, в действительности дошедшие до нас источники римского частного права не содержали и не могли содержать такого обобщенного, абстрактного понятия, как «вещное право» или «ограниченные вещные права», ибо, по мнению ученого, римской юриспруденции было «почти совершенно чуждо распределение материала на основании общих понятий и принципов, составляющее характеристическое свойство догматической классификации» [1].

В продолжение данного подхода Д.Д. Grimm подчеркивал, что древнее римское право вообще не знало противоположения между правом собственности и ограниченными вещными и личными правами на чужие вещи. Всякое отношение к вещи, как отмечал автор, мыслилось как разновидность единого права — права собственности [2].

Обращаясь к позиции С.А. Муромцева, можно отметить, что сервитутное право изначально вовсе не было «правом в чужой вещи» (которым оно стало лишь в императорский период), а считалось «как бы правом на свою вещь, которой пользовались только совместно с собственником служащего имения»; в силу этого юридическое положение (природа) сервитутного права «первоначально во всем сходно с юридическим положением собственности» [3]. Точно так же суперфиций (*superficies*) и эмфитевзис (*emphyteusis*), также обычно рассматриваемые в качестве классических разновидностей известных римскому праву вещных прав, появились в этом качестве лишь в конце императорского периода на базе долгосрочной аренды земли, т.е. чисто обязательственных

Как отмечается в литературе, хозяйственные потребности привели к выработке сначала сервитутов, а затем и узуфрукта с его известными разновидностями — *usus* и *habitation*. К этой же группе имущественных прав исследователи обычно относят и появившиеся значительно позднее суперфиций и эмфитевзис, а также залоговое право (в формах *ignus* и *hypotheca*). Но даже в Дигестах Юстиниана, по сути, завершивших развитие римского частного права, все эти конкретные институты не рассматривались в качестве разновидностей некой единой категории «прав на чужие вещи» или «ограниченных вещных прав» [4].

Содержание римского частного права составляли достаточно казуистичные правила, созданные на основе анализа различных конкретных ситуаций, причем зачастую в разное время разными лицами, и потому нередко противоречившие друг другу. Их обобщение, как известно, начали лишь глоссаторы и, главным образом, постглоссаторы. Его завершили германские ученые-цивилисты в конце XVIII — начале XIX в., создав на основе обобщения и систематизации римских источников пандектное учение, которое с тех пор обычно и рассматривается как «римское частное право».

Категория вещных прав в их современном понимании появилась в континентальном европейском праве в начале XIX в. в рамках созданного германскими юристами пандектного учения, составившего основу «римского частного права». Результатом решения названной проблемы пандектным правом и стало появление категории ограниченных вещных прав. К нему пандектистами были отнесены различные права на земельную недвижимость, осуществляемые управомоченными лицами непосредственно, без каких-либо действий со стороны обязанных лиц: сервитуты, узуфрукт, эмфитевзис и суперфиций (составившие группу вещных «прав пользования» чужими вещами, а также залог как право при определенных условиях продать чужую, в том числе недвижимую, вещь (отнесенный поэтому к группе «прав реализации» чужой

вещи). Затем к ним добавились «права приобретения» чужой вещи (*Erwerbsrechte*), например «право присвоения» результатов охоты при осуществлении «охотничьего сервитута» и преимущественное право покупки недвижимости (земельного участка), в том числе при установлении долевой собственности на соответствующий объект.

Итак, основным достижением пандектистов явилось признание категории вещных «прав пользования» чужими вещами и определения его основных разновидностей. Однако относительно определения соотношения сервитута, узуфрукта и интересующего нас хабитацио (права на личное пользование жилищем) в литературе встречаются различные взгляды.

Отчасти право пользования (*usus*) и права на личное пользование жилищем (*habitation*), как уже отмечалось нами, рассматривались в качестве разновидностей узуфрукта. По мнению же Д.В. Дождева, И.Б. Новицкого и И.С. Перетерского, хабитацио, узуфрукт и *usus* являлись разновидностью личных сервитутов [5, 6], которые появились значительно позднее. Как отмечают И.Б. Новицкий и И.С. Перетерский, древнее римское право знало лишь земельные сервитуты. И лишь позднее с развитием городов Рима возникли городские сервитуты, применявшиеся в отношении застроенных участков — *servitutes urbanorum*. И те, и другие сервитуты принимали в городах довольно разнообразные формы. И лишь значительно позднее, возникла новая группа личных сервитутов (*servitutes personarum*). Вначале к ним применялись старые названия владения и собственности — *usufructus*, *usus*, которые затем стали уже техническими терминами. Выражение «сервитуты» было перенесено на личные сервитуты лишь в позднеклассическое время [6].

Официально существование личных сервитутов было признано в рамках юстиниановской компеляции [8], что касается также и их разграничения на узуфрукт (*usufructus*), узус (*usus*), хабитацио (*habitatio*) и право пользования чужими рабами и животными (*operae servorum vel animalium*) [9].

Как отмечает Д.В. Дождев, в отличие от собственности специальное вещное право имело своим предметом не вещь как таковую, а её отдельную хозяйственную функцию [5], а поэтому, как представляется, это и предопределило ограниченное содержание вещных «прав пользования» чужими вещами. Не случайно в рамках римско-правовой концепции вещных прав сервитут рассматривался только как право пользования чужой вещью, которое устанавливалось или для создания определённых выгод при эксплуатации чужого земельного участка, или в пользу определённых лиц [6]. Последнее целевое предназначение личных сервитутов имело место в случае проживания в чужом доме в силу различных правовых оснований (*habitatio*).

Современная Концепция развития гражданского законодательства несколько иначе подходит к разграничению иных вещных прав, проводя четкую границу, во-первых, между сервитутами и узуфруктом и, во-вторых, не выделяя такой разновидности иных вещных прав, как *хабитацио* (*habitatio*), что вполне объяснимо с философской точки зрения [10].

В частности, оценивая данную правовую ситуацию, следует обратиться к основам философского понимания развития того или иного явления. Так, с течением времени многие научные взгляды претерпевают изменения с учетом потребностей времени и особенностей экономического развития общества. Однако всё в обществе, включая и правовые явления, рано или поздно повторяется, но на качественно ином уровне.

Направленность развития определяется диалектическим единством двух противоположных тенденций — поступательности и повторяемости. Взаимосвязь этих тенденций в восходящем развитии выражает действие закона отрицания отрицания. Развитие в целом поступательно, ибо старое, хотя и может затормозить развитие, не в состоянии остановить его. При этом развитие идет не по прямой линии, т.к. сказывается относительная, неполная повторяемость. Как отмечается в литературе, она состоит в том, что на определённом этапе развития воспроизводятся некоторые черты и свойства старого, исходного этапа. При этом повторение не есть полный возврат к старому, потому что оно воспроизводит лишь некоторые черты старого и происходит на более высоком уровне развития, на новой основе.

Вследствие того, что такие повторения есть в развитии, оно представляет собой сочетание двух противоположных тенденций — поступательного движения вперёд и неполной повторяемости старого на определённых этапах. При этом ведущим является поступательное движение вперёд. Развитие, сочетающее такие тенденции, происходит как бы по спирали [8].

Именно поэтому, чтобы проанализировать специфику правового регулирования жилищного узуфрукта в современном понимании его законодателем и сформированной научной концепцией, следует сравнить такие правовые явления, как право на личное пользование жилищем (*habitatio*) и современное представление об узуфрукте и его разновидности — социальном узуфрукте.

Полагаем, что интерес представляет определение перспектив правового регулирования содержания правомочий обладателя данного права с учетом его исторически сложившихся признаков, претерпевших существенную рецепцию в рамках современной концепции развития вещных прав.

Итак, право на личное пользование жилищем (*habitatio*) носило строго персональный характер и являлось разновидностью права пользования. Следствием тому явилась невозможность передачи жилья другим лицам, включая невозмож-

ность подселения. Исключение было сделано лишь в отношении ближайших родственников, в частности супругов. Право на проживание было срочным или пожизненным, без права безвозмездной уступки другому лицу. Оно не прекращалось ни в результате умаления правоспособности, ни из-за длительного неиспользования. И только при Юстиниане в отдельных случаях, в частности с легатарием, получившим право на жилище, в содержании данного права появилась такая распорядительная возможность, как сдача в аренду за плату жилого помещения [15]. Это позволило современным ученым трактовать данное право (*habitatio*) в качестве самостоятельного вещного [5, 6]. Таким образом, можно утверждать, что узуфрукт и права на личное пользование жилищем (*habitatio*) рассматривались в качестве самостоятельных прав.

Русское сервитутное право пожизненного жительства в доме (имении), предоставляемое определённому лицу в рамках личного сервитута, имело много схожих черт с римской *хабитацией*. Пожизненное жительство устанавливалось, например, в случае продажи дома с сохранением права за продавцом права проживания во флигеле до конца своей жизни или указания в завещании права пожизненного проживания в имении, которое завещано одному лицу [7]. В целом в дореволюционном праве *habitatio* не получило своего законодательного оформления. Гражданское право до революции среди разделов Свода законов гражданских не содержало даже названия «Вещное право», а главным, центральным понятием было право собственности, которое подразделялось на полное и неполное [9].

Действующее законодательство не содержит такого понятия, как узуфрукт, и, соответственно, не содержит его определения. Отдельные права, близкие по своему содержанию к узуфрукту, например, права членов семьи собственника, права отказополучателя и некоторые другие в законодательстве по содержанию не раскрыты, вид вещного права не определён, что порождает возникновение правовых суррогатов — понятий, которые сегодня не могут быть отнесены ни к категории вещных, ни к категории обязательственных. Это приводит к формированию противоречивой правоприменительной практики, что существенно сужает уровень защиты участников гражданских правоотношений. По мнению авторов Концепции развития гражданского законодательства, возникла потребность введения в законодательство вещного права по своему содержанию близкого к узуфрукту, носящему строго выраженный личный характер [10] (далее в тексте — Концепция).

Современный узуфрукт рассматривается как личное пользование, отличное от сервитута, где правомочие владения отсутствует. Его разновидностью, судя по всему, и должен являться жилищный узуфрукт.

Современная Концепция позволяет выявить некоторую преемственность в правовом регулировании современного жилищного usufrukta, прообразом которого служило такое право как хабитацио (право на личное пользование жилищем). Так сохранён его строго личный характер, неотчуждаемость и непередаваемость, его срочность либо пожизненность. Вместе с тем современное содержание данного права видится авторам Концепции как более объёмное. Так, в отличие от римского права, обладатель современного жилищного usufrukta может получить право на извлечение выгод из вещи, возможность его изменения с согласия собственника. Сохраняется usufrukt и при смене собственника, свобода распоряжения которого не имеет ограничений. В отношении usufrуктуария может действовать погасительная давность от года до трёх лет, когда неиспользование вещи может влечь прекращение usufrukta. Таким образом и проявляется развитие по спирали.

Анализ Концепции позволяет констатировать гражданско-правовую природу usufrukta, т.к. согласно Концепции основным основанием его возникновения является гражданско-правовая сделка, совершаемая как на возмездной, так и безвозмездной основе исключительно в письменной форме. К числу таких сделок в качестве наиболее типичных отнесены: завещательный отказ, пожизненное содержание с иждивением при сохранении проживания, брачный договор и договор на приватизацию жилого помещения при отказе нанимателя от приобретения права собственности. Хотя основанием возникновения usufrukta может стать и решение суда.

С учетом признаков usufrukta, изложенных в Концепции, можно дать его определение. Так usufrukt — это неотчуждаемое и непередаваемое право лица по владению и пользованию вещью, установленное договором или решением суда, согласно которому usufrуктуарий возмездно или безвозмездно осуществляет свои правомочия, извлекает выгоды от использования вещи и несёт издержки по её содержанию в течение определённого срока или пожизненно, сохраняя данное право при смене собственника.

Говоря о совершенствовании правового регулирования жилищного usufrukta, в первую очередь можно отметить то, что согласно современной Концепции usufrukt в отношении недвижимых вещей возникает и прекращается в момент государственной регистрации, что с неизбежностью приведёт к внесению изменений в п.1 ст.131 Гражданского кодекса РФ [11], а также ст. 4 Закона о государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним [12] в части обязательности регистрации жилищного usufrukta.

Вместе с тем правовая природа современного жилищного usufrukta нуждается в более глубоком анализе. Так, в Концепции выделяется общий и социальный (семейный) usufrukt, а к

числу наиболее типичных случаев установления usufrukta отнесены завещательный отказ, пожизненное содержание с иждивением при сохранении права проживания, брачный договор, договор приватизации жилого помещения при отказе нанимателя от приобретения права собственности. Полагаем, что именно эти основания должны влечь за собой возникновение общего жилищного usufrukta. Однако согласно Концепции основанием возникновения жилищного usufrukta может стать иной договор, закон и судебное решение.

Выделяют авторы Концепции и совокупность обязательных признаков социального (семейного) usufrukta (в том числе и жилищного): семейные отношения, наличие обязанностей собственника по содержанию этих лиц, совместное проживание с собственником жилого помещения, отсутствие в собственности этих лиц или на ином праве жилых помещений. При этом выделяются основания возникновения социального (семейного) usufrukta (в том числе и жилищного): волеизъявление собственника или судебное решение, которое возможно, на наш взгляд, только в отношении лиц, круг которых определён законом. К их числу авторы Концепции относят супругов, несовершеннолетних детей, престарелых родителей, нетрудоспособных иждивенцев и т.д.

С этих позиций постараемся взглянуть на действующее законодательство.

На наш взгляд, общие правила о жилищном usufrukte следует включить в раздел ГК РФ «Вещные права», а положения о социальном (семейном) usufrukte раскрыть в ст. 31 Жилищного кодекса РФ, включив в ГК РФ отсылочную норму.

Основаниями возникновения общего usufrukta должен стать исключительно договор или иная гражданско-правовая сделка (завещательный отказ, договор ренты с условием пожизненного содержания с иждивением при сохранении права проживания, брачный договор, договор приватизации жилого помещения при отказе нанимателя от приобретения права собственности и т.п.). А вот ст. 31 Жилищного кодекса РФ нуждается в серьёзной редакции.

Во-первых, думается, что в п.1 ст. 31 Жилищного кодекса РФ все вышеназванные признаки социального (семейного) жилищного usufrukta должны, бесспорно, касаться лишь нетрудоспособных супругов (супруги в период беременности и трёх лет со дня рождения ребёнка), несовершеннолетних детей, нетрудоспособных родителей. Это и будет социальный (семейный) жилищный usufrukt в силу закона. Все иные лица при соблюдении обязательных признаков должны приобретать статус социального usufrуктуария лишь в исключительных случаях по решению суда, что также следует отразить в ст. 31 Жилищного кодекса РФ.

Трудно согласиться с авторами Концепции по следующим моментам. На наш взгляд, воле-

изъявление собственника не должно быть основанием возникновения социального (семейного) жилищного usufructa, т.к. по сути исчерпан круг лиц, которых собственник жилого помещения обязан содержать. Допустить договорные начала в данной ситуации было бы возможным при условии отказа авторов Концепции от совокупности обязательных признаков социального (семейного) usufructa, исключив, в частности, такой признак как наличие обязанностей собственника по содержанию этих лиц. Кстати, это соответствует идее авторов Концепции относительно прекращения социального usufructa у несовершеннолетних в случае возникновения у них гражданской дееспособности.

Полагаем, что данная проблема весьма многогранна и требует своего дальнейшего серьёзного научного исследования. В рамках же данной статьи автор обратила внимание лишь на некоторые проблемы нового для нашего законодательства явления — жилищного usufructa.

ЛИТЕРАТУРА

1. Муромцев С.А. Очерки общей теории гражданского права // Избранные труды по римскому и гражданскому праву. — М.: Статут, 2004. — 518 с.
2. Grimm Д. Проблема вещных и личных прав в древнеримском праве // Вестник гражданского права. — 2007. — № 3.
3. Муромцев С.А. Гражданское право Древнего Рима. — М.: Статут, 2003. — 486 с.
4. Вещные права на землю в избранных фрагментах из Дигест Юстиниана / пер. с лат.; отв. ред. Л.Л. Кофанов. — М., 2006. — 140 с.
5. Дождев Д.В. Римское частное право: учебник для юридических вузов и факультетов / под ред. В.С.Нерсесянца. — 2-е изд., изм. и доп. — М.: НОРМА, 2000. — 327 с.
6. Римское частное право: учебник / под ред. И.Б.Новицкого и И.С.Перетерского. — М.: Новый Юрист, 1998. — 354 с.
7. Актуальные проблемы гражданского права: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. Н.М. Коршунова, Ю.Н. Андреева, Н.Д. Эриашвили. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2010. — 438 с.
8. Марксистско-ленинская философия: учебное пособие для слушателей высших партийных школ. — М.: Мысль, 1965. — 286 с.
9. Щенникова Л.В. Вещное право: учебное пособие. — М.: Юристъ, 2006. — 312 с.
10. Концепция развития законодательства о вещном праве // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. — 2009. — №4.
11. Гражданский кодекс Российской Федерации: часть первая: принят Гос. Думой 21 октября 1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301 (с изм. и доп.).
12. О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним: федеральный закон: принят Гос. Думой от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ // СЗ РФ. — 1997. — № 30. — Ст. 3594 (с изм. и доп.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ СТАТЬИ:

Сухарева Елена Ромуловна. Доцент кафедры гражданского, трудового и финансового права. Кандидат юридических наук, доцент.

Воронежский институт МВД России.

E-mail: elenasuh65@mail.ru

Россия, 394065, г. Воронеж, проспект Патриотов, 53. Тел. 8 (473) 231-26-51.

Sukhareva Elena Romulovna. An assistant professor of the chair of Civil, Labor and Financial Law. Candidate of sciences (law), assistant professor.

Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53. Tel. 8 (473) 231-59-72.

Ключевые слова к статье: римское право; сервитут; usufruct; хабитацию; superficies; эмфитевзис; право собственности и другие вещные права; концепция развития гражданского законодательства; общий и социальный usufruct.

Key words: roman law; servitudes; usufructus; habitation; superficies; emphyteusis; ownership and rights on someone else's property; conception of development civil legislation; common and social usufructus.

ББК 67.404



А.Ю. Каранов,
Тамбовский государственный университет



М.Ю. Дворецкий,
кандидат юридических наук, доцент,
Тамбовский государственный университет

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ В РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВАХ

PENAL RESPONSIBILITY FOR COMPUTER CRIMES IN RUSSIAN FEDERATION AND FOREIGN COUNTRIES

Статья посвящена исследованию уголовной ответственности за преступления в сфере компьютерной информации в Российской Федерации и зарубежных странах. В ней отражены основные моменты формирования уголовного законодательства в данной сфере в таких странах, как США, Великобритания, ФРГ и т.д. Кроме того, в статье приведено авторское мнение относительно внесения дополнений и изменений в законодательства указанных государств.

This article devoted to research of computer crimes in Russian Federation and foreign countries. It concerns main points of formation in criminal law in such countries as USA, Great Britain, FRG etc. Besides a personal opinion about introduction of additions and changes law in those countries is given.

Законодательство об уголовной ответственности за преступления в сфере компьютерной информации в различных государствах мира существенно отличается. На наш взгляд, первый шаг в направлении защиты компьютерной информации был сделан в Швеции 4 апреля 1973 года, когда был принят «Закон о данных», который ввёл в традиционное законодательство новое понятие — «злоупотребление при помощи компьютера» [1].

В США впервые правовая защита компьютерной информации получила отражение в принятом законодательными собраниями американских штатов Аризона и Флорида законе «Computer crime act of 1978» [2], устанавливающим уголовную ответственность за преступления в сфере компьютерной информации. Согласно этому закону, преступлением признавались противоправные действия, сопряженные с уничтожением, нарушением целостности, несанкционированным

доступом, изъятием содержащихся на компьютере данных, программ, и наказывались пятью годами лишения свободы, либо денежным штрафом в размере 5000 долларов, либо тем и другим одновременно в зависимости от тяжести причиненного потерпевшему ущерба. Те же деяния, но совершенные с целью хищения какого-либо имущества, наказывались пятнадцатью годами лишения свободы, либо штрафом в размере 10 000 долларов, либо этими мерами совокупно. Вскоре во всех штатах США были приняты аналогичные законы и иные нормативно-правовые акты.

В федеральном «Законе о компьютерном мошенничестве» 1984 года вводится серьезная уголовная ответственность за совершение несанкционированного доступа к федеральным компьютерным сетям [3]. Например, наказание наступает для лиц, которые путем неправомерного доступа к компьютерной информации:

1) получают информацию ограниченного пользования правительства США с намерением или осознанием того факта, что данная информация может быть использована во вред Соединенным Штатам Америки либо на пользу иностранному государству;

2) получают информацию финансового учреждения США или информации о клиентах данного финансового учреждения;

3) осознанно копируют, модифицируют или уничтожают данные на определенных компьютерах.

Так, например, в параграфе 33-02 «Breach of computer security» УК штата Техас установлено, что лицо совершает преступление, если «сознательно использует компьютер, компьютерную сеть или компьютерную систему без официального согласия владельца или уполномоченного регламентировать доступ лица; причем лицу, совершающему данное деяние, заведомо известно о наличии системы защиты, предназначенной для предотвращения потери, модификации и удаления данных» [4]. Из содержания данной нормы можно сделать вывод, что необходимым и достаточным условием начала уголовного преследования при совершении преступления в сфере компьютерной информации является обязательное наличие защиты этой информации. Кроме этой нормы с формальным составом уголовное законодательство Техаса имеет и специальные нормы, устанавливающие ответственность за препятствование предоставлению услуг отдельным категориям пользователей, т.е. за вмешательство в работу компьютерных служб.

Согласно вышеприведенной норме, за преступления, связанные с «доступом с причинением вреда», законодателем предусмотрена более суровая ответственность. Например, уголовному преследованию подвергается человек, который «без согласия владельца или уполномоченного лица» умышленно «нарушает работу компьютера или вмешивается в нормальное функционирование компьютера» либо без согласия указанных выше лиц «изменяет, повреждает или уничтожает собственность».

В США, как на федеральном уровне, так и на уровнях разных штатов, в период с 1984 по 1986 год было принято не меньше пяти законопроектов, предусматривающих уголовную ответственность за правонарушения в сфере компьютерной информации. Так, среди них был закон, направленный на противодействие компьютерному мошенничеству и злоупотреблению, мошенничеству с использованием кредитных карточек, доступу к закрытым данным и др. В 1983 году Организация экономического сотрудничества и развития Европы (ОЭСР) начала изучение проблемы компьютерной преступности, результатом чего стало опубликование в 1986 году доклада «Преступления, связанные с применением компьютеров: ана-

лиз политики в области права», главная цель которого сводилась к созданию унифицированной схемы закона об уголовной ответственности за преступления в сфере обращения компьютерной информации в целях установления правового единообразия по данному вопросу в различных государствах. За основу было решено принять следующее определение данного деяния: «Компьютерным преступлением считается всякое незаконное, неэтичное и несанкционированное поведение, касающееся автоматизированных процессов и трансмиссии данных» [5].

По мнению авторов, в настоящее время правоохранительные органы США испытывают определенные сложности в ситуациях, когда речь ведется о привлечении к уголовной ответственности лиц, совершивших преступления в сфере компьютерной информации с территории иностранных государств, даже несмотря на столь детальное описание вопросов уголовной ответственности за данные деяния [6]. По нашему мнению, этого можно было бы избежать при условии включения американским законодателем в законодательные акты, регламентирующие ответственность за компьютерные преступления, квалифицирующих признаков — совершения преступлений с использованием функциональных особенностей компьютерных сетей и осуществления несанкционированного доступа при помощи компьютеров, находящихся за пределами США, в том числе и прокси-серверов [7].

В ФРГ в 1986 г. был принят закон о борьбе с экономической преступностью, пополнивший законодательство страны рядом норм, посвященных преступлениям в сфере компьютерной информации, в 1994 году — Федеральный закон «О защите информации». В параграфах 43, 44 данного акта предусмотрена уголовная ответственность за «неправомерное получение информации для себя или иного лица, если она была защищена от несанкционированного доступа», в виде лишения свободы на срок от 1 до 2 лет или денежного штрафа до 50 тысяч марок.

В настоящее время законодательство Германии включает в себя множество статей, предусматривающих ответственность, в том числе и уголовную, за различные преступления, совершаемые с помощью компьютеров и компьютерных сетей. Например, «компьютерное мошенничество» (ст. 263а), «Подделка используемых данных» (ст. 269), «Обман в официальных научных работах в совокупности с обработкой данных» (ст. 270), «Замена данных» (ст. 303а), «Компьютерный саботаж» (ст. 303b), «Информационный шпионаж» (ст. 202а) и др. Авторам представляется, что в дальнейшем для повышения результативности борьбы с преступлениями в сфере компьютерной информации необходимо учитывать позитивный законодотворческий опыт Германии.

Первым законом Великобритании, направленным на противодействие преступлениям в сфере компьютерной информации, был Computer Misuse Act — Закон о неправомерном использовании компьютерных технологий, принятый в 1990 году. В данном законе были выделены три вида преступлений:

1) несанкционированный доступ к компьютерной информации;

2) несанкционированный доступ к компьютерным данным с намерением совершить или способствовать совершению дальнейших преступлений;

3) несанкционированное изменение компьютерных данных [8].

Нам представляется, что до принятия данного закона, британское законодательство не позволяло в необходимой степени бороться с компьютерными преступлениями. Эта проблема встала со всей очевидностью, когда не удалось добиться в суде обвинительного заключения по делу Стивена Гоулда и Роберта Шифрина, которые в 1984 году получили несанкционированный доступ к принадлежащему компании British Telecom сервису Prestel. Обвинение против них было выдвинуто в соответствии с Законом о подлоге и подделках 1981 года. В апелляционном суде обвиняемые были оправданы, и оправдательный приговор был утвержден палатой лордов [9].

Максимальный срок тюремного заключения, предусмотренный законом за эти преступления, составлял соответственно шесть месяцев, пять лет и пять лет.

В России впервые закон о правовой охране программ для электронно-вычислительных машин и баз данных был принят в 1992 г. В ст. 128 Гражданского кодекса РФ, принятого 25 октября 1994 года, информация определялась как особый объект гражданских прав, наряду с вещами, иным имуществом и интеллектуальной собственностью.

20 февраля 1995 года был принят закон «Об информации, информатизации и защите информации». Этот нормативный акт регулировал правовые отношения в сфере обмена и обработки информации с использованием технических средств. Под информацией в нем подразумевались «сведения о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях и процессах, независимо от формы их представления». Продолжением развития отечественного законодательства стала разработка в проекте Уголовного кодекса РФ в 1996 г. группы статей, предусматривающих уголовную ответственность за преступления в сфере компьютерной информации.

Первые попытки составления статей, предусматривающих уголовную ответственность за компьютерные преступления в отечественной научной литературе, были ориентированы на

выработку необходимых рекомендаций по совершенствованию ранее действующего уголовного законодательства в этой области. Ю.М. Батурин и А.М. Жодзишский в своем исследовании, посвященном компьютерным посягательствам, выделили среди преступлений в сфере компьютерной информации два основных вида — связанные с вмешательством в работу компьютера и предполагающие его использование в качестве необходимого технического средства [10]. К первому авторы отнесли:

1) несанкционированный доступ к информации, хранящейся в компьютере;

2) ввод в программное обеспечение «логической бомбы», активирующейся при определенных условиях и частично или целиком выводящей из строя компьютерную систему;

3) разработку и распространение компьютерных программ разрушительного характера — вирусов;

4) некачественную разработку, изготовление и использование программно-вычислительного комплекса, проводящую к тяжким последствиям;

5) подмену компьютерной информации;

6) хищение информации, содержащейся на компьютерных носителях.

В связи с тем что, по мнению Ю.М. Батурина и А.М. Жодзишского, статьями Уголовного кодекса РСФСР 1960 г. охватывалась только часть этих преступлений (умышленное и неосторожное уничтожение или модификация компьютерной информации, небрежность в обращении с компьютерной системой), то предлагалось установить специальные основания уголовной ответственности за несанкционированное проникновение в вычислительные системы; похищение компьютерной информации; заражение компьютерными программами деструктивного характера. Авторы сочли целесообразным выделить в некоторых «обычных» преступлениях (хищении и т.д.) новый квалифицирующий признак: «совершенные деяния с использованием средств компьютерной техники» (второй вид компьютерных вмешательств), учитывая значительную общественную опасность данной категории преступлений.

Создатели проекта Уголовного кодекса, основываясь на схожих представлениях об объекте уголовно-правовой охраны, предложили включить компьютерные посягательства в одну из глав раздела «Преступления против общественной безопасности», где нашли место почти все виды преступлений, относимых данными авторами к вмешательству в работу компьютерных систем и компьютера.

Уголовный кодекс РФ не учел данных формулировок, что, по нашему мнению, может вызвать сложности в правоприменительной практике.

В законах зарубежных государств отсутствует специальная уголовная ответственность за нару-

шение правил эксплуатации ЭВМ и распространение зловредных программ деструктивного характера. Мы согласны с мнением Т.Г. Смирновой о том, что подобные действия рассматриваются как разновидность диверсий, наносящих значительный ущерб компьютерной информации посредством разрушительных воздействий в отношении материальных носителей и зафиксированных на них данных [11].

Способы совершения действий, направленных на нарушение работоспособности компьютерных систем, могут быть как самыми простыми, например физическое уничтожение частей компьютерных систем и сетей, так и более сложными, такими как воздействие на программное обеспечение, использующее как физическое разрушение частей информационных систем, так и деструктивные программы. Так, о первом случае заражения китайских ЭВМ программными вирусами сообщалось в начале 1989 года, когда компьютеры алюминиевого завода Синань оказались поражены вирусом неустановленного злоумышленника, названным «хлореллой» (либо «пятнами»). К концу 1989 года была проведена профилактика более чем 12750 компьютеров, в результате чего пятая часть оказалась зараженной этим вирусом.

В Канаде в 1985 году был принят «Закон о поправках к Уголовному кодексу», который ввел уголовную ответственность за «причинение вреда данным» лицом, которое «а) уничтожает или изменяет данные, б) лишает данные значения, делает их бесполезными, в) препятствует их законному использованию или лишает собственника доступа к ним».

В ФРГ во «Втором законе о борьбе с экономической преступностью» 1986 года расширено понятие «повреждения и уничтожения собственности». В УК ФРГ введена статья, установившая ответственность за простое и квалифицированное уничтожение данных в ЭВМ. В части 1 ст. 303 УК предусматривается наказание за уничтожение любых данных, а часть 2 содержит квалифицированный состав относительно повреждения и уничтожения данных, имеющих серьезное значение для предприятия или административного учреждения. Вместе с тем, российский законодатель практически ограничился введением в Уголовный кодекс 1996 года главы 28, регулирующей преступления в сфере компьютерной информации. В статье 273 этой главы введена уголовная ответственность за создание, использование и распространение вредоносных программ для ЭВМ, систем ЭВМ или их сети. В ней квалифицированный состав охватывает неосторожное причинение тяжких последствий, за которые предусмотрена самая тяжкая уголовная ответственность в данной главе — от трех до семи лет лишения свободы. Нам представляется, что остается неясным, как квалифицировать действия

компьютерного злоумышленника, направленные на умышленное причинение тяжких последствий.

Изложенное дает нам основание определить преступления в сфере компьютерной информации (компьютерные преступления) следующим образом: это предусмотренное уголовным законом, противоправное, виновное нарушение чужих прав и интересов, связанное с использованием, модификацией, уничтожением компьютерной информации, причинившее вред либо создавшее угрозу причинения вреда подлежащим уголовно-правовой охране правам и интересам физических и юридических лиц, общества и государства (личным правам и неприкосновенности частной сферы, имущественным правам и интересам, общественной и государственной безопасности в области высоких технологий и конституционному строю).

Такие пробелы законодательства способствуют безнаказанному созданию и распространению программ-вирусов. Отсутствие центров по отслеживанию неправомерного доступа по международным компьютерным сетям в еще большей степени способствует совершению указанных преступлений. Ведь с расширением сети Интернет и других международных компьютерных сетей число пользователей растет как показательная функция и в равной степени растет опасность компьютерных преступлений, следовательно, необходимо совершенствовать и меры безопасности.

Анализ отечественного и зарубежного законодательства в области компьютерной информации приводит к выводу о необходимости детального изучения составов преступлений в сфере компьютерной информации в целях их правильной квалификации и повышения эффективности уголовно-правовой борьбы с ними. Кроме того, на наш взгляд, необходима унификация уголовного законодательства различных государств, в том числе и Российской Федерации, предусматривающего уголовную ответственность за преступления в сфере компьютерной информации. Также нам представляется необходимой имплементация антикриминального международного уголовного права в Уголовный кодекс Российской Федерации в той части, где разработчиками предусмотрена ответственность за преступления в сфере компьютерной информации, если преступления совершены с помощью ЭВМ, систем ЭВМ или их сетей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А.А. Права человека и защита персональных данных. — Киев: Государственный комитет связи и информатизации Украины, 2000. — 280 с.
2. Computer crime act of 1978 USA Law [Электронный ресурс]. — URL: <http://>

docweb.cns.ufl.edu/docs/d0010/d0010.html (дата обращения: 10.02.2011)

3. Computer Fraud and Abuse Act [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.law.cornell.edu/uscode/18/1030.html> (дата обращения: 10.02.2011).

4. Texas Penal Code — Section 33.02. Breach Of Computer Security [Электронный ресурс]. — URL: <http://law.onecle.com/texas/penal/33.02.00.html> (дата обращения 10.02.2011)

5. Громов Е.В. Развитие уголовного законодательства о преступлениях в сфере компьютерной информации в зарубежных странах (США, Великобритании, ФРГ, Нидерландах, Польше) // Вестник ТГПУ. — 2006. — №11 (62). — С. 30—35.

6. Robert J. Sciglimpaglia. Computer Hacking: A Global Offense, 3 Pace Y.B. Int'l L.199, 231 (1991); Keith Nicholson. International computer crime: a global village under siege // New England International & Comparative Law Annual. — 1997. — № 2. New England School of Law, Boston, Massachusetts. [Элек-

тронный ресурс]. — URL: <http://www.nesl.edu/annual/vol2/computer.htm> (дата обращения: 10.02.2011).

7. Определение Прокси-сервер. [Электронный ресурс]. — URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Прокси-сервер> (дата обращения: 10.02.2011).

8. Computer Misuse Act Law of Great Britain [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1990/18/contents> (дата обращения: 10.02.2011).

9. Эмм Д. Киберпреступность и закон [Электронный ресурс]. — URL: <http://cybercrime.zp.ua/viewtopic.php?f=3&t=4776> (дата обращения: 10.02.2011).

10. Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов . — 3-е изд., изм. и доп. отв. ред. проф. И. Я. Козаченко, проф. З. А. Незнамова, доц. Г. П. Новоселов. — М.: НОРМА, 2001. — 960 с.

11. Смирнова Т.Г. Уголовно-правовая борьба с преступлениями в сфере компьютерной информации: дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1999. — 230 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ СТАТЬИ:

Карамнов Александр Юрьевич. Аспирант кафедры уголовного права и процесса. Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина.

E-mail: alex.karamnoff@gmail.com

Россия, 392027, г. Тамбов, ул. Мичуринская, 199-57. Тел. (953) 700-87-06.

Дворецкий Михаил Юрьевич. Профессор кафедры уголовного права и процесса. Кандидат юридических наук, доцент.

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина.

E-mail: dvoreckiy@tamb.ru

Россия, 392000, Интернациональная, д. 33, к. 102. Тел. (902) 724-22-47.

Karamnov Alexander Yuryevich. Post-graduate of Criminal Law and Process Department.

Tambov State University named after G.R. Derzhavin.

Work address: Russia, 392000, Tambov, Michyrinskaya st., 199-57.

Dvoretzky Mikhail Yuryevich. Professor of Criminal Law and Process Department. Candidate of Law, assistant professor.

Tambov State University named after G.R. Derzhavin.

Work address: Russia, 392000, Tambov, Internacionalnaya st., 33, r. 102.

Ключевые слова к статье: преступления в сфере компьютерной информации; ЭВМ; сети ЭВМ; уголовная ответственность.

Key words: computer crimes; computer; computer web; criminal responsibility.

УДК 343.2

А.И. Якунин,
Управление МВД России
по Новгородской области



ОБЪЕКТ ПОСЯГАТЕЛЬСТВА ПРИ МАССОВЫХ БЕСПОРЯДКАХ

THE OBJECT OF INFRINGEMENT IN RIOTS

В статье анализируются разные подходы к определению непосредственного объекта посягательства при массовых беспорядках и предлагается собственная дефиниция данного элемента состава преступления.

The article analyzes different approaches to determining the direct object of infringement in riots and offers the definition of this element of the offense.

Учение об объекте преступления на разных этапах своего развития было представлено несколькими теориями, сторонники которых в качестве данного элемента состава преступления рассматривали: субъективные права, блага, интересы, общественные отношения, нормы права и др. [1]. На наш взгляд, наиболее разработанной и универсальной является теория, согласно которой под объектом преступления понимаются общественные отношения. Отметим также, что мы придерживаемся признаваемой большинством ученых классификации объектов преступления «по вертикали» и «по горизонтали». В советском уголовном праве была принята трехчленная классификация объектов преступлений «по вертикали» на общий, родовый и непосредственный. Она была предложена В.Д. Меньшагиным в 1938 году [2], приводилась во всех учебниках по уголовному праву. В ее основе лежало соотношение философских категорий общего — особенного — отдельного, верно отражающее существующие связи между реальными отношениями. Кроме того, выделение трех объектов: общего, родового и непосредственного — соответствовало структуре советских уголовных законов, Особенная часть которых была разделена на главы и статьи. УК РФ 1996 года имеет более сложную структуру. Его Особенная часть содержит разделы, главы и статьи. Как верно отметил А.В. Наумов: «...Принципиально новая структура УК РФ

1996 года с делением Особенной части не только на главы, но и на разделы (объединяющие отдельные главы) позволяет вспомнить о нетрадиционной четырехступенчатой классификации, не получившей в свое время общего признания в юридической науке. Внутри родового объекта следует выделять так называемый видовой объект, соотносящийся с родовым как часть с целым или, иначе говоря, как вид с родом. Исходя из структуры действующего УК, родовым объектом являются интересы, на которые посягают преступления, нормы об ответственности за совершение которых помещены в единый раздел» [3].

В современной уголовно-правовой литературе классификация объектов преступлений «по вертикали» на общий, родовый, видовой и непосредственный поддерживается большинством ученых.

Норма о массовых беспорядках помещена законодателем в главу 24 УК РФ «Преступления против общественной безопасности», которая находится в разделе IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка».

Исходя из логики законодателя, можно сделать вывод о том, что родовым объектом анализируемого преступления выступают общественная безопасность и общественный порядок, а видовым объектом — общественная безопасность. Поскольку общественная безопасность

составляет содержание и видового, и родового объектов преступлений, закономерно возникает вопрос об объеме (разных смыслах) этого понятия. Ряд ученых предлагают рассматривать общественную безопасность в широком и узком смыслах [4, 5]. Довольно часто для обозначения видового объекта используется понятие «общая общественная безопасность» [6, 7] или «основы общественной безопасности» [8].

Действующим законодательством понятие общественной безопасности ни в узком, ни в широком смысле не определено. Из смысла статьи 1 Федерального закона РФ от 28 декабря 2010 г. №390-ФЗ «О безопасности» следует, что наряду с общественной безопасностью существует безопасность государства, экологическая безопасность, безопасность личности и иные виды безопасности, предусмотренные законодательством Российской Федерации. Ранее действовавшим Законом РФ от 05.03.1992 № 2446-1 (в ред. от 26.06.2008) «О безопасности» безопасность определялась как «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз». Под жизненно важными интересами предлагалось понимать «совокупность потребностей, удовлетворение которых надежно обеспечивает существование и возможности прогрессивного развития личности, общества и государства». К основным объектам безопасности были отнесены: личность — ее права и свободы; общество — его материальные и духовные ценности; государство — его конституционный строй, суверенитет и территориальная целостность (ст. 1) [10].

Итак, безопасность — это прежде всего состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства. Государственная безопасность, безопасность человечества не входят в содержание общественной безопасности и охраняются нормами других разделов УК РФ.

Общественная безопасность в широком смысле слова представляет собой защищенность прежде всего интересов общества и личности как члена этого общества. Сущность преступных посягательств на общественную безопасность состоит в том, что потерпевшим может оказаться любое лицо. Каждый факт совершения преступлений против общественной безопасности вызывает опасение или даже страх у человека за безопасность свою и своих близких. Субъективный критерий общественной безопасности как объекта уголовно-правовой охраны — часть общественной психологии, т.е. общественное спокойствие, ощущение состояния защищенности, своей безопасности и безопасности других, неприкосновенности собственности, уверенность в нормальной работе государственных и обществен-

ных институтов [7]. Главной целью любого акта против общественной безопасности является поражение именно этого элемента, поскольку вред, причиненный реальным мерам и средствам безопасности, обязательно подрывает общественное спокойствие.

Отсюда понятно стремление законодателя регламентировать потенциально опасные сферы жизнедеятельности личности и общества: производство, осуществление работ, движение транспорта и т.д. [12, 13, 14].

Общественная безопасность в широком смысле слова представляет собой защищенность тех сфер общественных отношений, которые отражены в названиях глав раздела IX УК РФ.

Таким образом, родовым объектом выступают общественной безопасности в широком смысле и общественный порядок как совокупность общественных отношений по поводу: а) безопасных условий жизни общества в целом; б) общественного порядка; в) экологической безопасности; г) здоровья населения и общественной нравственности; д) безопасности осуществления различных видов работ, процесса обращения с общепасными предметами; е) транспортная безопасность и безопасность дорожного движения; ж) информационная безопасность.

Видовым объектом преступлений, предусмотренных главой 24 УК РФ, в том числе массовых беспорядков, выступает общественная безопасность в узком смысле или общая безопасность как совокупность общественных отношений, обеспечивающих защищенность жизни и здоровья граждан, имущественных интересов, общественного спокойствия и порядка, нормальной деятельности учреждений, организаций, предприятий [7].

Относительно непосредственного объекта массовых беспорядков нет единого мнения.

Одним из обсуждаемых вопросов является вопрос о том, можно ли данное преступление, как, впрочем, и все преступления против общественной безопасности, считать многообъектным. Большинство ученых дает утвердительный ответ. Так, по мнению М. С. Гринберга, основным объектом этих преступлений является общественная безопасность, а в качестве дополнительных могут быть жизнь, здоровье, собственность [15]. Согласно иной точке зрения, единственным объектом здесь выступает общественная безопасность, поскольку без причинения вреда таким благам, как жизнь, здоровье людей, собственность и т.д., не может быть посягательства на общественную безопасность [16, 17].

На наш взгляд, массовые беспорядки — многообъектное преступление. Действительно, без причинения вреда жизни, здоровью людей, собственности и т.д. не может быть посягательства на общественную безопасность, вместе с тем

причинение вреда указанным благам не обязательно влечет нарушение общественной безопасности. Отличие преступлений против общественной безопасности от преступлений против личности или собственности как раз и осуществляется в зависимости от того, нарушена общественная безопасность или нет.

Жизнь, здоровье, личная неприкосновенность, собственность, нормальное функционирование органов власти являются дополнительными непосредственными объектами массовых беспорядков.

Что касается основного непосредственного объекта рассматриваемого преступления, то здесь мнения ученых также разделились.

Одни считают основным непосредственным объектом массовых беспорядков основы общественной безопасности (общественную безопасность в узком смысле слова, или общую безопасность) [8, 18—23].

Другие называют в качестве основного непосредственного объекта массовых беспорядков общественную безопасность и общественный порядок [7, 24].

Третьи признают основным непосредственным объектом общественный порядок [25—28].

Результаты экспертной оценки, а также опроса сотрудников оперативных служб и руководящего состава ОБ ППСМ УВД также выявили различное понимание основного непосредственного объекта.

Большинство экспертов (55%) считают таковым общественную безопасность, 32% — общественную безопасность и общественный порядок, 13% — общественный порядок.

Большинство практических работников (сотрудники оперативных служб и руководящий состав ОБ ППСМ УВД) называют в качестве основного непосредственного объекта массовых беспорядков общественную безопасность и общественный порядок (50% и 78% соответственно). Общественный порядок в качестве непосредственного объекта массовых беспорядков рассматривают 15% сотрудников оперативных служб и 0% руководящего состава ОБ ППСМ УВД.

Общественную безопасность — 0% сотрудников оперативных служб и 11% руководящего состава ОБ ППСМ УВД.

Интересно отметить, что 15% сотрудников оперативных служб и 11% руководящего состава ОБ ППСМ УВД считают основным непосредственным объектом массовых беспорядков государственную власть. 20% сотрудников оперативных служб признают непосредственным объектом общественную безопасность, общественный порядок и государственную власть.

По нашему мнению, государственная власть может выступать лишь дополнительным непосредственным объектом, когда массовые беспорядки

сопровождаются оказанием вооруженного сопротивления представителю власти.

Рассматривать в качестве основного непосредственного объекта только общественный порядок также, на наш взгляд, не совсем верно. Под общественным порядком понимается совокупность общественных отношений, обеспечивающих обстановку общественного спокойствия, достойное поведение граждан в общественных местах, нормальную работу организаций, учреждений и предприятий, общественного и личного транспорта, неприкосновенность личности [29]. Характер действий при массовых беспорядках: насилие, погромы, поджоги, а особенно применение огнестрельного оружия, взрывчатых веществ и взрывных устройств, не только нарушают общественный порядок, но и свидетельствуют о посягательстве на общественную безопасность.

Анализ судебной практики также показал, что при установлении состава массовых беспорядков большое внимание уделяется тому, нарушена ли (имелась ли возможность нарушения) общественная безопасность или нет.

Так, в Определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 4 августа 2008 г. № 45-О08-50 при обосновании правильности квалификации действий виновных по ч. 1 ст. 212 УК РФ отмечалось следующее: «Реализуя свое намерение похитить имущество, используя силовое обеспечение совершения мошенничества, Ф. и Н. организовали массовые беспорядки. Ведя подготовку к хищению, захвату предприятия, осужденные предусматривали возможность нарушения общественной безопасности. Оба знали, что территория, где они намеревались проводить свои действия с участием многих людей, была как производственным, так и торговым комплексом, на котором было сосредоточено большое количество людей» [30].

В данном судебном решении речь о нарушении общественного порядка не ведется. Однако сам термин «массовые беспорядки» предполагает нарушение общественного порядка.

Полагаем, что основным непосредственным объектом массовых беспорядков можно признать общественную безопасность в узком смысле слова, если включать в ее содержание и общественный порядок, либо общественную безопасность и общественный порядок, считая их не соотносящимися как целое и часть понятиями.

Дополнительными непосредственными объектами массовых беспорядков могут быть жизнь, здоровье, телесная неприкосновенность личности, собственность, порядок управления и государственная власть.

Предметом массовых беспорядков могут быть здания, сооружения и другие материальные ценности [18. — С 123].

На основании вышеизложенного следует сделать вывод. Родовым объектом массовых беспорядков выступают общественная безопасность и общественный порядок, а видовым объектом — общественная безопасность в широком смысле слова (общая безопасность). Основным непосредственным объектом массовых беспорядков можно признать общественную безопасность в узком смысле слова, включая в ее содержание и общественный порядок, либо общественную безопасность и общественный порядок, считая их не соотносящимися как целое и часть понятиями. Дополнительными непосредственными объектами массовых беспорядков могут быть жизнь, здоровье, телесная неприкосновенность личности, собственность, порядок управления и государственная власть.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вишнякова Н.В. Объект и предмет преступлений против собственности.— Омск, 2008.— С. 5.
2. Советское уголовное право. — М., 1938.
3. Российское уголовное право. Общая часть: учебник. — М., 1997. — С. 96.
4. Уголовное право России. Особенная часть: учебник / под ред. А.М. Рарога. М., 1996. С. 219.
5. Российское уголовное право. Особенная часть / под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова.— М.: Юристъ, 1997. — С. 226.
6. Новое уголовное право России. Особенная часть: учеб. пособие / под ред. Н.Ф. Кузнецовой. — М., 1996. — С. 224.
7. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник /под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. — М., 2009.
8. Пионтковский А. А. Советское уголовное право. — М., 1983. — С. 35.
9. СЗ РФ. — 2011. — № 1. — Ст. 2.
10. Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. — 1992. — № 15. — Ст. 769.
11. Овчинникова Г.В. Уголовно-правовые средства обеспечения прав человека на безопасность / Всеобщая декларация прав человека и правозащитная функция прокуратуры. — СПб., 1998. — С. 49, 50.
12. О транспортной безопасности: Федеральный закон РФ от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ // СЗ РФ. — 2007. — № 7. — Ст. 837.
13. О безопасности дорожного движения: Федеральный закон РФ от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ (в ред. от 27.07.2010 № 227-ФЗ) // СЗ РФ. — 1995. — № 50. — Ст. 4873.
14. О пожарной безопасности: Федеральный закон РФ от 21 декабря 1994 г. № 69-ФЗ (в ред. от 29.12.2010 г.) № 442-ФЗ // СЗ РФ. — 1994. — № 35. — Ст. 3649.
15. Гринберг М.С. Преступления против общественной безопасности. — Свердловск, 1974. — С. 35, 36.
16. Коробеев А.И. Транспортные преступления. — Владивосток, 1992. — С. 47.
17. Комиссаров В.С. Терроризм, бандитизм, захват заложников и другие тяжкие преступления против безопасности общества по новому УК РФ. — М., 1997. — С. 20.
18. Арипов Э.А. Уголовная ответственность за массовые беспорядки (По материалам Кыргызской Республики и Российской Федерации): дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2008. — С. 122.
19. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / А.В. Бриллиантов, Г.Д. Долженкова, Я.Е. Иванова и др.; под ред. А.В. Бриллиантова. — М., 2010. — С. 829.
20. Настольная книга судьи по уголовным делам / Г.А. Есаков, А.И. Рарог, А.И. Чучаев / отв. ред. А.И. Рарог. — М., 2007. — С. 356.
21. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. А.А. Чекалина, В.Т. Томина, В.В. Сверчкова. — М., 2007. — С. 737.
22. Наумов А.В. Практика применения Уголовного кодекса Российской Федерации: комментарий судебной практики и доктринальное толкование / под ред. Г.М. Резника. — М, 2005. — С. 544.
23. Кочои С.М. Уголовное право. Общая и Особенная части: краткий курс. — М., 2010. — С. 375.
24. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации /отв. ред. В.И. Радченко; науч. ред. А.С. Михлин, В.А. Казакова. — М., 2008. — С. 517.
25. Постатейный комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации /под ред. Н.А. Громова. — М., 2007.
26. Уголовное право России. Особенная часть: учебник / под ред. В.П. Ревина. — М., 2009.
27. Уголовное право. Общая и Особенная части: учебник для вузов /под ред. Н.Г. Кадникова. — М., 2006.
28. Овчаренко Е.И. Правовая характеристика хулиганства // Журнал российского права. — 2004. — № 3. — С. 126.
29. Кунц Н.Т. Преступления против общественного порядка и общественной безопасности. — Киев, 1974. — С. 4.
30. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. — 2009. — № 11 // [http:// www. supcourt.ru/ print_page.php?id=6042](http://www.supcourt.ru/print_page.php?id=6042)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ СТАТЬИ:

Якунин Анатолий Иванович. Начальник управления МВД России по Новгородской области. Генерал-майор полиции.

Россия, 173001, Великий Новгород, ул. Большая Санкт-Петербургская, 2/9.

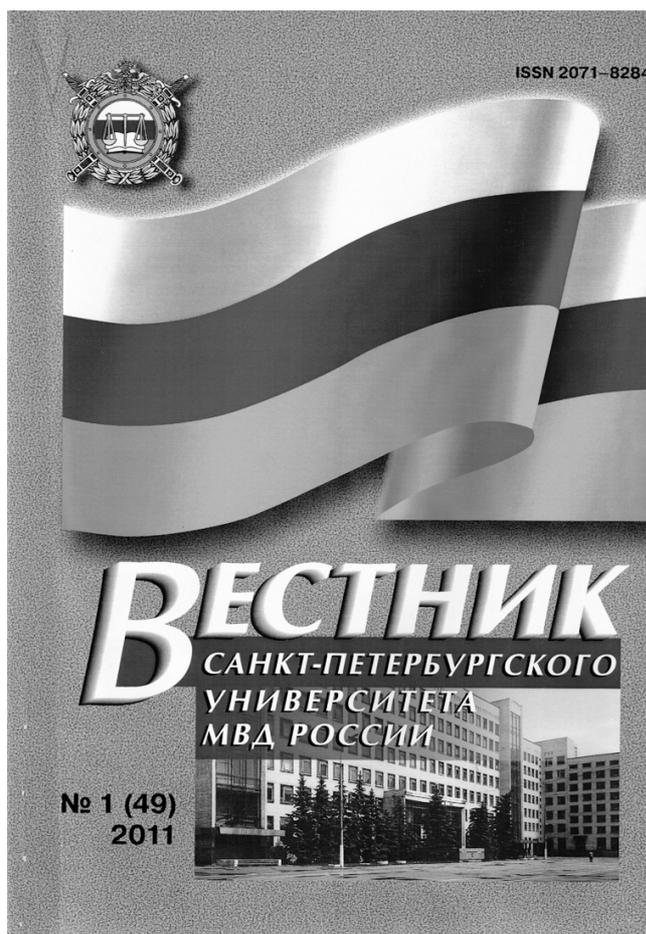
Iakunin Anatoly Ivanovich. Head of the Novgorod region Headquarter of MVD. Major-General.

Work address: Russia, 173001, Veliki Novgorod, Bolshaia Sankt-Peterburgskaia St., house 2/9.

Ключевые слова к статье: объект посягательства; массовые беспорядки; общественная безопасность; общественный порядок.

Key words: object of infringement; riot; public security; public order.

ББК 67.99(2)



Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России

Адрес редакции: 198206,
Санкт-Петербург, ул. Пилютова, д. 1.
Тел.: 730-26-96.

E-mail: vestnik@univermvd.ru

Свидетельство о регистрации
№019232 от 28 сентября 1999 г.
Подписной индекс по каталогу «Рос-
печати» - 36631.

Приглашаем профессорско-преподавательский состав, адъюнктов, аспирантов и практических работников правоохранительных органов принять участие в опубликовании статей и научных трудов.

Журнал входит в перечень, рекомендованный ВАК России для опубликования основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Ю.В. Малахова



ТРЕБОВАНИЯ К ПРИМЕНЕНИЮ СИСТЕМЫ МЕР БЕЗОПАСНОСТИ К НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ УЧАСТНИКАМ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

REQUIREMENTS TO APPLICATION OF SYSTEM OF SECURITY MEASURES OF PARTICIPANTS OF MINORS OF THE CRIMINAL TRIAL

Статья раскрывает отдельные положения об обеспечении функционирования системы мер безопасности участников уголовного процесса, в том числе и несовершеннолетних. Рассматриваются поводы, основание и условие применения мер безопасности в уголовном судопроизводстве.

Article opens separate positions about maintenance of functioning of system of security measures of participants of criminal trial, including minors. Occasions, the basis and a condition of application of security measures are considered at legal proceedings.

В последнее десятилетие правоохранительная система и судебная власть Российского государства столкнулись с проблемой снижения эффективности отправления уголовного судопроизводства. В значительной степени это связано с противоправным воздействием подозреваемых, обвиняемых, их соучастников, близкого окружения, заинтересованных граждан и должностных лиц на участников уголовного процесса с целью побудить их отказаться от сотрудничества с системой уголовного правосудия, дать показания, выгодные преступникам, либо принять заведомо неправомерные решения[5].

Особое беспокойство при производстве предварительного расследования вызывают угрозы посягательства на жизнь, здоровье и имущество самой уязвимой категории — несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства, часто находящихся в беспомощном состоянии. Эти лица в силу своего возраста, физических или психических особенностей в большей степени, чем другие участники процесса, поддаются противоправным воздействиям под давлени-

ем страха, который является одним из эффективных средств осуществления преступной деятельности. Это подтверждается результатами проведенного опроса 300 несовершеннолетних жителей Воронежа и Тамбова в возрасте от 15 до 17 лет на предмет выяснения условий, при которых они согласились бы участвовать в уголовном деле в качестве свидетеля. Так, 65,3% опрошенных высказались за возможность лишь анонимного участия в уголовном деле, то есть без предания огласке их автобиографических данных; 27,3% опрошенных сообщили, что анонимность не обязательна, а 6,3% несовершеннолетних заявили о том, что ни при каких условиях не согласились бы участвовать в уголовном деле.

Для защиты от неправомерных посягательств на несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства считаем необходимым рассмотреть требования к применению системы мер безопасности по обеспечению личной и имущественной защиты несовершеннолетних участников уголовного процесса.

Дефиниция «система» сложна и многогранна. От правильного использования её значений применительно к конкретным явлениям во многом может зависеть эффективность решения поставленных задач. Систему мер безопасности мы рассматриваем как совокупность мер, применяемых к защищаемым лицам при наличии данных, указывающих на существование реальной угрозы жизни, здоровью и (или) имуществу этих лиц в связи с их участием в уголовном судопроизводстве [3].

Перечень мер безопасности содержится в ст.6 Федерального закона «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» и включает в себя:

- личную охрану, охрану жилища и имущества;
- выдачу специальных средств индивидуальной защиты, связи и оповещения об опасности;
- обеспечение конфиденциальных сведений о защищаемом лице;
- переселение на другое место жительства;
- замену документов;
- изменение внешности;
- изменение места работы (службы) или учебы;
- временное помещение в безопасное место.

Вместе с тем указанный перечень мер безопасности не является исчерпывающим, так как законодатель допускает применение «других мер безопасности, предусмотренных законодательством Российской Федерации». Анализируя нормы УПК РФ, мы полагаем, что система мер безопасности в отношении участников уголовного судопроизводства, а в частности несовершеннолетних, включает в себя меры, применяемые в досудебном производстве и в стадии судебного разбирательства, которые связаны с производством отдельных следственных и судебных действий: контроль и запись переговоров; опознание без визуального контакта; закрытое судебное разбирательство; производство допроса без визуального контакта; избрание в отношении подозреваемого (обвиняемого) меры пресечения в соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 97 УПК РФ.

Приведем результаты анкетирования 120 сотрудников правоохранительных органов. На вопрос: «Как Вы считаете, следует ли предусмотреть дополнительные уголовно-процессуальные меры для повышения эффективности деятельности по обеспечению безопасности несовершеннолетних участников на стадии предварительного расследования?» — 22,5% респондентов сообщили, что достаточно существующих мер. Но подавляющее большинство — 71,7% опрошенных — заявили, что дополнительные меры необходимы, но, какие именно, им неизвестно. На наш взгляд, данные результаты в первую очередь связаны с недостаточной информированностью и уровнем знаний в сфере существующих мер

обеспечения безопасности, в том числе и среди сотрудников правоохранительных органов.

Многочисленность и многообразие содержания мер безопасности обуславливают необходимость их классификации. Полагаем, что в зависимости от срока применения при производстве по уголовному делу меры обеспечения безопасности могут быть разделены на две основные группы:

1) неотложные меры безопасности, которые применяются немедленно при получении заявления или иной информации о воздействии на лицо, подлежащее государственной защите. К этой группе могут быть отнесены следующие меры: личная охрана, охрана жилища и имущества; выдача специальных средств индивидуальной защиты, связи и оповещения об опасности; временное помещение в безопасное место;

2) долгосрочные меры, применение которых может продолжаться и по окончании производства по уголовному делу и сопряжено со значительными материальными затратами: переселение на другое место жительства; замена документов; изменение внешности; изменение места работы (службы) или учебы.

Поскольку все меры безопасности образуют единую систему, ее реализация в уголовном судопроизводстве осуществляется с соблюдением ряда общих требований, определяющих порядок применения любой из названных выше мер. К числу таких требований можно отнести: повод, основание и условие применения системы мер безопасности.

Большинство процессуалистов солидарны в том, что под поводом необходимо понимать первичные источники сведений о преступном факте [8]. Законодатель прямо не предусматривает поводов применения мер безопасности, предлагая лишь следующую формулировку: «Меры безопасности применяются на основании письменного заявления защищаемого лица или с его согласия, выраженного в письменной форме, а в отношении несовершеннолетних — на основании письменного заявления его родителей или лиц, их заменяющих, а также уполномоченных представителей органов опеки и попечительства (в случае отсутствия родителей или лиц их заменяющих) или с их согласия, выраженного в письменной форме» [2]. Данная формулировка, по нашему мнению, имеет несколько неточностей.

Во-первых, полагаем, что письменное заявление должно рассматриваться в качестве повода применения мер безопасности (а не в качестве основания, как это указано в рассматриваемом законодательном положении), поскольку из его содержания должностному лицу, ведущему производство по делу, становится известно о наличии угрозы жизни, здоровью и (или) имуществу участника уголовного судопроизводства.

Во-вторых, на момент подачи заявления лицо, в отношении которого существует угроза по-

сткриминального воздействия, еще не имеет статуса защищаемого лица, поскольку, согласно предписанию того же Федерального закона, такой статус приобретает только после принятия в установленном порядке решения об осуществлении государственной защиты (ч. 4 ст. 2). Соответственно, на момент подачи заявления соответствующее решение еще не может быть принято.

В-третьих, вызывает недоумение достаточно громоздкая лексическая конструкция: «в отношении несовершеннолетних — на основании письменного заявления его родителей или лиц, их заменяющих, а также уполномоченных представителей органов опеки и попечительства (в случае отсутствия родителей или лиц, их заменяющих)». Полагаем, что для обозначения всех указанных лиц есть давно используемый термин «законные представители», в качестве которых, согласно п. 12 ст. 5 УПК РФ выступают «родители, усыновители, опекуны или попечители несовершеннолетнего, представители учреждений или организаций, на попечении которых находится несовершеннолетний, органы опеки и попечительства».

В-четвертых, есть основания полагать, что принятие заявления о применении мер безопасности от несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства возможно на основании письменного заявления самого несовершеннолетнего, поскольку фактически осуществить, на первый взгляд, простую процедуру получения письменного заявления от «законных представителей» несовершеннолетнего участника предварительного расследования не всегда представляется возможным. Так, в городе Богучаре Воронежской области в 2009 году было возбуждено уголовное дело по ст. 240 УК РФ «Вовлечение в занятие проституцией», где потерпевшей являлась семнадцатилетняя гражданка Н., а свидетелем по уголовному делу была ее двадцатилетняя сестра К. Их родители, проживая в Ростовской области, не исполняли обязанностей по воспитанию несовершеннолетней, не интересовались местонахождением и жизнью дочерей, однако не были лишены родительских прав. При очевидности существующей угрозы посткриминального воздействия в отношении несовершеннолетней потерпевшей Н. и свидетеля К. возникли сложности с незамедлительным применением в отношении потерпевшей мер безопасности, поскольку фактически получение письменного заявления от законных представителей было невозможно. Следовательно, в производстве которого находилось данное уголовное дело, вынес постановление о применении в отношении потерпевшей Н. и свидетеля К. мер безопасности в виде временного помещения Н. и К. в безопасное место. Письменное заявление от законных представителей несовершеннолетней потерпевшей о приме-

нении мер безопасности было получено спустя несколько дней после принятия решения.

В-пятых, помимо письменного заявления возможны и иные источники информации о наличии угрозы противоправного воздействия на участника процесса, например данные оперативно-розыскной деятельности, получение информации от иных участвующих в производстве по уголовному делу лиц. Таким образом, в качестве повода применения мер безопасности помимо заявления необходимо, на наш взгляд, предусмотреть сообщение о наличии угрозы безопасности, полученное из иных источников. В последнем случае письменное согласие лица, в отношении которого могут быть применены меры безопасности, должно рассматриваться как условие их применения.

В качестве фактического основания применения мер безопасности законодатель рассматривает данные о наличии реальной угрозы противоправного воздействия на лицо в связи с его участием в уголовном судопроизводстве. В этой связи возникает вопрос о том, в каком виде должны существовать эти данные — как доказательства либо допустима иная непроцессуальная форма? В научной литературе высказываются различные точки зрения. Так, Б.Т. Акрамходжаев полагает, что применение мер безопасности может считаться обоснованным только при наличии информации о посткриминальном воздействии в виде доказательств [4], а Л.В. Брусницын допускает «непроцессуальные формы восприятия», полагая, что в ряде случаев она вообще не может быть облечена в форму доказательств, т.к. не относится к предмету доказывания по данному уголовному делу [7]. Мы полагаем, что последняя точка зрения наиболее верна. Решение о применении мер безопасности в уголовном судопроизводстве относится к числу решений, фактические основания принятия которых не требуют достоверного установления, а принимаются при наличии «достаточных данных» или «достаточных оснований». Таким образом, в качестве фактического основания решения о применении мер безопасности следует, на наш взгляд, рассматривать данные, которые могут быть установлены как путем уголовно-процессуального доказывания, так и посредством иных непроцессуальных способов познания. Вышеизложенное подтверждается и правоприменительной практикой. Так, по данным И.А. Бабракова, первые признаки противоправного воздействия на потерпевших и свидетелей в 76,2% случаев были обнаружены при наблюдении за их поведением, в 11,1% — при наблюдении за поведением подозреваемых (обвиняемых), в 5% — благодаря оперативной информации, сообщениям третьих лиц, при обнаружении материальных следов посткриминального воздействия и др.[6].

Юридическим основанием применения мер безопасности является решение уполномоченного органа или должностного лица о их применении.

Мы полагаем, что одной из задач государственной защиты участников уголовного судопроизводства является установление обстоятельств, входящих в предмет доказывания по уголовному делу, в том числе установление виновности и назначения справедливого наказания. Однако применение защитных мер не должно нарушать принципиальных положений уголовно-процессуального законодательства, в частности ограничивать возможность реализации подозреваемым (обвиняемым) права на защиту [3].

В качестве условий реализации системы мер безопасности, обеспечивающих эффективность предоставляемой государственной защиты, мы рассматриваем: согласие лица, в отношении которого применяются меры безопасности на сотрудничество с правоохранительными органами, а также согласие его законных представителей; соблюдение прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

Необходимым условием применения мер безопасности является согласие защищаемого лица и его законных представителей на сотрудничество с правоохранительными органами. Как уже ранее было отмечено, мы полагаем, что в исключительных случаях согласие законного представителя несовершеннолетнего не обязательно. Четко выраженное волеизъявление участника уголовного процесса в данном случае обуславливает эффективность предоставляемой государственной защиты. Согласие на сотрудничество предполагает, что защищаемое лицо не только выражает намерение прибегнуть к государственной защите, но и обязуется при ее осуществлении вести себя надлежащим образом. Поскольку законодатель возложил на защищаемое лицо следующие обязанности: 1) выполнять условия применения в отношении их мер безопасности и законные требования органов, обеспечивающих государственную защиту; 2) немедленно информировать органы, обеспечивающие государственную защиту, о каждом случае угрозы или противоправных действий в отношении их; 3) соблюдать требования законодательства при обращении с имуществом, выданным им органами, осуществляющими меры безопасности, в пользование для обеспечения их безопасности; 4) не разглашать сведения о применяемых в отношении их мерах государственной защиты без разрешения органа, обеспечивающего государственную защиту [2]. Кроме указанных обязанностей, полагаем, что на защищаемое лицо следует возложить также обязанность сообщать полные и правдивые сведения личного характера, которые могут существенно повлиять на выбор форм и способов государственной защиты и

обеспечить ее наибольшую эффективность: о семейном и имущественном положении; о наличии судимостей; о наличии возбужденного в отношении его уголовного или административного производства и т.д.

Соблюдение прав и законных интересов участников уголовного процесса — это еще одно условие применения мер безопасности. Приведем результаты анкетирования 300 несовершеннолетних, 72,7% которых никогда не принимали участия в следственных действиях. А из 82 несовершеннолетних, участвовавших в следственных действиях, 30 опрошенных полагают, что их права и интересы в процессе судопроизводства были нарушены. Предоставление несовершеннолетним участникам судопроизводства возможности воспользоваться государственной защитой от посткриминального воздействия, на наш взгляд, должно существенно улучшить состояние личной безопасности не только самих несовершеннолетних, но и их родственников, повысить авторитет правоохранительных органов — соответственно, повысить эффективность всей правоохранительной деятельности.

Закрепление в процессуальном законе системы мер безопасности личности, по нашему мнению, следует рассматривать как: 1) гарантию обеспечения законных интересов личности в уголовном судопроизводстве, а также обеспечения безопасности ее близких; 2) средство достижения цели и задач уголовного судопроизводства; 3) новую эффективную форму противодействия наиболее опасным видам преступности (организованной, профессиональной); 4) стремление государства привести национальное законодательство в соответствие с рядом международных документов.

Однако сами сотрудники правоохранительных органов, не считая действующую систему обеспечения безопасности несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства безупречной. Это подтверждается проведенным нами анкетированием 120 офицеров, среди которых: следователи, дознаватели, оперативные сотрудники и сотрудники подразделений ПДН. Так, 51,7% опрошенных считают, что в настоящий момент уполномоченные органы и службы в случае необходимости обеспечивают соблюдение гарантий безопасности прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних участников предварительного расследования, но не в полном объеме. Кроме того, 16,7% сотрудников правоохранительных органов считают, что несовершеннолетние потерпевшие, свидетели и их близкие беззащитны в случаях противоправного воздействия на них. И только 25,8% сотрудников правоохранительных органов считают, что безопасность несовершеннолетних лиц, содействующих уголовному судопроизводству, обеспечивается в полном объеме.

В уголовном процессе обеспечение мер защиты, в том числе и в отношении несовершеннолетних, непосредственно связано с нормальной деятельностью правоохранительных и судебных органов, всей системы правосудия Российской Федерации. Институт обеспечения системы мер безопасности участников уголовного процесса может рассматриваться в качестве одной из гарантий реализации конституционного права, так как участие лица при уголовном судопроизводстве не должно представлять угрозы для его безопасности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. — Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2010. — 311 с.
2. О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: Федер. закон от 20.08.2004 № 119-ФЗ; принят Гос. Думой 31.07.2004 г.; одобрен Советом Федерации 08.08.2004 г.

3. Авдеев М.А. Правовые и организационные основы обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства. — Воронеж.: «Истоки», 2007. — 142 с.

4. Акрамходжаев Б.Т. Правовые гарантии обеспечения личной безопасности потерпевшего и свидетеля. — М., 1992. — 117 с.

5. Бабкина Е.В. Обеспечение безопасности свидетелей при производстве предварительного расследования по УПК РФ: дис. ... канд. юрид. наук. — Владимир, 2009. — 219 с.

6. Бабраков И.А. Воздействие на свидетелей и потерпевших и криминалистические методы его преодоления: дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1997. — 234 с.

7. Брусницын Л.В. Теоретико-правовые основы и мировой опыт обеспечения безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию, в условиях вооруженных сил Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2002. — 572 с.

8. Григорьев В.Н.; Победкин А.В., Яшин В.Н. Уголовный процесс: учебник. — М.: Эксмо, 2005. — 827 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ СТАТЬИ:

Малахова Юлия Васильевна. Аджункт кафедры уголовного процесса.
Воронежский институт МВД России.
E-mail: vorhmscl@comch.ru
Россия, 394065, г. Воронеж, проспект Патриотов, 53. Тел. (473) 247-67-07.

Malakhova Yuliya Vasilievna. Post-graduate cadet of the Criminal Proceeding chair.
Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53, Tel. (473) 247-67-07.

Ключевые слова к статье: уголовный процесс; меры обеспечения защиты; личная безопасность.

Key words: the criminal process; the measures of the providing defends; the personal security.

ББК 67.410.2

А.В. Ратников,
заместитель прокурора Новохоперского
района Воронежской области



ОБ ОБЪЕКТЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПОСЯГАЮЩИХ НА ЖИЗНЬ И ЗДОРОВЬЕ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

ABOUT TARGET OF A CRIME TRESPASS TO THE LIFE AND HEALTH OFFICIALS LAW-ENFORCEMENT AUTHORITIES

Статья посвящена проблеме определения объекта преступлений, посягающих на жизнь и здоровье сотрудников правоохранительных органов. В работе анализируется современный аспект данной проблемы.

This article is dedicated to problem of the target of the crime trespass to the life and health officials law-enforcement authorities. Modern aspect of this problem is analysed.

Важнейшими задачами, стоящими перед государственной властью в России, являются обеспечение законности, борьба с преступностью и правонарушениями. Правоохранительные органы, выполняющие функции по охране законности и правопорядка, защите прав и свобод человека, профилактике преступлений и правонарушений, наделяются государством полномочиями, позволяющими им требовать от граждан подчинения их законным распоряжениям.

Эффективность правоохранительной деятельности по защите интересов личности, собственности, общественного порядка, общественной безопасности и других социальных благ во многом зависит от того, насколько надежно защищены сотрудники, ведущие борьбу с преступностью, а также их близкие от посягательств, создающих угрозу их жизни и здоровью, чести и достоинству, имущественным интересам,

Поскольку в сложившейся криминальной ситуации противодействие законной деятельности правоохранительных органов со стороны преступного мира приобретает массовый, организованный характер, возникает необходимость в повышении уровня охраны жизни и здоровья сотрудников и лиц, оказывающих помощь в охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности.

О росте анализируемых нами преступлений свидетельствует статистика. Если в 2006 году в России было зарегистрировано 398 преступлений, посягающих на жизнь сотрудников правоохранительных органов, предусмотренных статьей 317 УК РФ, то в 2009 году — 614. Сохранилось высоким (при некотором сокращении) число преступлений, посягающих на их здоровье, ответственность за которые установлена статьей 318 УК РФ. В 2006 году их было зарегистрировано 10915, а в 2009 году — 8629.

Следует иметь в виду, что статистические данные не в полной мере отражают реальную криминальную ситуацию, поскольку не все посягательства на личность сотрудников правоохранительных органов регистрируются, часть деяний, особенно посягающих на здоровье, латентна.

Несмотря на распространенность преступлений, посягающих на служебную деятельность и личность сотрудников правоохранительных органов, некоторые проблемы в теории уголовного права и правоприменительной практике по выработке эффективного механизма защиты общественных отношений при осуществлении правоохранительной деятельности нуждаются в дополнительном исследовании.

Обеспечение общественной безопасности и общественного порядка, подчинение всех граждан

законным требованиям сотрудников правоохранительных органов требует четкой регламентации признаков составов преступлений, посягающих на их служебную деятельность.

Обязательным признаком любого состава преступления выступает объект преступления. По мнению Н.И. Загородникова, преступное деяние всегда посягает на тот или иной объект, и его значение состоит в том, что он позволяет определить, какое имело место преступление — дезертирство или хищение собственности, мошенничество или какое-нибудь иное преступление. Такое значение объекта преступления объясняется, прежде всего, тем, что «действия людей сами по себе, в какой бы форме они выражены ни были, приобретают общественно опасный характер только в том случае, если эти действия угрожают реальному благу, пользующемуся охраной закона» [1].

В уголовном праве понятие объекта остается дискуссионным на протяжении длительного периода времени. Отсутствие законодательного определения объекта преступления восполняется толкованием закона. В российской уголовно-правовой науке существует несколько подходов к определению объекта преступления, которые формировались научной мыслью на протяжении нескольких веков.

Так, в конце девятнадцатого века представители классической и социологической школ уголовного права под объектом преступления понимали защищенный правом жизненный интерес. Н.С. Таганцев определял преступление как «деяние, посягающее на такой охраняемый нормою интерес жизни, который в данной стране, в данное время признается столь существенным, что государство в виду недостаточности других мер угрожает посягавшему на него наказанием» [2].

Другой известный ученый в области уголовного права, В.Д. Спасович, поддерживал нормативную теорию объекта преступления. В соответствии с ней объектом преступления признавалась нарушаемая преступником уголовно-правовая норма. С таким утверждением нельзя согласиться, поскольку объект преступления всегда терпит ущерб или имеется реальная угроза причинения такого вреда, а уголовно-правовая норма содержит в себе запрет, который нарушает виновный и норма не может терпеть ущерба от совершенного преступления.

В советский период развития уголовного права, вплоть до конца XX века, общепризнанной была позиция, согласно которой объектом преступления считались общественные отношения [3, 4]. В настоящее время такую точку зрения поддерживает большинство российских ученых.

Однако предпринимаются попытки отойти от традиционного понимания объекта преступления. Ряд российских ученых предлагают вернуться к теории объекта, созданной социологической школой уголовного права в конце XIX века, в которой объ-

ект преступления определялся, как защищенный правом жизненный интерес, правовые блага [5].

По мнению Н.Ф. Кузнецовой и И.М. Тяжковой, «объект преступления — это охраняемые уголовным законом социально значимые ценности, интересы, блага, на которые посягает лицо, совершившее преступление, и которым в результате совершения преступного деяния причиняется или может быть причинен вред» [6].

Существует несколько классификаций объектов преступлений. Так, большинство ученых выделяют виды объектов преступных посягательств по вертикали в соответствии с системой УК РФ 1996 года: общий, родовой, видовой и непосредственный.

Другой точки зрения придерживается Г.П. Новоселов, который утверждает, что «подобно тому, как само преступление всегда предстает явлением конкретным и не может быть родовым или общим, его объект также всегда конкретен и не существует в виде «родового» или «общего» объекта посягательства, а, следовательно, в реальной действительности в посягательстве нет никакого иного объекта, кроме именуемого сторонниками классификации объектов преступления по вертикали непосредственным» [8].

Полагаем, поскольку Уголовный кодекс РФ 1996 года подразделяется на разделы, которые включают в себя несколько глав, то объект преступления следует делить на четыре вида: общий, родовой, видовой и непосредственный.

Общий объект закреплен в статье 2 УК РФ 1996 года как совокупность прав и свобод человека и гражданина, собственность, общественный порядок и общественная безопасность, окружающая среда, конституционный строй РФ, мир и безопасность человечества. Исходя из этого, общим объектом исследуемого состава верно было бы понимать общественные отношения, защищающие конституционный строй государства.

Родовой объект является частью общего объекта, он включает в себя группу однородных общественных интересов. Преступления против порядка управления содержатся в разделе X УК РФ «Преступления против государственной власти», тем самым подчеркивается их особая опасность для человека, общества, государства.

Анализируя преступления раздела X УК РФ 1996 года, А.И. Рарог выделяет в качестве родового объекта общественные отношения, обеспечивающие незыблемость основ конституционного строя и безопасности государства, нормальное функционирование государственных органов, относящихся к различным ветвям государственной власти, а также интересы государственной службы и службы в органах местного самоуправления, то есть совокупность (систему) общественных отношений, обеспечивающих законное, нормальное функционирование государственной власти в Российской Федерации [9].

Видовым объектом преступлений против порядка управления является, как отмечают большинство ученых, законная управленческая деятельность органов государственной власти и местного самоуправления [10, 11].

По содержанию непосредственный объект конкретнее видового. Исходя из связи непосредственного объекта с видовым, можно выделить в качестве непосредственного объекта преступлений, предусмотренных статьями 317, 318 УК РФ, нормальную управленческую деятельность правоохранительных органов. Однако данные преступления посягают на два непосредственных объекта: нарушается законная деятельность правоохранительного органа и причиняется вред жизни или здоровью сотрудника этого органа или его близких.

С появлением состава посягательства на жизнь работника милиции или народного дружинника, предусмотренного ст. 191 (2) УК РСФСР 1960 г. в юридической литературе велись дискуссии по поводу отнесения данного особо тяжкого преступления, посягающего на самый важный объект — человеческую жизнь, к преступлениям против порядка управления. Некоторые ученые считали, что признание посягательства на жизнь работника милиции или народного дружинника в связи с их деятельностью по охране общественного порядка преступлением против личности затушевывало направленность указанного деяния против порядка управления, его действительную правовую природу [12].

Если мы рассмотрим строение Особенной части УК РФ по главам в зависимости от видового объекта преступления, то составы главы 30 УК РФ имеют такой же объект, как и главы 32. Так в главе 30 УК РФ видовым объектом является нормальная деятельность органов власти органов местного самоуправления. Поэтому возникает вопрос о разграничении видовых объектов преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления и преступлений против порядка управления.

Однако при осуществлении государственной управленческой деятельности в той или иной сфере складываются несколько видов отношений, во-первых, это общественные отношения между государственными органами и должностными лицами, во-вторых, отношения между должностными лицами и гражданами.

Когда совершаются преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления, в качестве объекта преступления выступают общественные отношения, складывающиеся в государственных органах власти и управления между должностными лицами и органами.

Объектом преступлений, предусмотренных в главе 32 УК РФ, выступают общественные отношения между субъектами управленческой деятельности: представителями органов власти, вы-

полняющих административные, распорядительные полномочия, и гражданами, которые должны подчиняться их правомерным требованиям.

Мы разделяем мнение о том, что объект преступления образуют общественные отношения. С.А. Борисихина определила непосредственный объект посягательства на жизнь работника правоохранительного органа как общественные отношения, обеспечивающие безопасность жизни сотрудников правоохранительных органов, военнослужащих и их близких. Объектом может быть признано лишь «то, на что посягает лицо, совершившее преступное деяние, и чему может быть причинен вред в результате преступления», а также то, что охраняемо уголовным законом. Блага, интересы людей, государственные интересы только опосредуются в общественных отношениях. Люди — субъекты этих отношений, и в широком смысле любое преступление затрагивает (нарушает) те или иные интересы конкретных людей, причиняет им существенный вред или создает опасность причинения такого вреда»[7].

Однако данный состав преступления имеет не один, а два объекта: основной и дополнительный.

В качестве непосредственного объекта преступлений данной главы может выступать нормальная деятельность правоохранительных органов и дополнительным объектом — жизнь, здоровье, честь и достоинство сотрудника правоохранительного органа, осуществляющего охрану общественного порядка или обеспечивающего общественную безопасность, либо его близких.

В юридической литературе имеется несколько подходов к определению основного и дополнительного объекта в составах преступлений, предусмотренных статьями 317, 318 УК РФ.

Конституция РФ определяет в качестве приоритетной задачи обеспечение прав и законных интересов личности. Уголовный закон, развивая основные идеи Конституции, декларирует первоочередной задачей охрану прав и свобод человека и гражданина. Это изменение приоритетов прослеживается и в структуре особенной части УК РФ: особенная часть начинается с главы, предусматривающей уголовную ответственность за преступления против жизни и здоровья человека. С этой точки зрения, жизнь сотрудника правоохранительного органа не может выступать дополнительным объектом, поскольку является более важным благом, чем деятельность лица. На первое место охраны законодатель поставил законную деятельность потерпевших, при этом не учел в полном объеме социальную значимость жизни человека как более важного объекта охраны [13].

Традиционным представляется мнение Т.Ю. Марковой, которая в качестве основного непосредственного объекта в данных составах рассматривает не наиболее ценное (с точки зрения общественных интересов) социальное благо, а лишь то, которое в большей степени определяет антисоциальную

направленность преступного деяния, т.е. законную деятельность правоохранительного органа [14].

Поэтому при посягательстве на жизнь и здоровье сотрудника правоохранительного органа, как двухобъектном преступлении, в качестве основного объекта рассматривают законную деятельность правоохранительного органа, а как дополнительный объект в преступлении, предусмотренном ст. 317 УК РФ, — жизнь сотрудника, военнослужащего или их близких, а по ст. 318 УК РФ — их здоровье.

Полагаем, что жизнь и здоровье сотрудника правоохранительного органа все же следует считать основным объектом, поскольку порядок управления, направленный на защиту прав и интересов личности, следует считать производным от защиты интересов личности. В связи с этим исследуемые преступления надо рассматривать как квалифицированный вид преступлений против жизни и здоровья. Думается, что логически более верным будет перенесение данных составов (ст. ст. 317 и 318 УК РФ) в главу 16 «Преступления против жизни и здоровья»

ЛИТЕРАТУРА

1. Загородников Н.И. Значение объекта преступления по советскому уголовному праву // Труды Военно-юридической академии. — М., 1948. — С. 8.
2. Таганцев Н. С. Русское уголовное право: лекции. Часть Общая: в 2 т. — Т. 1. — М., 1994. — С. 40.
3. Пионтковский А. А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. — М., 1961.
4. Никифоров Б. С. Объект преступления по советскому уголовному праву. — М., 1960.
5. Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. — М., 1999. — С. 159.
6. Курс уголовного права. Общая часть. Учение о преступлении / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. — М., 1999. — Т. 1. — С. 201.
7. Борисихина С.А. Уголовно-правовые и криминологические аспекты борьбы с посягательством на жизнь сотрудника правоохранительного органа: дис. ... канд. юрид. наук. — Волгоград, 2004. — С.78.
8. Новосёлов Г.П. Учение об объекте преступления (Методологические аспекты). — М., 2001. — С. 24.
9. Российское уголовное право. Особенная часть: учебник: в 2 т. / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, В.С. Комиссарова, А.И. Рарога. — М., 2008. — Т. 2 — С. 469.
10. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник / под ред. Б.Г. Разгельдиева и А.Н. Красикова. — Саратов, 1999. — С. 586.
11. Уголовное право. Особенная часть: учебник / под ред. А.И. Рарога. — М., 1996. — С. 418.
12. Трофимов Н.И. Квалификация отдельных видов тяжких преступлений: учебное пособие. — Иркутск, 1974. — С 124.
13. Таможник Е.Л. Объект посягательства на жизнь сотрудника правоохранительного органа // Юридический мир. — 2006. — № 2.
14. Маркова Т.Ю. Убийство в связи с осуществлением лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2003.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ СТАТЬИ:

Ратников Александр Вячеславович. Заместитель прокурора Новохоперского района Воронежской области.

Россия, 397400, Воронежская область, г. Новохоперск, ул. Советская, д. 16. Тел. (473253) 3-17-64.

Ratnikov Alexander Vyacheslavovich. Deputy public prosecutor of the Novohopersk district of the Voronezh region.

Work address: Russia, 397400, Voronezh region, Novohopersk, Sovietskaya Street, 16. Tel. (473253) 3-17-64.

Ключевые слова к статье: объект преступления; состав преступления; посягательство на жизнь и здоровье; сотрудник правоохранительного органа; общественные отношения; виды объектов преступления.

Key words: target of a crime; body of a crime; trespass to the life; trespass to the health; officials law-enforcement authorities; public relations; forms targets of a crime.

ББК 67.99 (2)



С.В. Эсаулов,
Московский университет МВД России

О МЕЖОТРАСЛЕВОМ ХАРАКТЕРЕ ПРИНЦИПА ПРЕЗУМПЦИИ НЕВИНОВНОСТИ В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ

ABOUT MULTISECTORAL NATURE OF PRESUMPTION OF INNOCENCE IN RUSSIAN LAW

В данной работе проанализированы формулировки презумпции невиновности, закрепленные в отечественных нормативно-правовых актах. По итогам анализа автор приходит к выводу о том, что формулировка принципа презумпции невиновности, содержащаяся в Конституции Российской Федерации, имеет общеправовой характер и устанавливает желаемую тенденцию развития российского права, хотя следует различать «презумпции невиновности», регламентированные в разных отраслевых законах Российской Федерации.

In this article formulations of a presumption of the innocence, fixed in domestic regulatory legal acts have been analysed. Following the results of the analysis, the author comes to a conclusion about that that, the formulation of a principle of a presumption of the innocence, fixed in the Constitution of the Russian Federation, has general character and establishes a desirable tendency of development of the Russian law though it is necessary to distinguish «innocence presumptions», regulated in different laws of the Russian Federation.

Презумпция невиновности является объективным правовым положением, которое признано на международном уровне и отражает отношение государства к лицу, в правопорядочности которого есть основания сомневаться у уполномоченных органов и должностных лиц.

Эта норма закреплена как в международно-правовых актах, которые ратифицированы Российской Федерацией, так и в отечественных законах.

Так, положение о презумпции невиновности имеется в Основном законе Российской Федерации, а именно в ст. 49 Конституции Российской Федерации [1], которая почти полностью воспроизведена в ст. 14 УПК РФ [2]. На презумпцию невиновности также указывает Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [3] и Налоговый кодекс Российской Федерации [4].

Согласно ст. 49 Конституции Российской Федерации под презумпцией невиновности понимается положение, согласно которому

каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда; обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность и неустранимые сомнения в виновности лица толкуются в пользу обвиняемого.

При анализе ст. 49 Конституции Российской Федерации можно сделать вывод, что ее действие направлено на «каждого *обвиняемого* (выделено мной. — С. Э.) в совершении преступления». Понятие «обвиняемого» регламентировано ст. 47 УПК РФ, согласно которой обвиняемым считается лицо, в отношении которого вынесено постановление о привлечении его в качестве обвиняемого или вынесен обвинительный акт. Таким образом, если исходить из буквального толкования ст. 49 Конституции Российской Федерации, действие презумпции невиновности не распро-

страняется на других лиц, заподозренных в совершении противоправного действия. Однако, ввиду общеправового статуса Конституции Российской Федерации, подобное понимание данного конституционного положения представляется неоправданно ограниченным. Считаю, что законодатель, используя в ст. 49 Конституции Российской Федерации термин «обвиняемый», имел в виду некое собирательное понятие — лицо, в правопорядочности которого есть основания сомневаться у уполномоченных на то органов и должностных лиц.

В формулировке презумпции невиновности, закрепленной в ст. 49 Конституции Российской Федерации, сказано, что действие этой нормы распространяется на «каждого обвиняемого в совершении преступления» (выделено мной. — С.Э.). Под понятием «преступление» подразумевается уголовно-наказуемое деяние, что опять же подчеркивает значение нормы именно для уголовного судопроизводства.

Считаю, что на момент закрепления положения о презумпции невиновности в Конституции Российской Федерации оно было прежде всего, ориентировано на применение в сфере уголовно-процессуальных правоотношений. Однако в настоящее время презумпция невиновности урегулирована и другими нормативно-правовыми актами, а именно Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях и Налоговым кодексом Российской Федерации. Отсюда следует вывод о том, что действие положения о презумпции невиновности в настоящее время вышло за рамки уголовного процесса и принцип презумпции невиновности стал межотраслевым. Тем не менее, анализ указанных нормативных актов показывает отсутствие единого подхода законодателя к регулированию презумпции невиновности в отдельных отраслях права. Это касается и круга лиц, подпадающих под действие презумпции невиновности, и процедуры, в соответствии с которой констатируется виновность лица.

Так, ст. 14 УПК РФ, посвященная презумпции невиновности, гласит: «Обвиняемый считается невиновным, пока его виновность в совершенном преступлении не будет доказана в предусмотренном настоящим Кодексом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда (ч.1); подозреваемый или обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность. Бремя доказывания обвинения и опровержения доводов, приводимых в защиту подозреваемого или обвиняемого, лежит на стороне обвинения (ч.2); все сомнения в виновности обвиняемого, которые не могут быть устранены в порядке, предусмотренном настоящим Кодексом, толкуются в пользу обвиняемого (ч.3); обвинительный

приговор не может быть основан на предположениях (ч.4)».

Согласно ч.1 вышеназванной статьи данная норма сформулирована лишь в отношении обвиняемого, при этом ч. 2 распространена также и на подозреваемого. Считаю необоснованным ограничивать действие презумпции невиновности в уголовном процессе лишь обвиняемым, поскольку презумпция невиновности при возникновении уголовно-процессуальных правоотношений призвана помочь и иным лицам, прежде всего — подозреваемому, в противостоянии уличающим их органам и должностным лицам.

В соответствии со ст. 1.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: «Лицо подлежит административной ответственности только за те административные правонарушения, в отношении которых установлена его вина (ч.1); лицо, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, считается невиновным, пока его вина не будет доказана в порядке, предусмотренном настоящим Кодексом, и установлена вступившим в законную силу постановлением судьи, органа, должностного лица, рассмотревших дело (ч.2); лицо, привлекаемое к административной ответственности, не обязано доказывать свою невиновность, за исключением случаев, предусмотренных примечанием к настоящей статье (ч.3); неустранимые сомнения в виновности лица, привлекаемого к административной ответственности, толкуются в пользу этого лица (ч.4)».

Очевидно, что единообразного подхода в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях к определению понятия лица, в отношении которого действует данная норма, нет. Часть 1 распространяет норму на неопределенный круг лиц, употребляя термин «лицо»; часть 2 — на «лицо, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении», а часть 3 и 4 — уже на «лицо, привлекаемое к административной ответственности».

Основанный на Конституции Российской Федерации Налоговый кодекс Российской Федерации гласит (ч.1 и ч.6 ст.108): «Никто не может быть привлечен к ответственности за совершение налогового правонарушения иначе, как по основаниям и в порядке, которые предусмотрены настоящим Кодексом». «Лицо считается невиновным в совершении налогового правонарушения, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке. Лицо, привлекаемое к ответственности, не обязано доказывать свою невиновность в совершении налогового правонарушения. Обязанность по доказыванию обстоятельств, свидетельств-

вующих о факте налогового правонарушения и виновности лица в его совершении, возлагается на налоговые органы. Неустрашимые сомнения в виновности лица, привлекаемого к ответственности, толкуются в пользу этого лица».

Иными словами, одна норма Налогового кодекса Российской Федерации (ч.1 ст.108) распространяется в отношении неопределенного круга лиц, однако другая норма (ч.6 ст.108) сужает это понятие до «лица, привлекаемого к ответственности».

Считаю, что нормативно-правовое регулирование столь важного положения должно иметь более определенный и единообразный вид.

Возникает вопрос: какой орган или должностное лицо уполномочено признавать виновность лица (то есть опровергать презумпцию, предположение о его невиновности)?

Формулировка положения о презумпции невиновности, закрепленная в Конституции Российской Федерации и УПК РФ, свидетельствует, что виновность лица определяется судом. Считаю, что подобный подход абсолютно обоснован, ввиду того, что именно в уголовном судопроизводстве права и законные интересы личности ограничиваются наиболее существенным образом.

Иначе решен вопрос о субъекте, констатирующем виновность лица, в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях. В отличие от Конституции Российской Федерации и УПК РФ вину устанавливает не только судья, но и орган, должностное лицо, рассмотревшие дело (ч.2 ст. 1.5 КоАП РФ). Полагаю, это связано с меньшим по отношению к уголовному судопроизводству «уровнем» ограничения прав граждан в сфере административно-правовых отношений.

Вместе с тем во всех проанализированных нормативно-правовых актах используется единообразный подход к определению сущности презумпции невиновности, поскольку в них закреплено, что «лицо считается невиновным». Таким образом, речь идет об объективном правовом положении человека, которого невиновным считает закон. Подобная формулировка исключает различные манипуляции как со стороны защиты (к примеру, подозреваемый не может отказаться от использования своих прав, вытекающих из принципа презумпции невиновности под внешним воздействием), так и со стороны обвинения (государственный орган или должностное лицо, уполномоченные на производство по уголовным, административным и налоговым делам не могут, в частности, возложить на лицо обязанность доказывания своей невиновности).

Проанализировав вышеназванные отечественные нормативно-правовые акты, где так или иначе регламентировано положение о презумпции невиновности, можно сделать вывод о том,

что в формулировках презумпции невиновности, содержащихся в этих документах, много общего — все они провозглашают данный принцип; во всех закреплена единообразная сущность презумпции невиновности, а также способ установления вины (доказывание). Однако есть и различия в регулировании презумпции невиновности в различных нормативных актах: неодинаков круг лиц, в отношении которых распространяют свое действие эти положения, и органы, устанавливающие вину в совершении того или иного правонарушения.

Поскольку положение о презумпции невиновности закреплено в Конституции Российской Федерации, возникает вопрос о ее распространении на все отрасли права.

Ряд ученых (К.С. Юдельсон, О.С. Иоффе, В.П. Воложанин и др.) [5,6,7] полагают возможным утверждать о презумпции невиновности ответчика в гражданском процессе. С этой позицией сложно согласиться, потому что в гражданском праве существует категория дел, где возможна ответственность без наличия вины. В качестве примера можно рассмотреть ситуацию, когда наступает ответственность без вины владельца источника повышенной опасности [8]; презумпция виновности неисполнения обязательств закреплена, к примеру, ст. 401 Гражданского кодекса Российской Федерации [9], устанавливающей, что отсутствие вины в неисполнении обязательства (то есть принятие всех мер для исполнения обязательства с той степенью заботливости и осмотрительности, которая требуется от лица по характеру обязательства и условиям оборота) доказывается лицом, нарушившим обязательство (то есть, лицо не исполнившее обязательство или исполнившее его ненадлежащим образом, считается виновным и должно нести ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение, если только не докажет, что его вина в неисполнении (ненадлежащем исполнении) отсутствовала вследствие непреодолимой силы, то есть чрезвычайных и непредотвратимых при данных условиях обстоятельств).

По моему мнению, в настоящее время российское право подошло к периоду развития, когда действие презумпции невиновности в том виде, в котором она закреплена в Конституции Российской Федерации, вышло за рамки уголовного процесса. Положения о презумпции невиновности в несколько измененном виде по сравнению с регламентацией в уголовно-процессуальном праве получили продолжение в нормах административного и налогового права. Возможно, в дальнейшем данное положение найдет свое отражение и в других отраслях права.

В связи с этим считаю, что формулировка принципа презумпции невиновности, закреплена-

ная в Конституции Российской Федерации, имеет общеправовой характер и устанавливает желаемую тенденцию развития российского права, хотя следует различать «презумпции невиновности», регламентированные в разных законах Российской Федерации. Поэтому формулировка презумпции невиновности, предусмотренная в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, не тождественна формулировкам презумпции невиновности, указанным в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях и Налоговом кодексе Российской Федерации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция РФ // Рос. газ. — 1993 — 25 дек.
2. Уголовно-процессуальный Кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. — № 52 (ч. I). — Ст. 4921.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Рос. газ. — 2001. — 31 дек.
4. Часть первая Налогового кодекса Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ // СЗ РФ. — 2000. — № 32. — Ст. 3340.
5. Юдельсон К.С. Проблема доказывания в советском гражданском процессе. — С. 249.
6. Иоффе О.С. Ответственность по советскому гражданскому праву. — Л., 1955. — С. 138.
7. Воложанин В.П. К вопросу о юридических предположениях в советском гражданском праве и процессе. — С. 195.
8. Сериков Ю.А. Презумпции в гражданском судопроизводстве / науч. ред. В.В. Ярков. — М.: Волтерс Клувер, 2006. — С.55.
9. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Рос. газ. — 1994. — 8 дек.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ СТАТЬИ:

Эсаулов Сергей Васильевич. Адъюнкт.
Московский университет МВД Российской Федерации.
E-mail: sergesaulov@rambler.ru
Россия, 117437, Москва, Академика Волгина, 12. Тел. (915) 884-99-64.

Esaulov Sergey Vasilyevich. Post-graduate cadet.
Moscow university of the Ministry of the Interior of Russia.
Work address: Russia, 117437, Moscow, Akademik Volgin str., 12. Tel. (915) 884-99-64.

Ключевые слова к статье: презумпция невиновности; уголовный процесс; обвиняемый; подозреваемый; доказывание; вина.

Key words: presumption of innocence; criminal procedure; accused; suspect; proof; guilt.

УДК 343.131.7

ПСИХОЛОГИЯ, ПЕДАГОГИКА, ФИЛОСОФИЯ, ИСТОРИЯ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ



Р.Е. Санин,
*Пермский военный институт
внутренних войск МВД России*



С.А. Днепров,
*доктор педагогических наук,
Пермский военный институт
внутренних войск МВД России*

ОСОЗНАННОЕ ОТНОШЕНИЕ К ОПАСНОСТИ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ПРОФЕССИОНАЛИЗМА БУДУЩЕГО ОФИЦЕРА ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

THE REALISED RELATION TO DANGER AS AN INDICATOR OF PROFESSIONALISM OF THE FUTURE OFFICER OF INTERNAL TROOPS

Рассматриваются педагогические возможности преодоления противоречий между усилением интенсивности негативных воздействий на военнослужащих различных факторов опасности и недостаточным уровнем сформированности осознанного отношения к ней у военных специалистов внутренних войск МВД России.

Pedagogical possibilities of overcoming of contradictions between strengthening of intensity of negative influences on military men of various factors of danger and insufficient level the generated the realised relation to it at military experts of internal troops of the Ministry of Interior of Russia are considered.

Модернизация российской системы образования должна затронуть и высшие учебные заведения внутренних войск МВД России, основными организационными формами обучения в которых являются практические занятия в виде семинаров, практикумов и тренингов. Значительный удельный вес практического обучения обусловлен важнейшей целью профессионального образования будущих офицеров внутренних войск (далее ВВ) — формированием компетентностей воинской деятельности, что предполагает приоритетное развитие знаний, умений и навы-

ков безопасности, а также готовности применить их в деятельности.

В силу своей специфики военная служба всегда была, есть и будет опасной для жизни, здоровья и репутации военнослужащих ВВ. С учетом возрастающего уровня угроз и необходимости дальнейшего усиления практической направленности обучения следует признать недостаточными результативность и эффективность существующих дидактических методов, средств и организационных форм подготовки курсантов. Требуется уделять значительно больше внимания

формированию их осознанного отношения к опасности предстоящей деятельности.

В Пермском и Новосибирском военных институтах практическая направленность занятий реализуется на основе метода моделирования экстремальных ситуаций, возникающих на военной службе и формирующих осознанное отношение к опасности. Эффективность такой подготовки будущих офицеров ВВ объективно отражают результаты проведенного в сентябре 2010 года комплексного исследования, в процессе которого анкетировано и тестировано более 250 курсантов различных курсов и факультетов этих вузов. Для выявления состояния готовности будущих офицеров ВВ к выполнению служебно-боевых задач (далее — СБЗ) в экстремальных условиях, их отношения к опасности и риску использовалась анкета-тест «Осознаете ли Вы опасность будущей профессиональной деятельности?», разработанная доктором педагогических наук, профессором С. А. Днепровым и адъюнктом Р. Е. Саниным.

При составлении анкеты-теста исходили из того, что ключевую роль в образовании играют процессы понимания и осознания. Именно они гарантируют переход от неосознанных ощущений и образного восприятия к абстрактному мышлению, обеспечивающему полное усвоение теоретических знаний, которого не может дать механическое запоминание. Обучаемый в состоянии многое запомнить не понимая, но в этом случае не будет происходить его развития.

Что же знают курсанты Пермского и Новосибирского военных институтов об опасности и рисках своей будущей профессиональной деятельности, отличаются ли познания курсантов этих вузов, умеют ли они анализировать опасную ситуацию, выделять главное, сравнивать, конкретизировать, обобщать, сопоставлять, правильно оценивать степень опасности и принимать быстрые и верные решения в экстремальных ситуациях? На эти и другие вопросы мы получили ответы из результатов проведенного анкетирования и тестирования.

О том, что опасность представляет собой постоянный компонент служебно-боевой деятельности ВВ, большинство курсантов Пермского и Новосибирского военных институтов ВВ МВД России (соответственно 81 и 80 %) знали, еще учась в школе. В Пермском военном институте более 54% курсантов 1-го курса и 76% выпускников считают, что опасность и риск — разные понятия, в то время как остальные ошибочно считают их синонимами. Определение сущности понятия «опасность» дали 73% всех опрошенных курсантов 1-го курса этого вуза. К 5-му курсу таких курсантов стало 88%.

Одной из основных задач, стоящих перед внутренними войсками, по-прежнему остается

поиск и ликвидация незаконных вооруженных формирований. Ее выполнение связано с самой высокой степенью опасности для солдат и офицеров ВВ, поэтому от них требуется качественная профессиональная подготовка во всех отношениях. Работа в этом направлении в Пермском и Новосибирском военных институтах проводится достаточно эффективно, о чем свидетельствуют результаты проведенного опроса. Более половины курсантов первых курсов (58%) обладают твердыми знаниями о незаконных вооруженных формированиях, их организации и тактике действий. К 5-му курсу знаниями относительно особенностей деятельности незаконных военных формирований обладает уже подавляющее большинство выпускников — 94%.

Еще одна особенность профессиональной деятельности военнослужащих внутренних войск заключается в обеспечении безопасности личности, общества и государства, защиты прав и свобод человека и гражданина от преступных и противоправных посягательств. В связи с выполнением этих СБЗ военнослужащие ВВ также подвержены высоким рискам личной безопасности, поэтому деятельность солдат и офицеров должна строиться с учетом требований безопасности. К сожалению, большинство опрошенных курсантов, 77% респондентов 1-го курса и 70% выпускников не могут правильно определить понятие «безопасность военной службы».

Положительная динамика прослеживается, но разница в 7% между «новобранцами» и «без пяти минут офицерами» очень мала, что говорит о некоторых недоработках. Будущие офицеры слабо знают задачи по обеспечению безопасности военной службы. Правильный ответ на этот вопрос в Пермском военном институте дали 40% курсантов 1-го курса и 54% опрошенных 5-го курса. Если в Пермском институте прослеживается хотя и небольшая, но все же положительная тенденция прироста знаний на 14% за пять лет обучения, то в Новосибирском институте тенденция противоположная. Задачи по обеспечению безопасности военной службы знают 53% курсантов 1-го курса и 51% выпускников.

Результаты анкетирования говорят нам о том, что в процессе обучения многие курсанты приобретают определенные знания основ безопасности военной службы, хотя процент респондентов, которые обладают слабыми знаниями о безопасности службы, остается внушительным.

В будущем необходимо проводить планомерную работу по формированию не только знаний о безопасности военной службы, но и соответствующих навыков и умений. Их наличие является одним из основных компонентов формирования осознанного отношения к опасности.

Гибель, ранения, контузии, психические расстройства, потеря авторитета и уважения в кол-

лективе — вот лишь небольшой перечень последствий, к которым может привести неосознанное отношение к опасности. По мнению курсантов 1-х, 5-х курсов как Пермского, так и Новосибирского военных институтов, основными причинами гибели военнослужащих ВВ при выполнении СБЗ являются: игнорирование рисков по различным причинам (10 и 8%), неумение оценивать степень грозящей опасности (32 и 10%), слабая профессиональная подготовка (15 и 31%), излишняя самоуверенность в своих силах и возможностях (15 и 21%), нестандартность действий незаконных вооруженных формирований (7 и 8%), проявление нерешительности и медлительности в применении оружия (15 и 23%).

Выявлена принципиальная разница в ответах респондентов 1-х и 5-х курсов. Выпускники значительно строже первокурсников оценивают роль профессиональной подготовки, но при этом проявляется их неумение оценивать степень грозящей опасности. Ее 10% выпускников относят к неосновным причинам гибели военнослужащих ВВ. Они не выделяют это неумение как отдельную причину, потому что не хотят и не умеют серьезно и осознанно относиться к опасности будущей профессиональной деятельности. Это свидетельствует о проблемах в их военном образовании, так как обучение способам выявления и оценки опасности является важнейшим компонентом подготовки будущих офицеров ВВ.

Постоянное присутствие опасности и риска закаляет солдат и офицеров. В суровых условиях формируется воинский коллектив, где порой приходится жертвовать жизнью ради выполнения поставленной задачи, ради спасения сослуживцев. Широко известно крылатое выражение: «Сам погибай — товарища выручай». Принадлежит оно великому русскому полководцу генералиссимусу Александру Васильевичу Суворову. Эти слова звучат как напутствие потомкам, тем, кто ныне стоит на страже Родины, продолжая дело своих отцов и предков. Готовы ли следовать этой заповеди курсанты военных институтов — будущие офицеры? Разумеется, что анкетирование способно дать весьма приблизительные данные о готовности к самопожертвованию, но полностью игнорировать их в исследовании опасности и риска нельзя.

Пожертвовать жизнью ради спасения товарища в случае необходимости готовы 38% опрошенных курсантов первых курсов и 88% выпускников курса. На начальном этапе обучения 54% курсантов готовы оказать помощь товарищу, но при этом желательна без риска для своей жизни. Курсантов, не разделяющих мнение великого полководца А. В. Суворова, к 5-му курсу вообще не остается, что говорит о том, что в военных институтах проводится результативная работа по формированию сплоченного воинского

коллектива, где каждый готов помочь товарищу, попавшему в беду. Такое отношение будущих офицеров друг к другу в ситуации выбора между жизнью и смертью говорит об осознанном принятии данного непростого решения.

Формирование осознанного отношения к опасности позволит будущим офицерам внутренних войск моделировать риски личной безопасности в служебно-боевой деятельности. Умение прогнозировать, анализировать, выделять главное, видеть причинно-следственную связь между предполагаемыми действиями и возможными последствиями позволит военнослужащим ВВ добиваться максимального результата при наименьших потерях.

Наличие положительной, хотя и невысокой, динамики в вопросах формирования осознанного отношения к опасности говорит о том, что в Пермском и Новосибирском военных институтах внутренних войск существующая система обучения позволяет готовить квалифицированные кадры для внутренних войск МВД России. Подходя к выпуску из военного института, курсанты приобретают определенные знания, навыки и умения, необходимые им для создания безопасных условий будущей службы. При наличии положительной динамики в обучении, связанной с формированием осознанного отношения к опасности в целом, мы не могли оставить без внимания недостатки в подготовке, которые выяснились в результате анкетирования и тестирования.

Более половины (51%) опрошенных курсантов Пермского военного института даже не догадываются, каким образом у военнослужащих формируется осознанное отношение к опасности. Они не знают, что такое опасность и откуда она может исходить. Соответственно они не могут выбрать правильную модель поведения в ситуации угрозы их жизни, здоровья и репутации. Ограниченность в знаниях не позволит им эффективно действовать в опасной ситуации. Поэтому около половины выпускников ограниченно готовы к экстремальным ситуациям, опасным для физического и психического здоровья.

Как утверждают В. И. Зубков и В. В. Павлова, риск проявляется в поведении или отказе от действия субъекта в отношении конкретной ситуации осознанной опасности, способной оказать отрицательное влияние на жизненные возможности человека [1, с. 5; 2, с.10]. Опасность и риск в той или иной степени представляют собой постоянный и неустраняемый компонент любой человеческой деятельности. О том, что риск в нашей жизни присутствует повсеместно, догадываются 33% всех опрошенных курсантов, но что такое обоснованный риск, знают 9% респондентов, а 7% курсантов слышали и кое-что знают о рисках личной безопасности. Основные критерии безопасности знают всего 2% опрошенных.

В чем заключается сущность риска, знают 15% курсантов 1-го курса и 18% выпускников Пермского института, а также 16% курсантов 1-го и 13% курсантов 5-го курсов Новосибирского института. Остальные курсанты, принимавшие участие в анкетировании, обладают слабыми знаниями по данным вопросам. При отсутствии твердых знаний об основных категориях риска и опасности невозможно в полном объеме осознавать грозящую опасность и принимать адекватные решения по ее снижению.

Одним из основных методов формирования осознанного отношения к опасности является применение в учебном процессе метода моделирования экстремальных ситуаций. Принятие единственно верного решения в ситуации опасности и его качественная реализация напрямую зависят от степени осознания опасности. Сегодня в процессе подготовки курсантов моделируются различные служебно-боевые ситуации, возникающие при выполнении различных задач в экстремальных условиях.

Для того чтобы подготовить курсанта к возможной служебно-боевой деятельности, необходимо подготовить его к воздействию факторов опасности, неожиданности, новизны, неопределенности, ответственности, дискомфорта и др. Проведенное в 2001 году исследование в Пермском военном институте ВВ убеждает в том, что моделирование факторов СБД в особых условиях в учебном процессе явно недооценивается.

Во время проведения нашего исследования в сентябре 2010 года 27% курсантов 1-го курса и 65% курсантов 5-го курса Пермского военного института утверждали, что практическому моделированию рисков, с которыми им предстоит иметь дело после выпуска из военного института, уделяется мало времени. По сравнению с 2001 годом ситуация не только не улучшилась, но и заметно ухудшилась. Не лучше положение и в Новосибирском военном институте, где 16% первокурсников и 39% выпускников уверены, что моделированию рисков, с которыми им предстоит столкнуться при выполнении СБЗ в будущем, уделяется мало времени.

Несмотря на уменьшение количества часов на практическое моделирование экстремальных ситуаций, большинство курсантов Пермского военного института (46% первокурсников и 59% пятикурсников) твердо уверены в том, что по окончании обучения в военном институте они научатся правильно действовать в сложной, часто меняющейся обстановке. На первый взгляд, это довольно оптимистично, но жизнь, к сожалению, говорит об обратном. Как показывают результаты исследований, выпускники военных вузов по прибытии в части признаются, что не готовы действовать в сложной, а порой и опасной ситуации. В итоге лишь 41% опрошенных

офицеров считают, что они прошли хорошую школу подготовки, получили достаточно знаний, навыков и умений [3, с 4].

В целом результаты анкетирования показали, что курсанты Пермского и Новосибирского военных институтов внутренних войск МВД России обладают знаниями, навыками и умениями, необходимыми для решения СБЗ в экстремальных ситуациях. Однако имеются недостатки в подготовке курсантов: многие будущие офицеры не знают, что такое опасность и риск, они не имеют представлений о важнейших сущностных характеристиках этих явлений, не понимают, в чем заключается опасность той или иной ситуации, не умеют анализировать прошлый опыт, иногда не в состоянии выделить главное, оценить опасность или степень обоснованности риска. Все это говорит о наличии пробелов в образовательном процессе, из-за которых многие курсанты не осознают в полном объеме предлагаемую им учебную информацию. Наличие проблем в данном направлении влечет снижение качества подготовки будущих офицеров ВВ и как следствие — увеличение в дальнейшем вероятности наступления неблагоприятных последствий для их жизни, здоровья и репутации.

Результаты проведенного нами исследования говорят о том, что существующими методами и средствами в достаточной мере не решить проблему отсутствия у военнослужащих внутренних войск осознанного отношения к опасности и риску. На наш взгляд, эффективным методом обучения деятельности будущих офицеров в опасных ситуациях является метод моделирования экстремальных ситуаций (рисков) с применением рефлексивного практикума (самонаблюдения) как средства обучения с элементами интроспекции (самоанализа). Применение такой организационной формы обучения позволит активизировать процессы самопознания и самосовершенствования за счет подключения участников образовательного процесса к постоянному поиску путей разрешения профессиональных проблем за счет преодоления внутриличностных конфликтов, возникающих в процессе осознания опасности. В рефлексивном практикуме предметом самостоятельного изучения становится личность обучающегося, а ведущим механизмом диагностики и развития профессионально значимых качеств личности — рефлексия и интроспекция.

Применение рефлексивного практикума с элементами интроспекции как средства моделирования рисков личной безопасности будущих офицеров ВВ позволит активизировать не только самопознание, но и, главное, — самосовершенствование курсантов за счет подключения участников образовательного процесса к творческому поиску путей разрешения профессио-

нальных проблем. Внедрение рефлексивного практикума в учебный процесс позволит будущему офицеру минимизировать риски личной безопасности в дальнейшей профессиональной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зубков В. И. Риск как предмет социологического анализа // Социс-1994. — № 4. — С. 3—9.

2. Павлова В.В. Социальный риск в агросфере // Социс-1993. — №10.— С. 81—84.

3. Салтрукович Н. Е. Психологическая подготовка курсантов военно-учебных заведений внутренних войск МВД России к служебно-боевой деятельности в особых условиях. — Пермь: ПВИ, 2001. — 84 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ СТАТЬИ:

Санин Роман Евгеньевич. Адъютант очного отделения адъюнктуры. Пермский военный институт внутренних войск МВД России.
E-mail: saniroman@rambler.ru
Россия, 614030, г. Пермь, ул. Гремячий Лог, 1. Тел. 89617590436.

Днепров Сергей Антонович. Профессор кафедры теории и методики профессионального образования. Доктор педагогических наук.
Пермский военный институт внутренних войск МВД России.
E-mail: colokol@ural.ru.

Россия, 614030, г. Пермь, ул. Гремячий Лог, 1. Тел. 89028799223.

Sanin Roman Evgenyevich. The graduated in a military academy of internal branch military post-graduate study.

The Perm Military Institute of Internal Troops of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Work address: Russia, 614030, Perm, Gremjachy Log Str., 1. Tel. 89617590436.

Dneprov Sergey Antonovich. The professor of chair of the Theory and a Vocational Training Technique. The doctor of pedagogical sciences.

The Perm Military Institute of Internal Troops of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Work address: Russia, 614030, Perm, Gremjachy Log Str., 1. Tel. 89028799223.

Ключевые слова к статье: курсанты; осознание опасности; риск; безопасность; моделирование рисков; рефлексивный практикум; интроспекция; опасность; обоснованный риск.

Key words: cadets; danger comprehension; risk; safety; modelling of risks; a reflective practical work; introspection; danger; well-founded risk.

УДК 342.9



Г.С. Корыгова,
доктор психологических наук, доцент,
Восточно-Сибирская государственная
академия образования, г. Иркутск



О.А. Черкасова,
Восточно-Сибирская государственная
академия образования, г. Иркутск

АНАЛИЗ ПОДХОДОВ К ИССЛЕДОВАНИЮ ПРОБЛЕМЫ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ С УЧАЩИМИСЯ

THE ANALYSIS OF APPROACHES TO RESEARCH OF PEDAGOGICAL INTERACTION PROBLEMS BETWEEN TEACHER AND STUDENTS

В статье представлен аналитический обзор подходов к проблеме педагогического взаимодействия. Раскрыта специфика понятий «взаимодействие» и «общение», рассмотрен категориальный статус феномена «педагогическое взаимодействие».

The article deals with analysis of approaches to pedagogical interaction. Specificity of the concepts of "interaction" and "communication" is found out. Categorical status of pedagogical interaction is considered.

В настоящее время заметно возрос научный интерес педагогов и психологов к проблеме педагогического взаимодействия преподавателей с учащимися в средней школе. Это обусловлено тем обстоятельством, что от решения данной проблемы в значительной степени зависит дальнейшее совершенствование учебного процесса и его педагогическая эффективность.

На современном этапе существует необходимость в повышении эффективности педагогического взаимодействия. Незавершенность психологической теории относительно понятия педагогического взаимодействия требует дальнейшего теоретического анализа. Рассмотрение проблемы педагогического взаимодействия осложняется различием трактовок понятий «взаимодействие» и «общение». Многообразие взглядов исследователей на проблему педагогического взаимодействия показывает, что категориальный статус самого понятия «педагогическое взаимодействие» до конца не определен.

В современных условиях, когда главной задачей образования является обеспечение разностороннего развития личности, способной к ориентации в постоянно расширяющемся потоке научной информации, одним из ведущих направлений профессиональной работы педагога выступает создание условий для личностного роста учащихся. В данной связи особое значение приобретает проблема организации и осуществления личностно-ориентированного взаимодействия субъектов образовательного процесса, которое выступает как своеобразное пространство реализации личностных и деятельностных контактов педагога и учащихся, как сфера их сотрудничества, творчества.

В.И. Клинг, С.В. Кондратьев, Е.Л. Федотова и некоторые другие исследователи отмечают, что взаимодействие педагога с учащимися является важнейшим структурным элементом педагогической деятельности, что в значительной степени определяет эффективность процесса обучения и воспитания [1, 2, 3]. Успешное педагогическое

взаимодействие является основой эффективной профессиональной деятельности преподавателя. Взаимодействие с учащимися в педагогических целях играет важную роль в социализации учащегося, в его личностном развитии. Поэтому для более успешного осуществления процесса обучения и воспитания необходимо проанализировать подходы к исследованию педагогического взаимодействия.

Подходы к проблеме взаимодействия в отечественной психологии с 50-х гг. XX в. рассматриваются через понятие «общение» (В.В. Давыдов, В.И. Зинченко, М.С. Каган, В.А. Кан-Калик, И.С. Кон, А.А. Леонтьев и др.). В 70-х годах педагогическое взаимодействие начинает исследоваться путем изучения классных коллективов (Н.И. Березовин, В.В. Богословский, Я.Л. Коломинский, С.В. Кондратьев и др.). Отечественные психологи Б.Г. Ананьев, А.А. Бодалев, Ю.Н. Кулюткин, Н.Н. Обозов, Б.Д. Парыгин и другие, рассматривая процесс обучения, отмечают, что важно изучать особенности субъекта обучения и механизмы, влияющие на эффективность учебной деятельности.

Аналитический обзор изученной литературы, учитывая разнообразие взглядов на данную проблему, определяет подходы к рассмотрению понятия «общение».

Г.М. Андреевой, А.А. Бодалевым понятие «общение» рассматривается как общественные отношения [4,5].

М.С. Каган, А.А. Леонтьев отмечают, что общение, являясь деятельностью, способствует образованию контакта между субъектами, в результате которого осуществляется эмоциональный обмен [6,7].

Г.М. Андреева, А.А. Бодалев, Р.Л. Кричевский, А.А. Леонтьев, Б.Ф. Ломов и др. выделяют общение как процесс воздействия субъектов друг на друга, в результате которого устанавливается взаимная обусловленность и связь [4, 5, 7, 8, 9].

В основу общения Л.С. Выготский, В.Н. Панферов, С.Л. Рубинштейн и др., ставят обмен информацией, применение коммуникативных средств и механизмов. Целью общения является установление взаимопонимания и обмен чувствами, мыслями социальными ценностями и т.д.

Исследования на современном этапе показывают, что совместная деятельность в учебном процессе происходит в межличностном взаимодействии. Неэффективное педагогическое взаимодействие ведет к низкому уровню получения знаний, проявлению конфликтности в учебном коллективе, что, в свою очередь, ведет к слабой успеваемости и созданию проблем в развитии личности. Эффективное педагогическое взаимодействие обеспечивает высокий уровень успеваемости, расширение кругозора в растущем потоке научной информации и личностный рост учащихся. Поэтому отмечается необходимость эффективного педагогического взаимодействия преподавателя с учащимися, способствующего проявлению взаимной активности, сотрудничества и сотворчества.

М.Ю. Кондратьев, В.А. Ильин рассматривают межличностное взаимодействие как взаимный контакт субъектов деятельности, проявляющийся в различной форме (непосредственной, опосредованной, пролонгированной и ситуационной), направленный на достижение определенных целей, что в последующем приводит к активизации умственной активности и совершенствованию поведения, мировоззрения, структуры взаимоотношений [3].

Исследуя проблему межличностного взаимодействия, влияющую на эффективность обучения, личностное воспитание, К.А. Абульханова-Лавская, В.С. Агеев, А.А. Бодалев, И.А. Зимняя, Г.Т. Хайруллин и другие психологи отмечают необходимость организации эффективного общения. Особое внимание И.А. Зимняя, Е.Л. Федотова, Л.Б. Фишкова, Г.Т. Хайруллина, И.В. Хитрова уделяют взаимодействию педагога с учащимися. При этом взгляды на проблему педагогического взаимодействия О.А. Верхожиной, Т.В. Сенько и других исследователей рассматриваются вне учебного процесса.

Понятие «общение» в процессе обучения стало подробно изучаться как предмет исследования относительно недавно — в 70—80-е гг. XX века. Общение первоначально возникает в виде совместного действия в социальной среде и только позже приобретает подлинно психологические особенности, становясь самостоятельным видом деятельности. В научной литературе понятие «общение» формулируется по-разному, при этом основная часть определений связана с передачей знаний, определенной информации в процессе взаимодействия между субъектами общения.

Также отмечается разнообразие взглядов Б.Г. Ананьева, Л.П. Бугевова, М.С. Кагана и др. на определение понятия «общение». С философской точки зрения взаимодействие рассматривается как категория, способная отражать воздействие субъектов друг на друга, обусловленность их деятельности, социальных взглядов, особенностей межличностных контактов, возникающих в процессе взаимодействия [6, 10, 11].

В психологии взаимодействие рассматривается в виде процесса воздействия субъектов друг на друга в непосредственной и опосредованной формах, способствующего возникновению взаимной обусловленности и связи. Каждый субъект, вступая во взаимодействие с другим субъектом, является причиной и следствием влияния, что способствует изменению объектов и их структур. По мнению М.И. Дьяченко, Д.А. Кандыбовича, субъект может познать особенности объекта в процессе взаимодействия с другими объектами [12].

Рассматривая взаимодействие можно утверждать, что данный процесс предполагает контакт двух и более субъектов. А.А. Леонтьева, описывая взаимодействие, выделяет его особенность в мире живой материи: «жизнь есть процесс особого взаимодействия особым образом организованных тел».

Поэтому чем совершеннее уровень развития «тел», тем, соответственно, выше уровень взаимодействия по сложности. Взаимодействие А.А. Леонтьев рассматривает как совместную деятельность субъектов, направленную на достижение общих целей и результатов в процессе выполнения важных задач и разрешения проблемы [7].

Проблема межличностного взаимодействия рассматривается в трудах отечественных психологов: В.С. Агеева, Б.Г. Ананьева, Г.М. Андреевой, А.А. Бодалева, А.И. Донцова, Н.Г. Кругловой, Б.Ф. Ломова, В.Н. Мясищева и др. В работах данных авторов межличностное взаимодействие воспринимается в качестве составной части общения. В работах А.А. Бодалева, Н.С. Дежниковой категории «общение» и «взаимодействие» рассматриваются как равные по смыслу. Раскрывая понятие «взаимодействие», А.А. Бодалев отделяет понятия «межличностное взаимодействие» и «деятельность», оперируя тем, что и межличностное взаимодействие, и деятельность осуществляются в процессе контакта субъектов друг с другом, а такие понятия, как «общение» и «взаимодействие», рассматривает как тождественные [5]. При таком подходе отсутствует четкое разделение категорий «общение» и «взаимодействие», поэтому существует объективная необходимость рассмотрения межличностного взаимодействия как самостоятельной категории.

А.Н. Сухов, А.А. Бодалев, В.Н. Казанцев и др. признают, что благодаря взаимодействию достигается приспособление действий одного человека к действиям другого, общность в понимании ситуации, смысла работы и солидарности между ними. Взаимодействие как форма контактов и взаимовлияния людей в процессе совместной работы может быть преходящим и устойчивым, личным и общественным.

Г.М. Андреева, Р.Л. Кричевский, А.А. Леонтьев, Б.Ф. Ломов, Н.Н. Обозов считают, что общение непосредственно обеспечивает взаимодействие [4, 8, 7, 9, 13]. Р.Л. Кричевский, Е.М. Дубровская рассматривают взаимодействие как единицу совместной деятельности, включающую в себя инструментальные (деятельностные) и аффективно-коммуникативные (общенческие) компоненты, и отмечают, что реализация совместной деятельности предусматривает совместные воздействия на общий предмет труда, воздействия участников друг на друга (обмен действиями, обмен информацией). Рассматривая отношения взаимодействия и общения, Б.Ф. Ломов утверждает, что общение выступает как специфическая форма взаимодействия с другими людьми, как взаимодействие субъектов, в ходе которого осуществляется обоюдный обмен представлениями, идеями, интересами, настроениями, установками. Общение, с одной стороны, выступает как условие социализации личности; с другой стороны — через общение проявляется динамика взаимоотношения личности с окружающим [9].

Рассматривая понятия «взаимодействие» и «общение» А.А. Леонтьев разделяет их, выделяя общение как категорию, обеспечивающую взаимодействие, а взаимодействие — совместную деятельность. Общение он рассматривает как важную составляющую в обеспечении коллективной деятельности. Процесс общения представляется сложным по содержанию, состоящим из «деятельности — взаимодействия — общения — контакта». Продуктивность общения зависит от хорошо налаженного взаимодействия, общение зависит от деятельности, которая определяет само понятие «общение» за счет передачи информации о деятельности, так как взаимодействие, по его мнению, является главенствующим звеном любой деятельности [7].

Н.Н. Обозов раскрывает понятие «общение» как особую форму взаимодействия, при этом отмечает, что возможность взаимодействовать субъектов друг с другом может осуществляться через поведение субъектов при реализации совместной деятельности [13]. В.В. Знаков, раскрывая общение, использует понятие «взаимодействие» как более широкое понятие. Общение, как отмечает автор, это такая форма взаимодействия субъектов, которая изначально мотивируется их стремлением выявить психологические качества друг друга, в ходе которой формируются межличностные отношения между ними (привязанности или, наоборот, неприязни). Этой точки зрения относительно взаимодействия придерживаются зарубежные ученые. М. Аргайл, например, взаимодействие в структурном отношении рассматривает как процесс, который складывается из физического контакта, совместного действия и духовного вербального или невербального информационного контакта.

По мнению А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского, общение обязательно имеет или, во всяком случае, предполагает некоторый результат — изменение поведения и деятельности других людей. Такое общение выступает как межличностное взаимодействие, т.е. совокупность связей и взаимовлияния людей, складывающихся в процессе их совместной деятельности. А.В. Петровский, М.Г. Ярошевский отмечают, что общение — более широкое понятие, чем «межличностное взаимодействие», и подчеркивают изменение поведения и деятельности в процессе межличностного взаимодействия.

Г.М. Андреева, А.И. Донцов, Л.Д. Столяренко отмечают три взаимовлияющие стороны общения: перцептивную, коммуникативную и интерактивную. Перцептивность направлена на восприятие и оценивание субъектами друг друга, самого себя и социального окружения. Коммуникативность личности заключается в том, что она сознательно ориентируется на понимание окружающими людьми действий, совершаемых ею в процессе общения. Интерактивность определяется эффективностью взаимодействия субъектов в межличностном общении. Г.М. Андреева

отмечает, что взаимодействие отличает наряду с обменом информацией организация обмена действиями и планирование совместной деятельности [4]. Взгляд на данный вопрос подводит к тому, что понятия «общение» и «взаимодействие» не тождественны, составной частью взаимодействия является общение.

Различные взгляды исследователей на проблему педагогического взаимодействия отражаются в том, что понятия «общение» и «взаимодействие» или рассматриваются как тождественные (синонимичные), или при раскрытии дефиниции «общение» используется понятие «взаимодействие» как более широкое, или, наоборот, «взаимодействие» рассматривается как более узкое понятие.

Обобщая подходы к исследованию проблемы педагогического взаимодействия, можно констатировать, что эта проблема осложняется различием трактовок понятий «взаимодействие» и «общение». На наш взгляд, взаимодействие — более широкая категория по отношению к общению. Взаимодействие включает в себя общение и определяется как непосредственное и опосредованное воздействие субъектов друг на друга, порождающее взаимную обусловленность их поступков и социальной направленности, изменение системы потребностей, а также межличностных связей, возникающих в ходе этого взаимодействия.

А.А. Реан, Е.Л. Федотова педагогическое общение рассматривают как один из видов общения, который отличают общие особенности и специфические, присущие образовательному процессу. Авторы отмечают, что благодаря общению совместная деятельность субъектов образования совершенствуется. Это ведет к установлению новых контактов на основе совместного педагогического взаимодействия [2]. Педагогическое взаимодействие В.А. Кан-Калик рассматривает как осознанное спланированное взаимодействие педагога и учащегося, в основе которого лежит информированность, эффективность организации воспитательных мероприятий и применения коммуникативных средств [14].

Под педагогическим общением обычно понимают профессиональное общение преподавателя с учащимися (на уроке и вне его), имеющее определенные педагогические функции и направленное на создание благоприятного психологического климата, а также психологическую оптимизацию учебной деятельности и отношений между педагогом и учащимися (А.А. Леонтьев).

Характеризуя педагогическое взаимодействие, Е. Л. Федотова особо отмечает, что взаимодействие педагога и учащихся ориентировано не на сиюминутный, а на отсроченный во времени воспитательный результат, связанный с глубинными изменениями в каждой из контактирующих сторон, с содействием их сознательному саморазвитию, личностному преобразованию и усовершенствованию. В этой связи главной за-

дачей педагога становится возвышение, «благоураживание» взаимодействия и выработка у учащихся своего отношения к среде, окружающим людям и обстоятельствам. В этом заключается целевая направленность педагогического взаимодействия. Специфика педагогического взаимодействия и отличие от других социальных контактов проявляется, прежде всего, в преобладании элемента обогащения и личностного роста участников над элементом обмена.

Таким образом, Е.Л. Федотова считает, что педагогическое взаимодействие — это социально обусловленный и личностно значимый способ реализации межличностных и деятельностных контактов воспитанника и воспитателя (при направляющей роли последнего). В результате подобных контактов осуществляется осознанное развитие учащегося и происходит дальнейший личностно-профессиональный рост педагога, а также наблюдается укрепление их общности и возвышение отношений. Специфика педагогического взаимодействия видится как раз в том, что в процессе обучения происходит не просто обмен «информацией, действиями, эмоциями», а своего рода «обмен с приращением», «обмен с профицитом». Подобный обмен позволяет обогащать внутренние потенциалы и практический опыт каждой из сторон, влиять на состояние их общности и характер складывающихся между ними взаимоотношений. Именно в педагогическом взаимодействии взаимообогащающий обмен внутренними потенциалами осуществляется целенаправленно и систематически [2].

Характер педагогического взаимодействия детерминируется наряду с другими факторами, существующими социальными условиями, сложившейся системой общественных отношений, уровнем развития общества в целом. Оно отражает в себе основные связи и зависимости, присущие социальным контактам, которые вместе с тем находят во взаимодействии педагога и учащихся свое специфическое преломление.

Педагогическое взаимодействие нами рассматривается как организованная, спланированная совместная деятельность педагога и учащихся, в результате которой выделяются взаимосвязанные стороны общения, направленные на достижение совместных целей, результатов, способствующие решению значимых задач. Подобная совместная деятельность является условием оптимизации обучения и развития личности учащихся, а также личностно-профессионального роста.

Обобщая различные подходы исследователей к проблеме педагогического взаимодействия, можно сделать вывод о том, что эта проблема является актуальной в настоящее время. Разнообразие взглядов исследователей на проблему педагогического взаимодействия подтверждает, что имеются посылки к дальнейшей разработке данной категории, обусловленные процессами, связанными с реформой современного образования. Исходя из этого, можно констатировать, что су-

шествует необходимость дальнейшего обоснования категориального статуса понятия «педагогическое взаимодействие», его опытно-экспериментального исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Клинг В.И. Специфика педагогического взаимодействия преподавателя и студента в лингвистической среде // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2002. — № 8. — С. 19—22.
2. Федотова Е.Л. Педагогические основы взаимодействия учителя и учащихся. — Иркутск: Изд-во Иркут. гос. пед. ун-та, 2003. — 80 с.
3. Кондратьев С.В. Типические особенности педагогического взаимодействия // Вопросы психологии. — 2004. — № 4. — С. 130—137.
4. Андреева Г.М., Донцов А.И. Межличностное восприятие. — М.: Академия, 1987. — 263 с.
5. Бодаев А.А. Восприятие и понимание человека человеком. — М.: Издательство Московского университета, 1982. — 200 с.
6. Каган М.С. Философская теория ценности. — СПб.: Петрополис, 1997. — 204 с.
7. Леонтьев А.А. Психология общения. — М.: Смысл, 1997. — 351 с.
8. Кричевский Р.Л., Дубовская Е.М. Социальная психология малой группы. — М.: Аспект Пресс, 2001. — 318 с.
9. Ломов Б.Ф. Психические процессы и общение // Методологические проблемы социальной психологии. — М.: Наука, 1975. — С.106—123.
10. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. — СПб.: Питер, 2001. — 288 с.
11. Буева Л.П. Человек: деятельность и общение. — М.: Мысль, 1978. — 63 с.
12. Дьяченко М.И. Психологический словарь-справочник / под ред. М.И. Дьяченко, Л.А. Кандыбовича. — Минск.: Харвест, 2007. — 573 с.
13. Обозов Н.Н. Межличностные отношения. — Ленинград: ЛГУ, 1979. — 152 с.
14. Кан-Калик В.А. Учителю о педагогическом общении. — М.: Просвещение, 1987. — 190 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ СТАТЬИ:

Корытова Галина Степановна. Профессор кафедры общей и педагогической психологии. Доктор психологических наук, доцент.

Восточно-Сибирская государственная академия образования (г. Иркутск).

E-mail: kor2003@inbox.ru

Россия, 664011, г. Иркутск, ул. Сухэ-Батора, 9. Тел. 8(3952)24-37-70.

Черкасова Ольга Александровна. Аспирантка заочной формы обучения.

Восточно-Сибирская государственная академия образования (г. Иркутск).

E-mail: talica2009@mail.ru

Россия, 664011, г. Иркутск, ул. Сухэ-Батора, 9. Тел. 8(3952)24-37-70.

Korytova Galina Stepanovna. Professor of the chair of general and educational psychology. Doctor of psychology, assistant professor.

East-Siberian State academy of education (Irkutsk).

E-mail: kor2003@inbox.ru

Work address: Russia, 664011, Irkutsk, Suhe-Bator str., 9. Tel. 8(3952)24-37-70.

Tcherkasova Olga Aleksandrovna. Post-graduate by correspondence.

East-Siberian State academy of education (Irkutsk).

E-mail: talica2009@mail.ru

Work address: Russia, 664011, Irkutsk, Suhe-Bator str., 9. Tel. 8-915-582-78-75.

Ключевые слова к статье: педагогическое взаимодействие; межличностное взаимодействие; общение; взаимодействие; совместная деятельность; воздействие субъектов друг на друга; совместная деятельность; взаимопонимание.

Key words: pedagogical interaction; interpersonal interaction; communication; interaction; joint activity; the impact of actors on each other; joint activities; comprehension.

УДК 37.015.3



Н. А. Власова,
кандидат филологических наук,
Военный авиационный инженерный
университет (г. Воронеж)

О СУЩНОСТИ И ФОРМАХ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ В ВОЕННОМ ВУЗЕ

ON THE ESSENCE AND FORMS OF PATRIOTIC UPBRINGING ON STUDIES OF RUSSIAN LANGUAGE IN MILITARY UNIVERSITY

В статье анализируется понятие «патриотизм», рассматривается сущность патриотического воспитания, анализируются формы патриотической работы на занятиях по русскому языку и во вне-учебное время; содержится материал, который может быть содержательной основой патриотической работы с курсантами на занятиях по русскому языку и другим предметам социально-гуманитарного цикла.

The article examines the notion of «patriotism», the essence of patriotic education, forms of patriotic work on lessons of Russian language; contains material which may be a substantial basis for patriotic work with cadets on the lessons of Russian language and other subjects of social and humanitarian cycle.

Воспитательная работа, как известно, является неотъемлемой частью образовательного процесса. Среди прочих направлений воспитательной работы особое место занимает патриотическое воспитание, сущности, формам и методам которого в последнее время посвящается все больше исследований. Патриотическое воспитание — это сложное социально-педагогическое явление, которое может рассматриваться в нескольких аспектах [1]. Это и передача жизненного опыта от поколения к поколению, и целенаправленная подготовка человека к труду на благо Отечества, и один из факторов формирования и развития личности, и комплекс общих и частных целей и задач, определяемых ценностями различного уровня, от общечеловеческих и государственных до личностных, и сложная управляемая система, включающая множество взаимосвязанных элементов. Содержание патриотического воспитания граждан Российской Федерации базируется на целом ряде общечеловеческих, национально-государственных, профессиональных и личностных ценностей [1], важнейшей из которых должен быть признан патриотизм. При этом

патриотизм в широком понимании должен быть отнесен не только к разряду национально-государственных, но и к области общечеловеческих ценностей, где он соотносится с такими понятиями, как «любовь к Родине», «моральная ответственность», «гуманное отношение к человеку», «социальная справедливость» и в своем высшем проявлении понимается как «интернационализм». Патриотизм — это в первую очередь любовь к Отечеству и готовность подчинить его интересам свои частные интересы. Кроме того, патриотизм предполагает гордость достижениями и культурой своей Родины, желание сохранять её характер и культурные особенности и идентификацию себя с другими членами общества.

Практическое осуществление патриотического воспитания — комплексная проблема. Важнейшие нормативно-правовые акты, в которых закреплены основы патриотического воспитания, детально проанализированы в [2]. Одним из определяющих документов является Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011—2015 годы», утвержденная постановлением Правительства Рос-

сийской Федерации №795 от 05 октября 2010 года. Отметим, что она направлена на формирование прежде всего государственного патриотизма, который понимается как чувство верности своему Отечеству, готовность к выполнению гражданского долга и конституционных обязанностей по защите интересов Родины. Подчеркнем при этом, что приоритет государственного патриотизма вовсе не предполагает забвения всех остальных его составляющих, среди которых выделяются эмоционально-чувственная, активно-деятельностная, духовно-ценностная [2]. Важнейшими направлениями патриотической работы в Программе признаны сохранение памяти о народном подвиге в годы Великой Отечественной войны, развитие чувства гордости за свою страну, формирование позитивного отношения в обществе к военной службе, активизация интереса к государственной символике России, использование государственной символики в патриотическом воспитании молодежи, привлечение геральдических организаций и мастеров художественных промыслов к использованию исторической тематики, героики для пропаганды символов России.

Разумеется, Программа должна быть положена в основу патриотического воспитания личного состава российских Вооруженных Сил. Военно-профессиональное образование неразрывно связано с государственно-патриотическим воспитанием, которое предполагает целенаправленное использование истории России, истории Вооруженных Сил как средства побуждения военнослужащих на выполнение воинского долга, обеспечение безопасности личности, общества и государства.

Значение гуманитарных дисциплин, и в первую очередь русского языка, в формировании патриотического сознания курсантов не стоит недооценивать. Русский язык является государственным языком России, сокровищницей национальной культуры. Забота о сохранении чистоты языка признается одним из приоритетов государственной политики. Вузовский курс русского языка и культуры речи направлен на развитие грамотности в широком смысле слова, понимаемой и как владение орфографическими, пунктуационными и другими нормами, и как умение логично, доступно, стилистически правильно строить высказывание, составлять тексты разных функциональных стилей речи. Нет нужды доказывать, насколько большое значение имеет высокая культура речи для успешной профессиональной деятельности. Под культурой речи в данном случае понимается не только знание правил. Современным обществом в равной мере востребованы навыки успешного общения, изучаемые риторикой. Основы риторики по праву должны являться частью учебных программ. Подчеркнем, что владение родным языком — это и знак уважения к культурным традициям наро-

да, и залог преемственности этих традиций, сохранения национальной идентичности.

Работа по государственно-патриотическому воспитанию курсантов в военном вузе в рамках дисциплины «Русский язык и культура речи» ведется и на занятиях, и во внеучебное время.

Во внеучебное время курсанты под руководством преподавателей готовят доклады и рефераты по вопросам функционирования современного русского языка, русской литературе, литературному краеведению; участвуют в различных экскурсиях, во встречах с ветеранами, представителями поисковых организаций; отмечают дни воинской славы России торжественными заседаниями военно-научного кружка.

На занятиях по русскому языку используются различные формы работы. Так, в рамках семинарских занятий организуются дискуссии по актуальным вопросам функционирования современного русского языка, например обсуждается проблема иноязычных заимствований. Вопрос о роли иноязычных заимствований в национальном языке и их допустимости/недопустимости напрямую подводит нас к проблеме национальной идентичности. Дискуссия как один из активных методов обучения способствует формированию навыков аргументации, ведения диалога, выявляет уровень владения нормами языка, позволяет сделать выводы о культуре речи ее участников. На дискуссии оказываются востребованными знания по другим дисциплинам. Например, на обсуждении роли и места иноязычных заимствований в современном русском языке будет уместно вспомнить те периоды отечественной истории, когда российское общество ориентировалось на другую культуру, немецкую — в эпоху Петра I, французскую — в начале XIX века, обсудить, какую роль подобная ориентация сыграла в развитии отечественной культуры. При этом необходимо избегать однозначных оценок («хорошо» — «плохо»), стараться рассмотреть проблему комплексно. Последующее обсуждение дискуссии — это ступень в развитии навыков анализа и самоанализа. На практических занятиях используются групповые формы работы. В содержание занятий по русскому языку и культуре речи по возможности внедряется материал, который стимулировал бы развитие патриотических чувств.

Ниже представляем список значимых дат с кратким разъяснением, где оно необходимо. Выборка, предложенная нами, не является единственно возможной, но может быть содержательной основой государственно-патриотического воспитания курсантов как на занятиях, так и во внеучебное время. Сюда включены праздничные и памятные дни, дни воинской славы России, и даты, хотя и не установленные в качестве памятных дней законодательно, но, с нашей точки зрения, являющиеся важными в краеведческом от-

ношении. Напомним, что перечень дней воинской славы России установлен Федеральным законом Российской Федерации от 13 марта 1995 года №32-ФЗ «О днях воинской славы (победных днях) России» и уточнен в 2007 г.

25 января. День освобождения Воронежа (памятная дата)

С 7 июля 1942 года по 25 января 1943 года (212 дней) правобережная часть Воронежа была оккупирована немецко-фашистскими войсками, то есть фактически всё это время линия фронта разделяла город на две части. Сражение за город продолжалось восемь дней, с 24 января по 2 февраля 1943 года. 25 января в результате ожесточенных боев левая часть города была полностью освобождена от вражеских сил. На балконе гостиницы «Воронеж» советские солдаты водрузили символическое Красное знамя освобождения. Город был практически полностью разрушен. Один из советских бойцов, вошедших в освобождённый Воронеж, вспоминал: «Мы двигались по проспекту Революции. И не встретили ни одной живой души... Город был мёртв. Всюду горы развалин и чёрные остовы домов... Так мы прошли на запад по безжизненному городу» [3].

27 января. День снятия блокады Ленинграда (день воинской славы России)

В 1941 году Гитлер развернул военные действия на подступах к Ленинграду, чтобы полностью уничтожить город. 8 сентября 1941 года кольцо вокруг важного стратегического и политического центра сомкнулось. 18 января 1943 года блокада была прорвана и у города появился коридор сухопутной связи со страной. 27 января 1944 года советские войска полностью сняли длившуюся 900 дней фашистскую блокаду города. В ознаменование окончательного снятия блокады 27 января 1944 в Ленинграде был дан праздничный салют.

2 февраля. День разгрома советскими войсками немецко-фашистских войск в Сталинградской битве (день воинской славы России)

В планы немецко-фашистского командования на лето 1942 года входило разгромить советские войска на юге страны. 17 июля 1942 года начался первый этап Сталинградской битвы. Немецкие войска планировали овладеть нефтяными районами Кавказа, богатыми сельскохозяйственными районами Дона и Кубани, нарушить коммуникации, связывающие центр страны с Кавказом и создать условия для окончания войны в свою пользу.

19 ноября 1942 года советские войска перешли в контрнаступление. Сдача города тогда приравнивалась не только к военному, но и к идеологическому поражению. Бои шли за каждый квартал, за каждый дом, центральный вокзал города переходил из рук в руки 13 раз. 31 января 1943 года командующий группировкой немецких войск Ф. Паулюс сдался в плен.

200 героических дней обороны Сталинграда вошли в историю как самые кровопролитные и жестокие. При обороне города погибли и были ранены более 750 тысяч советских солдат и офицеров.

23 февраля. День защитника Отечества (праздничный день)

Официально 23 февраля имеет следующее название: «День победы Красной армии над кайзеровскими войсками Германии (1918 год) – День защитников Отечества». Сегодня большинство граждан России склонны рассматривать День защитника Отечества не столько как день рождения Красной Армии, сколько как день настоящих Мужчин, Защитников в самом широком смысле этого слова. Следует отметить, что до 1917 года традиционно днем Русской армии считался праздник 6 мая — День святого Георгия Победоносца, считающегося покровителем русских воинов.

12 апреля. День космонавтики (памятная дата)

День космонавтики отмечают в ознаменование первого космического полета, совершенного Юрием Гагариным на корабле «Восток». С 1968 года официальный День космонавтики получил и официальное общемировое признание после учреждения Всемирного дня авиации и космонавтики.

Развитие пилотируемых полетов в Советском Союзе проходило поэтапно. От первых пилотируемых кораблей и орбитальных станций к многоцелевым космическим пилотируемым орбитальным комплексам. Советский Союз на протяжении десятилетий гордился успехами отечественной космонавтики: и полетом первой в мире женщины-космонавта В. Терешковой, и выходом в открытый космос, и самым продолжительным в истории космонавтики полетом.

18 апреля. День победы русских воинов князя Александра Невского над немецкими рыцарями на Чудском озере (день воинской славы России)

По известиям летописей, Ледовое побоище началось при солнечном восходе у «Воронья Камни» (т.е. Вороньего Камня) на р. Узмени. Традиционно схему битвы представляют следующим образом: немецкая конная колонна атаковала пеший центр русского войска, нанесла ему большие потери, однако была охвачена с флангов княжеской конницей и обратилась в бегство. На льду Чудского озера пало 400 немецких воинов и 90 попали в плен. Источники свидетельствуют, что пленные шли возле своих коней во время торжественного въезда князя Александра в Псков.

Эта битва, вместе с победами князя Александра над шведами (15 июля 1240 года на Неве) и над литовцами (в 1245 году под Торопцем, у озера Жизца и близ Усвята), имела большое значение для Пскова и Новгорода. Новгородцы под предводительством Александра Невского задержали напор трех серьезных врагов с запада — в

то самое время, когда остальная Русь терпела большие потери от княжеских усобиц и последствий татарского завоевания.

7 мая. День радио, праздник работников всех отраслей связи (профессиональный праздник)

Впервые эта дата была торжественно отмечена в нашей стране в мае 1925 года. Это был тридцатилетний юбилей радио. Полувековой юбилей радио совпал по времени с победоносным завершением войны с фашистской Германией. 2 мая 1945 года вышло Постановление Совета Народных Комиссаров СССР о праздновании пятидесятилетия со дня изобретения радио А. С. Поповым. Учитывая роль радио в культурной и политической жизни общества и в обороне страны, правительство решило установить 7 мая ежегодный День радио.

9 мая. День Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов (день воинской славы России)

24 мая. День славянской письменности и культуры (праздничный день)

Праздник известен как день памяти первоучителей славянских народов — святых равноапостольных братьев Кирилла и Мефодия (по имени первого из них названа славянская азбука). В России праздник был возрожден в 1986 году, а в 1991 году Постановлением Президиума Верховного Совета РФ № 568-1 он получил статус государственного. В этот день проводятся фестивали, концерты. Каждый год какой-нибудь город России становится хозяином праздника. В этой роли уже выступали многие города России, в том числе и Воронеж.

6 июня. Пушкинский день в России (праздничный день)

Имя Александра Сергеевича Пушкина известно каждому говорящему на русском языке, а его творчество сопровождает нас на протяжении всей жизни. Книги великого поэта объединяют людей всех возрастов, вероисповеданий, национальностей. А.С. Пушкина часто называют основоположником русского литературного языка. 6 июня 1799 года — день рождения великого поэта. Пушкинский день в нашей стране отмечается ежегодно. Государственный статус день рождения поэта получил в 1997 году, согласно Указу Президента РФ «О 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина и установлении Пушкинского дня России».

12 июня. День России (праздничный день)

День России, или же День принятия Декларации о государственном суверенитете России (1991 г.), как именовался этот праздник до 2002 года, — это один из самых «молодых» государственных праздников в стране. Этот праздник — символ национального единения и общей ответственности за настоящее и будущее нашей Родины.

22 июня. День памяти и скорби — день начала Великой Отечественной войны (памятная дата)

Это одна из самых печальных дат в российской истории. 22 июня напоминает о всех погибших, замученных в фашистской неволе, умерших в тылу от голода и лишений. В День памяти и скорби на территории страны приспускаются Государственные флаги Российской Федерации. Учреждения культуры, каналам телевидения и радиостанциям рекомендовано в этот день не включать в программу развлекательные мероприятия и передачи.

8 июля. День семьи, любви и верности (всеобщий российский праздник)

Впервые отмечался в 2008 году, который был объявлен годом семьи. Инициатива празднования Дня семьи поддержана всеми традиционными религиозными организациями России, ведь понятия семьи, любви и верности не имеют конфессиональных границ. Сама идея праздника возникла несколько лет назад у жителей города Муром Владимирской области, где покоятся мощи святых супругов Петра и Февронии, покровителей христианского брака, чья память чтится 8 июля.

10 июля. День победы русской армии под командованием Петра I над шведами в Полтавском сражении (день воинской славы России)

Полтавская битва, решающий эпизод Северной войны, состоялась 8 июля 1709 года.

13 мая 1709 года шведские войска, вторгшиеся на территорию России, начали осаду Полтавы. Ее гарнизон в составе 4200 солдат и 2600 вооруженных горожан успешно отбил ряд штурмов. В конце мая к Полтаве подошли главные силы русской армии во главе с Петром I. Они расположились на противоположном от Полтавы левом берегу реки Ворсклы. 29 июня передовой отряд русских форсировал Ворсклу севернее Полтавы, у деревни Петровка, обеспечив тем самым возможность переправы всей армии.

В результате Полтавской битвы армия короля Карла XII перестала существовать. Сам король с Мазепой скрылся на территории Османской империи. Решительная победа русских привела к перелому в Северной войне в пользу России и положила конец господству Швеции в Европе.

28 июля. День крещения Руси (памятная дата)

Отмечается на государственном уровне в день памяти святого равноапостольного князя Владимира.

2 августа. День Воздушно-десантных войск (памятный день)

Днем основания российских ВДВ считается 2 августа 1930 года. В этот день на учениях Московского военного округа под Воронежем для выполнения тактической задачи впервые было десантировано на парашютах подразделение в количестве 12 человек. Формирование авиадесантных частей, положившее начало массовому развертыванию этого рода войск, началось в 1932 году.

9 августа. День первой в российской истории морской победы русского флота под командованием Петра I над шведами у мыса Гангут (день воинской славы России)

Битва началась около двух часов пополудни и продолжалась более двух часов. Наступление велось с флангов. Русские одну за другой захватывали шведские галеры. Сражение было чрезвычайно упорным.

22 августа. День Государственного флага Российской Федерации (праздничный день)

Установлен на основании Указа Президента Российской Федерации от 20 августа 1994 года №1714 «О Дне Государственного флага Российской Федерации».

Российский красно-сине-белый флаг (триколор) впервые был поднят в царствование Алексея Михайловича на русском военном корабле «Орел», построенном в 1668 году голландским инженером Давидом Бутлером. «Орел» недолго плавал под новым знаменем: недалеко от Астрахани он был сожжен сподвижниками Степана Разина.

В царствование Петра I был издан указ, согласно которому на торговых судах должны поднимать бело-сине-красный флаг. Петр I сам нарисовал эскиз и определил порядок горизонтальных полос. Чем руководствовался Петр, подбирая цвета, осталось загадкой. Существует несколько толкований смысла выбранных цветов. По одной из версий, белый означает свободу, синий – Богородицу, покровительствующую России, красный — державность. Другая версия гласит, что белый символизирует благородство, синий — честность, а красный — смелость и великодушие, присущие русским людям.

Накануне коронации Николая II министерство юстиции определило, что национальным должен считаться бело-сине-красный цвет. В 1918 году по указу Якова Свердлова цвет государственного флага был изменен на красный, а в августе 1991 года над Белым домом в Москве вновь был поднят трехцветный российский флаг.

23 августа. День разгрома советскими войсками немецко-фашистских войск в Курской битве (день воинской славы России)

Курская битва явилась решающей в обеспечении коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны. Гитлеровское командование планировало провести крупное наступление летом 1943 года, овладеть стратегической инициативой и повернуть ход войны в свою пользу. Для этого была разработана и в апреле 1943 года утверждена военная операция под кодовым названием «Цитадель».

Развивая наступление, советские сухопутные войска, поддержанные с воздуха ударами воздушных армий, а также авиацией дальнего действия, к 23 августа 1943 года отбросили противника на запад на 140—150 километров, освободили Орел, Белгород и Харьков.

Вермахт потерял в Курской битве 30 отборных дивизий, в том числе семь танковых, свыше 500 тысяч солдат и офицеров, 1,5 тысячи танков, более 3,7 тысяч самолетов, три тысячи орудий. Потери советских войск превзошли немецкие: они составили 863 тысячи человек.

После Курской битвы соотношение сил на фронте резко изменилось в пользу Красной Армии, что обеспечило ей благоприятные условия для развертывания общего стратегического наступления.

8 сентября. День Бородинского сражения русской армии под командованием М.И. Кутузова с французской армией (день воинской славы России)

Бородинское сражение — это крупнейшее сражение Отечественной войны 1812 года, состоявшееся 7 сентября у села Бородино, расположенного в 125 километрах западнее Москвы.

Сражение закончилось неопределенным для обеих сторон результатом. Французские войска не смогли одержать решающую победу над русскими войсками под командованием генерала Михаила Кутузова, достаточную для победы во всей кампании. Последовавшее после сражения отступление русской армии было продиктовано стратегическими соображениями и в конечном итоге привело к поражению Наполеона. Бородинское сражение считается одним из самых кровопролитных сражений XIX века. По самым скромным оценкам совокупных потерь, каждый час на поле погибало 8500 человек, или каждую минуту — рота солдат. Некоторые дивизии потеряли до 80% своего состава. Не случайно Наполеон назвал сражение под Бородино самым великим своим сражением, хотя его результаты были более чем скромными для привыкшего к победам великого полководца.

11 сентября. День победы русской эскадры под командованием Ф.Ф. Ушакова над турецкой эскадрой у мыса Тендра (день воинской славы России)

В русско-турецкой войне 1787—1791 гг. русским сухопутным силам успешно содействовал Черноморский флот под командованием контр-адмирала Федора Ушакова. Одним из важнейших событий этой войны стала победа русской эскадры над турками у мыса Тендра в северо-восточной части Черного моря.

28 августа 1790 года в результате напряженного боя 7 турецких кораблей сдались, остальные спаслись бегством. Во время сражения турки потеряли свыше 2 тысяч человек, в том числе более 700 пленными.

Русский флот, состоявший из 10 линейных кораблей, 6 фрегатов, 1 бомбардирского корабля, 20 вспомогательных судов, около 800 орудий, потерь в кораблях не имел, погиб 21 человек, 25 были ранены.

Победа у мыса Тендра в военной кампании 1790 года обеспечила прочное господство русского флота на Черном море.

Блестящая победа русского флота также обеспечила прорыв к Измаилу Днепровской флотилии, оказавшей большую помощь сухопутной армии во взятии крепости.

21 сентября. День победы русских полков во главе с великим князем Дмитрием Донским над монголо-татарскими войсками в Куликовской битве (день воинской славы России)

Мамай, фактический правитель Золотой Орды, был встревожен усилением Московского княжества. В 1378 году он послал на Русь сильное войско под командованием мурзы Бегича. Войско князя Московского Дмитрия Ивановича встретило ордынцев на реке Воже и наголову разбило их. Мамай, узнав о поражении Бегича, стал готовиться к большому походу на Русь. Он вступил в союз с великим князем литовским Ягайло и рязанским князем Олегом. Летом 1380 года Мамай начал поход. 21 сентября недалеко от места впадения реки Непрядвы в Дон разгорелась ожесточенная битва. Князь Дмитрий Иванович сражался в первых рядах своих войск. Враг не выдержал неожиданного удара и стал отходить, а затем пустился в бегство. Войско Мамая было полностью разгромлено. Отряды Ягайло, узнав о победе русских, скорым маршем вернулись в Литву.

Битва на Куликовом поле серьезно подорвала военное могущество Золотой Орды и ускорила ее последующий распад. Она способствовала дальнейшему росту и укреплению русского единого государства, объединению русских земель вокруг Москвы.

4 ноября. День народного единства (день воинской славы России)

4 ноября, день Казанской иконы Божией Матери, с 2005 года отмечается как День народного единства.

Мало кто знает, что еще в 1649 году указом царя Алексея Михайловича день Казанской иконы Божией Матери был объявлен государственным праздником. Кроме того, в начале 20 века 8 мая по старому стилю вспоминали Кузьму Минина, которого еще Петр I назвал «спасителем Отечества». Позже, из-за революции 1917 года и последующих за ней событий, традиция отмечать освобождение Москвы от польско-литовских интервентов и день кончины Кузьмы Минина прервалась.

7 ноября. День проведения военного парада на Красной площади в городе Москве в ознаменование двадцать четвертой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции (день воинской славы России)

Проведение в 1941 году, в самые трудные для страны дни войны, военного парада на Красной площади имело большое военно-поли-

тическое значение, оказало моральное воздействие на боевой дух войск, способствовало эмоциональному подъему и укреплению веры в окончательную победу у народов страны. По силе влияния на ход дальнейших событий этот парад приравнивают к важнейшим военным операциям Великой Отечественной войны.

1 декабря. День победы русской эскадры под командованием П.С. Нахимова над турецкой эскадрой у мыса Синоп (день воинской славы России)

Сражение у мыса Синоп было одним из первых сражений Крымской войны. Русская армия и флот имели ощутимое преимущество над слабеющей Османской империей. Эскадра П.С. Нахимова заблокировала в Синопской бухте турецкий флот под командованием Осман-паши. После битвы, длившейся четыре с половиной часа, были уничтожены 15 из 16 турецких кораблей — только одному удалось спастись бегством.

9 декабря. День Героев Отечества (памятная дата)

Эта дата приурочена к значительному событию эпохи правления императрицы Екатерины II: в 1769 году она учредила орден Святого Георгия Победоносца. Этим орденом награждались воины, проявившие в бою доблесть, отвагу и смелость.

Орден Святого Георгия имел 4 степени отличия, из которых первая была наивысшей. Известно, что кавалерами всех четырех степеней стали 4 человека, среди которых великие русские полководцы М.И. Кутузов и М.Б. Барклай-де-Толли. Екатерина II удостоила и себя этой награды в честь учреждения ордена.

До 1917 года 9 декабря в России отмечался праздник георгиевских кавалеров. После Октябрьской революции 1917 года орден был упразднен.

Статус высшей военной награды был возвращен ордену в 2000 году.

12 декабря. День Конституции Российской Федерации (государственный праздник, памятная дата)

12 декабря 1993 года на референдуме была принята Конституция Российской Федерации. Полный текст Конституции был опубликован в «Российской газете» 25 декабря 1993 года, и с тех пор День Конституции является одним из самых значимых государственных праздников России. Конституция — основной закон государства — является ядром всей правовой системы России и определяет смысл и содержание других законов.

24 декабря. День взятия турецкой крепости Измаил русскими войсками под командованием А.В. Суворова (день воинской славы России)

Особое значение в ходе русско-турецкой войны 1787—1791 гг. имело взятие Измаила, цитадели турецкого владения на Дунае. Крепость была построена под руководством немец-

ких и французских инженеров в соответствии с новейшими требованиями фортификации. С юга ее защищал Дунай, имеющий здесь ширину в полкилометра. Вокруг крепостных стен был вырыт ров шириной 12 метров и глубиной от 6 до 10 метров, в некоторых местах рва стояла вода глубиной до 2 метров. Внутри города имелось множество каменных построек, удобных для обороны. Гарнизон крепости насчитывал 35 тысяч человек и 265 орудий.

В ноябре 1790 года русские войска начали осаду Измаила. Две попытки взять крепость окончились неудачно. И тогда главнокомандующий русской армией генерал-фельдмаршал Г.А. Потемкин поручил взятие неприступной крепости А.В. Суворову. Началась усиленная подготовка к штурму.

Стремясь избежать кровопролития, Суворов направил коменданту Измаила ультиматум о сдаче крепости, на что последовал ответ: «Скорее небо обрушится на землю и Дунай потечет вверх, чем сдастся Измаил».

Умелое руководство Суворова и его соратников, отвага солдат и офицеров решили исход боя, продолжавшегося 9 часов. Турки оборонялись упорно, но Измаил был взят. Неприятель потерял 26 тысяч убитыми и 9 тысяч пленными. Было захвачено 265 орудий, 42 судна, 345 знамен. Суворов указал в рапорте потери русской армии в 1815 человек убитыми и 2455 ранеными.

Примечательно, что Измаил был взят армией, уступавшей по численности гарнизону крепости. Это чрезвычайно редкий случай в истории военного искусства. Успех был обеспечен тщательностью и скрытностью подготовки, внезапностью действий и одновременностью удара всех колонн, ясной и точной постановкой целей. Взятие Измаила спо-

собствовало быстрому и успешному окончанию войны с Турцией, однако по Ясскому договору (1791) Измаил был возвращен неприятелю.

Екатерина II повелела выбить медаль в честь А. В. Суворова за взятие Измаила и учредила офицерский золотой крест с надписью «За отменную храбрость» — для награждения за подвиги, совершенные при штурме Измаила.

Очевидно, что патриотическое воспитание будет результативным при соблюдении некоторых условий [2]. Во-первых, когда оно осуществляется в комплексе с другими важнейшими направлениями воспитательной работы — идейно-политическим, воинским, нравственным, физическим. Во-вторых, когда представляют собой систему. В-третьих, когда в основу обучения и воспитания положены принципы активного, развивающего обучения. Именно проблемное обучение позволяет одновременно активизировать мышление курсантов, формировать их эмоциональный мир. Активные методы обучения являются эффективным средством формирования убеждений, а именно убеждения определяют социальное лицо личности, ее поведение и деятельность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Калюжный А.С. Общее содержание воспитания военнослужащих. — Н.Новгород: НГТУ, 2004. — 38 с.
2. Аббасов А.М., Бакович М.Н. и др. Государственно-патриотическое воспитание военнослужащих в военном вузе. — Воронеж, 2009. — 185 с.
3. Дьяков Д. Прыжок в бездну. Как Воронеж вступил во Вторую мировую войну // Воронежский курьер. — 2010. — 16 января. — С. 4.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ СТАТЬИ:

Власова Надежда Александровна. Преподаватель кафедры русского языка. Кандидат филологических наук.

Военный авиационный инженерный университет (г. Воронеж).

E-mail: nad.vlasova@mail.ru

Россия, 394064, г. Воронеж, ул. Ст. Большевиков, 54а.

Vlasova Nadezhda Aleksandrovna. Lecturer of the chair of Russian Language. Candidate of philological sciences.

Military Aviation Engineering University (Voronezh).

Work address: Russia, 394064, Voronezh, St. Bolshevikov str., 54a.

Ключевые слова к статье: патриотизм; патриотическое воспитание; активные методы обучения.

Key words: patriotism; patriotic education; active methods of teaching.

УДК 355.233:811.161.1



Джоган А.В.,
Управление социальной защиты
населения Воронежской области

СПЕЦИФИКА НАУЧНОГО И РЕЛИГИОЗНОГО ЯЗЫКА В КОНТЕКСТЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

SPECIFIC SCIENTIFIC AND RELIGIOUS LANGUAGE IN THE CONTEXT OF NATIVE PHILOSOPHY

В статье рассматривается специфика языка русской философии. Обосновывается идея о том, что ни язык научной философии, корнящийся в традициях западноевропейской схоластики, ни язык религиозной философии, выполняющий апологетические функции по отношению к Церкви, не являются аутентичными языками, выражающими специфику национальной философской ментальности России. Делается вывод о том, что нравственная философия является наиболее органичной философской традицией, адекватной национальной специфике России, находящейся в литературе наиболее полное выражение.

The article considers the specific language of Russian philosophy. Substantiates the idea that neither the language of scientific philosophy, rooted in the traditions of Western scholasticism, nor the language of religious philosophy, apologetics performing functions in relation to the Church, are not authentic language, is specific national philosophical mentality of Russia. Concludes that moral philosophy is the most organic philosophical tradition, an adequate national context of Russia, located in the literature, the most complete expression.

Исследователи, считающие, что начало русской философии датируется XVIII-XIX вв., по преимуществу имеют в виду традиции научной философии. Научная философия, прежде всего, строится по типу науки. Философ в таком случае не просто провозглашает какой-либо гносеологический или онтологический принцип, но убеждает себя и других в необходимости его соблюдения. Убеждает не эмоциональным воздействием, а доказательством истинности своих рассуждений. Критерии научности в данном случае служат критериями истинности.

Мы считаем, что не совсем верно начинать отсчет русской философии с XIX века. В этот период появилась не сама философия, но был поставлен *вопрос о русской философии*, сопровождавшийся вопросами о ее наличии и самобытности. Это принципиальное различие: в девятнадцатом веке произошло не пробуждение русской мысли как таковой, по словам Г.В. Флоровского, но произошло *появление рефлексии над*

своей многовековой традицией, в которой одни мыслители не увидели совершенно ничего, другие увидели слишком много. Конечно, появление рефлексии над самобытностью отечественной культуры произошло в результате встречи с Западом, с западной культурой и философией. Одним из первых русских мыслителей, поставивших вопрос о самостоятельности русской культуры и философии, был П.Я. Чаадаев. Он в довольно острой форме сформулировал свои провокационные вопросы, которые сильнейшим образом стимулировали общественно-философскую мысль.

Рассмотрим воззрения некоторых авторов того периода, которые усмотрели в русской традиции отсутствие предпосылок для развития теоретической философии.

Наиболее показательными в этом смысле являются слова А.С. Пушкина, сказанные им в отзыве на статью А.А. Бестужева (Марлинского) по поводу русской словесности 1923 г. Пушкин

пишет: «У нас нет ни словесности, ни книг, все наши знания, все наши понятия с младенчества почерпнули мы в книгах иностранных, мы привыкли мыслить на чужом языке... ученость, политика и философия еще по-русски не изъяснялись — метафизического языка у нас вовсе не существует» [1].

Один из первых русских Любомудров, поэт и философ Д.В. Веневитинов в статье 1826 г. «О состоянии просвещения в России» высказал ряд положений, ставших хрестоматийными. Примечательно то, что эта статья была написана до «Философических писем» Чаадаева. Приведем некоторые размышления Д.В. Веневитинова. Философ высказывает классические мысли о несамостоятельном характере русской культуры. Главная причина в заемном характере русской культуры и отсутствии в ней мыслительной (т. е. философской) деятельности. Веневитинов пишет: «Началом и причиной наших успехов в просвещении была та самая быстрота, с которою Россия приняла наружную форму образованности и воздвигла мнимое здание литературы без всякого основания, без всякого напряжения внутренней силы» [2].

Десятилетием позже, в 1836 г., Н.И. Надеждин публикует свою известную статью «Европеизм и народность в отношении к русской словесности». В этой статье дана развернутая критика нашей литературы, которая находится в «состоянии чужаждства и пустоцвета». Главная причина та, на которую указывал и Веневитинов, — подражательность [3].

На несамостоятельный характер профессиональной университетской философии указывают современные исследователи. Описывая ситуацию философии в российском университете к концу XIX — началу XX века, Н.Г. Баранец отмечает: «За достаточно короткий срок преподавателям философии удалось поднять преподавание философии на высокий профессиональный уровень, но в концептуальном плане их диссертации и научные работы не отличались оригинальностью и зависели от ведущих европейских направлений» [4]. Одним словом, практически все сферы государственной и культурной жизни поражены чужим языком. Значит ли это, что в русской культуре не было языка, адекватного запросам времени? И значит ли это, что не было философского языка, адекватного запросам человеческого духа?

Для этого нужно обратиться к культуре XVIII века, когда начались непростые и болезненные процессы секуляризации. Именно в этот период и произошло столкновение *двух языков философии*; с одной стороны, был язык духовной культуры, невербальный язык, язык «умозрения в красках», идущий из глубины исихастской традиции, на котором выражалось традиционное философское мирозерцание, с другой стороны, появился новый западноевропейский язык рационалистической философии, ознаменовавший наступление секуляризации. Иными словами, произошло столкновение *языка национальной*

философской традиции и языка научной философии. Столкновение этих языков и породило главный идейный конфликт, вылившийся в противостояние сторонников самобытности отечественной культуры и ее противников.

Научная философия базируется на двух рационалистических источниках: на схоластике и позитивизме. Ни то, ни другое не имело никаких существенных предпосылок в традициях отечественной культуры. Понятийный аппарат схоластики основывается на философском языке латыни, который не имел хождения в России. Понятийный аппарат позитивистской философии строится на базе классической науки, по принципу науки. И это обстоятельство не соответствует культурной ситуации в России, поскольку наука здесь появилась позже, чем на Западе, и она не могла стать основой философии.

В области религиозной философии русская мысль, безусловно, достигла больших свершений, нежели в русле научной философии. Это признавали и признают многие исследователи русской философии [5]. Александр Мень говорит о русской религиозной философии XX в. как об «оригинальной», «неповторимой», которая «до сих пор удивляет мир» [6].

Очевидна многогранность и всеохватность русской религиозной философии, ее универсализм, стремление постичь сокровенный смысл человеческого и вселенского бытия. Вопросы смысла истории переключаются с вопросами о смысле отдельной человеческой жизни. Это есть характерная особенность религиозной философии, отразившаяся на особом *языке*, в котором сочетаются и богословские, и историософские, и научные понятия, переплавляясь в особый универсалистский стиль.

Главное здесь то, что религиозная философия вырабатывает *язык*, адекватный духовным запросам своих современников. Это происходит благодаря *универсализму этого языка*, который поднимается до высот человеческого духа. Примечательно то, что не только для России язык русской религиозной философии оказался приемлемым, как отмечает Н. Зернов, но и для мировой культуры, которую русское религиозное возрождение обогатило благодаря русской эмиграции. В этом — духовно-культурная миссия эмиграции, сумевшей преодолеть традиционный разрыв между отечественной и западной культурами.

Итак, можно сказать, основные философские идеи русской религиозной философии носят *эсхатологический* характер, связанный с идеей *преображения*. Это накладывает отпечаток на особую стилистику, сочетающую традиционные богословские понятия, библейскую лексику, терминологию гуманитарных наук в широком диапазоне, а также наработки классической рационалистической философии. При этом необходимо иметь в виду, что при всем универсализме религиозной философии,

при всей ее глубине эта философия возникает в результате осмысления духовного опыта веры прежде всего. Религиозное миропонимание, религиозное мироощущение являются основной темой этой философии. И здесь она достигает больших результатов. Но именно здесь заключено ее ограничение, поскольку само религиозное мировоззрение не является универсальным и требует философского оправдания и осмысления.

Являясь важными сферами духовной культуры религия и наука не могут подменить и подчинить себе философию. Язык научной философии, основываясь на исключительно эмпирическом опыте, стремится описать наличную действительность, исключив всякие проявления трансцендентного начала. Религиозная философия, напротив, живет преимущественно трансцендентным. И в этом ее преимущество перед наукой.

Итак, можно сделать выводы. Научная философия основывается на схоластике и позитивизме, которые не имели значительных традиций в России. Заимствованный и подражательный характер русская культура имела в сфере рационалистических традиций западной философии и культуры. Однако антигносеологическая природа отечественной философской ментальности привела к тому, что и в дальнейшем на поприще рационализма русская философия не добилась значительных успехов, уступив свое место появившейся религиозной философии, которая добилась в малый срок значительных успехов.

При этом необходимо отметить, что русская религиозная философия по преимуществу является философией, осмысляющей церковный, то есть русско-православный духовный опыт, и в этом плане она не является в полной мере свободной философией, исходящей из собственно философ-

ских задач. В этом смысле понятие «нравственная философия, включающая и традиции религиозной» является более объемным понятием и в большей степени соответствует реальной философской традиции в России. Однако нравственная философия требует *своего языка*, для ее нужд не подходит язык научной и религиозной философии, поскольку *научность* присутствует и в той, и в другой. В этом плане необходимо говорить о языке, адекватном запросам нравственной философии. Таким языком явился *язык русской литературы*, который может быть рассмотрен как специфический язык нравственной философии, присущей отечественной культуре.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ванчугов В.В. Очерк истории философии «самобытно-русской». — М.: ПИЛИГРИМ, 1994. — С. 30.
2. Веневитинов Д.В. О состоянии просвещения в России // Стихотворения. Проза. Письма. — Воронеж: Центр.-Черноземн. кн. изд-во, 1985. — С. 198.
3. Надеждин Н.И. Европеизм и народность, в отношении к русской словесности // Литературная критика. Эстетика. — М.: Худ. лит., 1972. — С. 396.
4. Баранец Н.Г. Метаморфозы этоса российского философского сообщества в XIX — начале XX века: в 2 ч. Ч.1. — Ульяновск: УлГУ, 2007. — С. 248.
5. Усачев А.В. Проблема онтологического статуса религиозного компонента русской философии конца XIX — первой половины XX века: дис. ... д-ра филос. наук. — М., 2008. — 398 с.
6. Мень А. Русская религиозная философия: лекции. — М.: Жизнь с Богом, 2008. — С. 8, 10.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ СТАТЬИ:

Джоган Андрей Васильевич. Начальник отдела.
Управление социальной защиты населения Воронежской области.
E-mail: 3dab2008@mail.ru
Россия, 394045, г. Воронеж, ул. Ворошилова, 14. Тел. (473) 277-02-36.

Joghan Andrey Vasilevich. Head of the regional government agency.
Office of Social Protection of the Voronezh region.
Work address: Russia, 394045, Voronezh, Voroshilov str., 14. Tel. (473) 277-02-36.

Ключевые слова к статье: наука; религия; философия; русская философия; национальная традиция; философская ментальность; нравственная философия; литература; этика.

Key words: science; religion, philosophy; Russian philosophy; national tradition; a philosophical mentality; moral philosophy; literature and ethics.

ББК 74.78

М.А. Сибирко



ФОРМИРОВАНИЕ МОРАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ КУРСАНТОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ ВУЗА МВД

FORMATION OF MORAL-PSYCHOLOGICAL STABILITY OF CADETS IN EDUCATIONAL PROCESS OF HIGH SCHOOL OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS

Формирование морально-психологической устойчивости курсантов представляет единство внутренне детерминированного процесса личностно-профессионального развития и внешне детерминированного учебно-воспитательного процесса. Наиболее эффективным методом проведения практико-ориентированных занятий по формированию морально-психологической устойчивости курсантов является метод ситуативного морального выбора.

Formation of moral-psychological stability of cadets is the unity of internally determined process the personal and professional development and externally deterministic of teaching and educational process. The most effective method of practice-oriented training on the formation of moral-psychological stability of cadets is a method of situational moral choice.

Усложняющиеся содержание, формы и методы деятельности сотрудников реформируемых органов внутренних дел усиливают требования не только к их профессиональной подготовке, но и к формированию их моральных и личностных качеств, одним из которых выступает морально-психологическая устойчивость сотрудников. Формирование морально-психологической устойчивости специалистов органов внутренних дел осуществляется в период обучения курсантов в образовательном учреждении МВД, где необходимо создать стройную педагогическую систему морально-психологической подготовки, обеспечивающую подготовку высококвалифицированных специалистов, отличающихся личностной зрелостью и сформировавшимся профессиональным мастерством, которые позволят находить оптимальные решения в различных служебных ситуациях, в том числе и экстремальных.

Проблемы разработки педагогической системы морально-психологической подготовки курсантов, обеспечивающей формирование морально-психологической устойчивости будущих специалистов органов внутренних дел на достаточно высоком уровне, обусловлены растущими требованиями к профессиональной деятельности специалистов. По мнению исследователей — ученых и практиков, профессионализм сотрудника во многом определяется степенью усвоения им эталонных моральных требований к оперативно-служебной деятельности, а также уровнем развития его личностных качеств, необходимых для эффективного исполнения должностных обязанностей. Важно отметить, что одним из важнейших направлений кадровой политики в органах внутренних дел МВД России является определение основных путей и методов совершенствования всей системы кадровой работы через повышение уровня профес-

сионализма сотрудников полиции, т.к. именно уровень профессионализма и компетентности, морально-психологическая подготовленность определяют эффективность их деятельности. Не случайно руководство МВД России ставит во главу угла Концепции кадровой политики именно эти приоритеты.

Профессиональная деятельность специалистов органов внутренних дел зачастую осуществляется в экстремальных условиях, когда от них требуется не только способность применять на практике приобретенные знания, умения и навыки, но и способность мобилизовать физические, психофизиологические резервы, готовность к четким и грамотным высокопрофессиональным действиям, нередко связанным с риском и опасностью для жизни и здоровья.

Однако в настоящее время обостряется противоречие между требованиями к высокому профессионализму сотрудников органов внутренних дел и недостаточной подготовленностью выпускников вузов МВД к действиям в экстремальных ситуациях, в частности — недостаточный уровень их морально-психологической устойчивости. Анализ действий сотрудников органов внутренних дел в экстремальных ситуациях показывает, что в некоторых случаях имеет место нерешительность сотрудников при выполнении правоохранительных действий, неумение быстро ориентироваться в экстремальных ситуациях и действовать тактически грамотно.

Под морально-психологической устойчивостью сотрудника органов внутренних дел будем понимать систему его личностных качеств (знаний, умений, навыков, взглядов, убеждений, мотивов, установок, черт характера и др.), определяющих способность сотрудника сохранять высокую функциональную активность и успешно выполнять поставленные задачи в любых, в том числе экстремальных, условиях. Морально-психологическая устойчивость находит выражение в морально-психологическом состоянии сотрудника — динамическом проявлении его нравственных качеств и психологических свойств личности, выражающемся в его отношении к реальной действительности, степени служебной активности, уровне готовности и способности решать задачи профессиональной правоохранительной деятельности.

Целью формирования морально-психологической устойчивости курсантов в период их обучения в ведомственном образовательном учреждении становится развитие у будущих специалистов органов внутренних дел морально-психологической подготовленности как необходимой составляющей профессиональной компетентности, выражающейся в ее соответствии моральным требованиям правоохранительной

деятельности, в наличии у них потребности и умения соразмерять и осуществлять свою деятельность по высоким моральным критериям. Морально-психологическая подготовленность включает в себя морально-психологические знания, взгляды, убеждения (моральное сознание), морально-психологические мотивы, умения, навыки и морально-психологические качества. Она выступает личностной гарантией постоянного, неуклонного и умелого соблюдения сотрудниками органов внутренних дел всех моральных требований в любой, в том числе и экстремальной, обстановке. Это важная характеристика профессионального и личностного развития специалиста органов внутренних дел, его сознания, психологии, общей и профессиональной культуры.

Эффективное формирование морально-психологической устойчивости курсантов требует его организации как целостного образовательного процесса, разработки всех его системных элементов: целей, задач, программ, направлений, условий, организации, форм, методического и материально-технического обеспечения, способов контроля и оценки.

В основу формирования морально-психологической устойчивости курсантов в образовательном процессе ведомственного вуза должны быть положены следующие положения:

1) решение задач правоохранительной деятельности сотрудники органов внутренних дел призваны осуществлять в условиях стремления российского общества к построению современного цивилизованного, правового государства;

2) необходимы формирование высококонрастного и культурного отношения к гражданам, обучение этике общения и поведения при решении профессиональных задач; профилактика неуважения к гражданам, нарушения их прав, проявлений неадекватности, неправомерного применения силовых методов;

3) особенно важное значение приобретает развитие морального сознания курсантов, их морально-психологических качеств, навыков, умений и привычек морально зрелого решения вопросов; профилактика злоупотреблений служебным положением, нарушений законности, коррупции;

4) формирование морально-психологической устойчивости применительно к решению задач профессиональной деятельности должно сопровождаться формированием морально-психологических качеств и привычек высококонрастного и культурного поведения в быту, в личной жизни, в проявлениях высокой требовательности к себе, неустанной работы над собой.

Применительно к формированию морально-психологической устойчивости курсантов в образовательном процессе ведомственного вуза особое значение приобретает его рассмот-

рение в единстве трех развернутых во времени процессов — обучения, воспитания и личностно-профессионального развития курсантов. При этом, руководствуясь теоретическими положениями, обоснованными А.В. Белошицким и И.Ф. Бережной, можно утверждать, что процесс личностно-профессионального развития внутренне детерминирован, а внешним по отношению к личности является процесс обучения и воспитания [1. — С.61]. Личностно-профессиональное развитие курсанта в образовательном процессе ведомственного вуза основано на самопознании курсанта, самооценке своих способностей и опыте субъективной деятельности и связано с готовностью к обучению и воспитанию.

Личностно-профессиональное развитие курсанта представляет противоречивое переплетение двух взаимосвязанных процессов — развития личности курсанта и его профессионального развития.

Развитие личности — внутренне детерминированный процесс актуализации личностью своих потенциалов, формирования и совершенствования свойств, преобразуемых в дальнейшем в личностно, профессионально и социально значимые качества. В основе этого процесса — собственная активность курсанта, реализующаяся с учетом внешних условий. Протекающее во взаимосвязи с развитием личности курсанта профессиональное развитие — это процесс и результат повышения уровня самоорганизации курсанта, его самоутверждения и самореализации в учебно-воспитательном процессе вуза, средство и условие формирования профессионально значимых качеств курсанта. В профессиональном развитии курсанта реализуются его потребности, мотивы, цели и задачи, оно осуществляется на основе реализации собственной активности курсанта, направленной на усвоение знаний, приобретение профессиональных умений и навыков во взаимодействии с другими участниками образовательной деятельности.

Личностно-профессиональное развитие курсантов, рассматриваемое как процесс их самоорганизации средствами своих внутренних ресурсов, становится возможным только при наличии определенной внешней организации, которая в ведомственном образовательном учреждении обеспечивается в учебно-воспитательном процессе во взаимодействии с иными субъектами образовательной деятельности. При этом механизмами внешнего воздействия на формирование личностно-профессиональных качеств курсантов, одним из которых является морально-психологическая устойчивость, являются обучение и воспитание. Это социально детерминированные механизмы целенаправленного управления процессом формирования личностно-

профессиональных качеств курсантов. Именно обучение и воспитание актуализируют личностный потенциал курсанта, являясь внешней причиной формирования его личностно-профессиональных качеств.

Обучение, согласно утвердившейся в современной педагогике позиции, представляет расширение возможностей развития личности, такое управление ее развитием, при котором осуществляется целенаправленное влияние на развитие личности, а не воздействие на личность. Как утверждает Б.Б. Коссов, существует процесс развития личности, который регулируется, корректируется, обогащается, ориентируется педагогически организованными деятельностями и общением (индивидуальными, групповыми, коллективными, массовыми), и это и есть обучение [2. — С.36].

Воспитание в ведомственном образовательном учреждении — это процесс целенаправленного, организованного взаимодействия и воздействия должностных лиц командного и профессорско-преподавательского состава, а также курсантов на их сознание, чувства, волю в целях формирования у них высоких морально-психологических и профессиональных качеств, развития и совершенствования духовных и физических сил.

Содержание обучения и воспитания курсантов в целях обеспечения высокого уровня сформированности их морально-психологической устойчивости находит отражение в тематических планах и содержании занятий. В наиболее общем виде в содержании обучения и воспитания можно выделить следующие направления: человек, общество, мораль; право и мораль; моральные вопросы профессионального долга сотрудника органов внутренних дел; морально-психологические аспекты решения профессиональных задач; морально-психологические аспекты общения и взаимоотношений сотрудника с гражданами; морально-психологические вопросы поведения сотрудника в коллективе; морально-психологические особенности действий сотрудника в экстремальных условиях; морально-психологические основы поведения сотрудника в быту, основы здорового образа жизни; вопросы морали в работе сотрудника над собой.

Формирование морально-психологической устойчивости, имея общую основу для всего личного состава, дифференцируется соответственно необходимости решения конкретных задач, образуя разные виды морально-психологической подготовки. Так, по времени проведения различают предварительную (проводимую заблаговременно, длительно, основательно) и непосредственную (проводимую непосредственно перед выполнением определенного задания) подготовку. Непосредственная

подготовка должна проводиться избирательно, с максимальным учетом конкретных особенностей предстоящих действий. Различаются формы, методы и средства морально-психологической подготовки соответственно тем конкретным задачам, которые предстоит решать будущим специалистам органов внутренних дел — общение с населением, действия в чрезвычайных обстоятельствах и др. Неодинаковой должна быть морально-психологическая подготовка сотрудников криминальной полиции, специальных отрядов, участковых инспекторов, специалистов подразделений по делам несовершеннолетних и др.

В связи с тем, что выпускники образовательных учреждений МВД на определенных этапах несения службы становятся руководителями, уже в период обучения в ведомственном вузе в процессе морально-психологической подготовки полезно в ее содержание включить следующие вопросы: значение и сущность морально-психологической подготовленности руководителя; особенности формирования у подчиненных моральных убеждений, установок, ориентации, привычек и иных личностных качеств; морально-психологические факторы в управленческой деятельности руководителя; морально-психологическое влияние на деятельность сотрудников особенностей личности руководителя, стиля и методов управленческой деятельности, принимаемых решений; особенности морально-психологической подготовки подчиненных к решению различных задач и к действиям в экстремальных ситуациях.

Осуществляя подготовку курсантов к действиям в экстремальных ситуациях, следуя требованиям Приказа МВД РФ №80 от 11 февраля 2010г. «О морально-психологическом обеспечении оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел Российской Федерации» [3], важно ориентировать процесс обучения и воспитания на решение следующих специфических для образовательных учреждений МВД задач:

- знание курсантами требований федеральных законов, указов Президента РФ и постановлений Правительства РФ, нормативных правовых актов МВД России, определяющих содержание действий органов внутренних дел при чрезвычайных обстоятельствах;

- формирование у каждого курсанта высокого морального духа, осознанного понимания социальной значимости участия в выполнении задач при чрезвычайных обстоятельствах;

- актуализацию у каждого курсанта таких морально-психологических и профессиональных качеств, как бдительность, стойкость, смелость, мужество, собранность, внимание, выносливость, разумная инициатива, находчивость, решительность, ответственность за соблюдение

требований служебной дисциплины и законности, чувство взаимопомощи, взаимовыручки, готовности к самопожертвованию во имя защиты прав и свобод человека и гражданина, защиты Отечества и др.

Особое значение для эффективного формирования морально-психологической устойчивости курсантов в образовательном процессе вуза МВД имеет практическая ориентация проведения занятий. Эффективному достижению цели формирования морально-психологической устойчивости при проведении практико-ориентированных занятий способствуют следующие характеристики методики их проведения:

- диалогичность в процессе обмена мнениями, суждениями, доказательствами, свобода высказывания каждым курсантом любых аргументированных мнений и суждений;

- правдивость и искренность и преподавателей (воспитателей), и курсантов в обсуждении всех вопросов, недопущение недомолвок, ухода от обсуждения острых вопросов и проблем, поиск честных и морально значимых ответов;

- коллективный поиск всесторонне взвешенных и морально аргументированных решений, оценок применительно к обсуждаемым конкретным событиям и обстоятельствам, анализ и оценка конкретных поступков с точки зрения морали;

- анализ ближайших и отдаленных морально-психологических последствий различных действий, поступков, решений, оценка их влияния на поведение граждан, коллег по службе, перспективы несения службы;

- обсуждение путей укрепления морально-психологического климата в коллективе, улучшения взаимоотношений между его членами (например, курсантами учебного взвода), совместный поиск ответов на вопросы, связанные с недостаточным моральным уровнем отдельных членов коллектива, аморальными проявлениями в их поведении.

Формирование морально-психологической устойчивости курсантов в образовательном процессе ведомственного вуза происходит в том числе и на учебных занятиях, где могут использоваться различные методы обучения, соответствующие целям, задачам и особенностям изучения конкретной дисциплины. Однако наиболее эффективным, по нашему мнению, является такой специфический метод, как метод ситуативного морального выбора, суть которого находим в работе С.Н. Мамонтовой [4]: курсантам предлагается заранее подготовленная ситуация, характерная наличием выраженного морального аспекта, на основе анализа которой им необходимо выбрать и обосновать варианты поведения ее участников в соответствии с требованиями морали. Подбирать ситуации необ-

ходимо так, чтобы они имели непосредственное отношение к профессиональной правоохранительной деятельности, возможно, только что произошли или могут произойти в будущем; чтобы они характеризовались достаточно выраженным и доступным пониманию курсантов моральным аспектом, но при этом не содержали правильных оценок поступков и действий участвующих в ситуации субъектов. Ситуация, вопросы и ответы на них должны обсуждаться коллективно, курсанты должны совместно прийти к общим оценкам и выводам. Ценность этого метода определяется тем, что с его использованием у курсантов формируются социально значимые морально-психологические установки, навыки и умения нравственного поведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белошицкий А.В., Бережная И.В. Становление субъектности студентов в образовательном процессе вуза // Педагогика. — 2006. — №5. — С.60—66.
2. Коссов Б.Б. Личность: теория, диагностика и развитие. — М.: Акад.проект, 2000. — 240с.
3. О морально-психологическом обеспечении оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел Российской Федерации: Приказ МВД РФ от 11.02.2010г. №80 // Рос. газ. —2011. — 11 февр.
4. Мамонтова С.Н. Прикладная юридическая психология [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.i-u.ru/biblio/archive/mamontova_prikladnaja/03.aspx

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ СТАТЬИ:

Сибирко Михаил Анатольевич. Заместитель начальника кафедры огневой подготовки.

Воронежский институт МВД России.

E-mail: msibirko@yandex.ru

Россия, 394065, Воронеж, проспект Патриотов, 53. Тел. (473) 2623397.

Sibirko Michail Anatolyevich. Deputy chief of the chair of fire training.

Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53.

Tel. (473) 262-33-97.

Ключевые слова к статье: формирование морально-психологической устойчивости; метод ситуативного морального выбора.

Key words: formation of moral-psychological stability; the method of situational moral choice.

ББК 74.58



С.В. Могильниченко,
Воронежский институт
ГПС МЧС России

ПРИМЕНЕНИЕ АДАПТИВНЫХ АВТОМАТИЧЕСКИХ ОБУЧАЮЩИХ СИСТЕМ (АОС) ПРИ ОРГАНИЗАЦИИ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ВИ ГПС МЧС РОССИИ

AN APPLICATION OF ELECTRONIC TEACHING SYSTEMS IN THE ORGANIZATION OF FOREIGN LANGUAGE TEACHING AT THE VORONEZH INSTITUTE OF SFS OF EMERCOM OF RUSSIA

Рассматривается специфика иноязычной подготовки курсантов в учебных заведениях системы МЧС. Исследование показывает, что противоречие между интенсификацией учебного процесса по иностранным языкам и уровнем индивидуализации может быть преодолено при активном использовании адаптивных АОС, обладающих возможностью автоматизации дидактической базы данных.

The article is devoted to the problem of individual approach to teaching foreign languages in special educational institutions of EMERCOM. Contradiction between intensification of teaching process and its level could be reached by using Electronic Teaching Systems for English teaching having an opportunity of didactic data automation.

Специфика деятельности специалистов МЧС заключается в интеграции знаний и умений различных направлений профессиональной деятельности. Иностранный язык, интегрируя с другими научными областями знаний, является мощным инструментом гуманизации технического образования и выступает как средство приобретения знаний по выбранному направлению профессиональной деятельности, необходимых для их дальнейшего использования.

Конкурентоспособность современного специалиста определяется не только его высокой квалификацией в профессиональной сфере, но и готовностью решать профессиональные задачи в условиях иноязычной коммуникации. Важную роль в этом сыграла возросшая интеграция структур МЧС в соответствующие международные структуры.

Активное участие личного состава МЧС России в международных проектах и операциях позволяет сделать вывод, что иноязычное общение становится существенным компонентом профессиональной деятельности специалистов пожарной безопасности, а роль дисциплины «Иностранный язык» в учебных заведениях МЧС значительно возрастает, существенно мотивируя учебный процесс [1, с. 5].

От технических учебных заведений требуется подготовка специалистов, владеющих иностранным языком и способных к профессиональной коммуникации. Так как учебный процесс в учебных заведениях системы МЧС протекает вне языковой среды и на пути принятия, усвоения и использования иноязычной информации возникает психологически обусловленный коммуникативный барьер, акту-

альной становится проблема разработки альтернативных методик обучения с учетом индивидуальных способностей и потребностей обучаемых.

Эту задачу можно решить, используя современные методы и технологии обучения, например при сочетании блочно-модульного и программированного обучения с активным использованием средств информационных технологий в качестве инструментария учебного процесса, но при обязательном активном участии преподавательского состава.

Активное включение современных информационных технологий в образовательный процесс создает реальные возможности повышения качества образования и уровня владения иностранным языком [2, с. 81].

Так как коммуникативные потребности специалиста при использовании иностранного языка носят прагматический характер, то весь процесс обучения должен быть профессионально ориентирован. Это, в свою очередь:

1) требует интеграции с профилирующими дисциплинами, разными на разных этапах обучения;

2) ставит перед преподавателями иностранного языка задачу научить будущего специалиста использовать иностранный язык как средство информационной деятельности, пополнения профессиональных знаний, средство общения;

3) использовать новые формы и методы обучения, способные обеспечить формирование необходимых профессиональных качеств будущего специалиста.

К одному из возможных в этом направлении решений можно отнести интенсификацию процесса иноязычной подготовки в сочетании с ее индивидуализацией, которые реализуются на базе автоматизированных обучающих систем (АОС) и технологий обучения на их основе. АОС представляют собой программно-технические комплексы, включающие в себя методическую, учебную и организационную поддержку процесса обучения, проводимого на базе информационных технологий.

Для эффективной самостоятельной аудиторной и внеаудиторной работы обучаемых в компьютерных классах необходимы специальные материалы — программы различных уровней сложности по всем изучаемым темам, снабженные разного типа ключами для обеспечения самокоррекции.

Наиболее отвечающей требованиям методики обучения иностранным языкам в средних профессиональных учебных заведениях военного профиля является адаптивная АОС «Арктур 1» и «Арктур 2», созданная в ВАИУ (г. Воронеж) МО РФ [3, с. 52]. АОС «Арктур» позволя-

ет проводить автоматический анализ введенных текстов, осуществлять формирование тестовых заданий в автоматическом режиме, предоставляет курсантам необходимую справочную информацию по грамматическим конструкциям, а также осуществляет мониторинг результатов тестирования.

Компьютерные программы обучения профессиональному тезаурусу и грамматике при обучении иностранному языку разработаны и используются в учебном процессе в ряде гражданских и военных учебных заведений. Однако на существующий момент только предлагаемая программа «Арктур», разработанная и апробированная на кафедре иностранных языков ВАИУ (г. Воронеж), позволяет автоматически создавать дидактическую базу по предлагаемым шаблонам на основе активного грамматического ядра и профессионального тезауруса, не требуя для этого активной работы преподавателя [4, с. 80]. В средних профессиональных учебных заведениях при изучении иностранного языка АОС «Арктур» может использоваться для следующих целей:

1) теоретической подготовки;

2) наглядной иллюстрации теоретического и практического материала;

3) проведения начального контроля по заданным темам, а при необходимости — теоретического обучения с помощью текстовой и графической информации;

4) основного контроля — индивидуального или в составе группы — для экзамена по результатам обучения.

При создании обучающей программы используется системный подход к обучению, основанный на анализе будущей деятельности обучаемого, генерации соответствующих задач, целей обучения и подборе соответствующего учебно-методического материала.

Для каждой порции учебной дисциплины в системе задано несколько вариантов изложения материала, различающихся по степени подробности, глубине изложения, а также несколько вариантов предлагаемых в конце каждой порции проверочных заданий с различными уровнями сложности. Данная система адаптируется по глубине, степени подробности изложения изучаемого материала и сложности проверочных заданий, что позволяет ей формировать индивидуальную программу обучения.

Учебный процесс по иностранному языку включает в себя совместную творческую деятельность обучающего и обучаемого. Для педагога она заключается в возможности подбора достаточной совокупности профессионально ориентированных текстов, что дает возможность разработки индивидуальных программ на основе АОС с учетом уровней сложности для каждого курсанта. Автоматическая работа

по формированию дидактического материала (учебный материал по новой теме и тексты разного уровня) принадлежит АОС. В результате использования данной модели организации учебной деятельности курсанты овладевают навыками самостоятельной работы; осуществляется индивидуализация и дифференциация по темпу и последовательности презентации учебного материала; обеспечивается оптимальная возможность усвоения программного материала [5, с. 114].

Роль преподавателя в учебном процессе меняется. Он контролирует уровень базовой подготовки и индивидуальный промежуточный уровень владения иноязычными навыками каждого курсанта, мотивирует и организует учебный процесс; консультирует курсантов в процессе их самостоятельной индивидуальной деятельности; контролирует уровень сформированности навыков и умений. По данным индивидуального тестового контроля он корректирует индивидуальную программу каждого курсанта.

Вариативная система заданий и текстов позволяет преподавателю творчески разрабатывать строго индивидуальную программу обучения с учетом данных промежуточного контроля.

Разработанная технология обучения иностранному языку в среднем профессиональном учебном заведении системы МЧС охватывает три вида деятельности курсанта: изучение профессионального тезауруса, изучение грамматики на основе профессионально-ориентированных текстов, формирование навыков аудирования. Формируемая в автоматизированном режиме дидактическая база данных на основе совокупности учебных специальных текстов, с учетом разработанных шаблонов тестов по видам деятельности, решает главную задачу при разработке индивидуальных программ иноязычной подготовки курсантов — снимает с преподавателя рутинную работу по формированию всей дидактической базы данных АОС.

Преподаватель, вооруженный таким инструментарием, способен довести уровень индивидуализации обучения практически до каждого курсанта учебной группы, обеспечив, таким образом, решение главной задачи — формирование у курсантов языковой компетенции в соответствии с требованием Государственного образовательного стандарта.

Во время аудиторной работы на первом этапе курсант участвует в общей работе учебной группы в процессе усвоения и закрепления нового материала.

На втором этапе ему предлагаются упражнения по закреплению нового материала по индивидуальной программе с учетом индивидуально-

го уровня базовой подготовки и усвоения учебного материала (с использованием базовых опорных текстов разных уровней сложности).

На третьем этапе проводится индивидуальный тестовый контроль усвоения нового учебного материала.

Во время самостоятельной подготовки на первом этапе курсант выполняет задания, составленные с учетом итогового тестового контроля, проведенного на аудиторном занятии. На втором этапе ему предлагается пройти тестовый контроль по изученной теме, в соответствии с его уровнем обученности.

Выполняя индивидуальные упражнения на основе базовых опорных текстов разных уровней сложности под управлением АОС, курсанты с разным базовым уровнем владения языком и разным уровнем притязаний достигают программированного уровня успешности обучения вследствие работы по индивидуально разработанным программам и регулярного тестового контроля. Следовательно, реализуется индивидуальная программа обучения, в результате которой личный состав учебной группы достигает требуемого уровня профессиональной компетенции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Квалификационные требования и методические рекомендации по проведению аттестации аварийно-спасательных служб, аварийно-спасательных формирований и спасателей. — Рекомендации МЧС и ГО РФ. — М., 1997. — 12 с.
2. Смольянинова И.А. Информационные и коммуникационные технологии как средство моделирования социокультурного пространства для формирования иноязычной компетенции // Информационные технологии в образовании: сб. тр.: в 6 ч. — Ч.3. — М.: МИФИ, 2001. — С. 81—83.
3. Гладких В.В., Ус О.Н. Математическое моделирование в технологии обучения иностранному языку в военных инженерных вузах // Научно-методический сборник № 50. — М.: Воениздат, 2001. — С.52—58.
4. Петросян Я.В., Ус О.Н., Гладких В.В. Оценка психомоторного состояния обучаемого при работе с автоматизированными обучающими системами // Совершенствование наземного обеспечения авиации: межвуз. сб. научно-методических трудов. Ч. 3. — Воронеж: ВВВАИИ, 2001. — С. 80—83.
5. Могильниченко С.В. Компьютерные технологии — путь к индивидуализации обучения английскому языку в средних специальных учебных заведениях // Вестн. Воронеж. гос. унта. Сер. Лингв. и межкультурная коммуник. — 2007. — №2 (ч.1). — С. 114—116.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ СТАТЬИ:

Могильниченко Светлана Витальевна. Старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин.

Воронежский институт ГПС МЧС России.

E-mail: smog2010@mail.ru

Россия, 394052, Воронеж, ул.Краснознаменная, 231. Тел. 8-910-345-69-10.

Mogilnichenko Svetlana Vitalyevna. Senior lecturer of Humanitarian, Social and Economic Sciences' Chair.

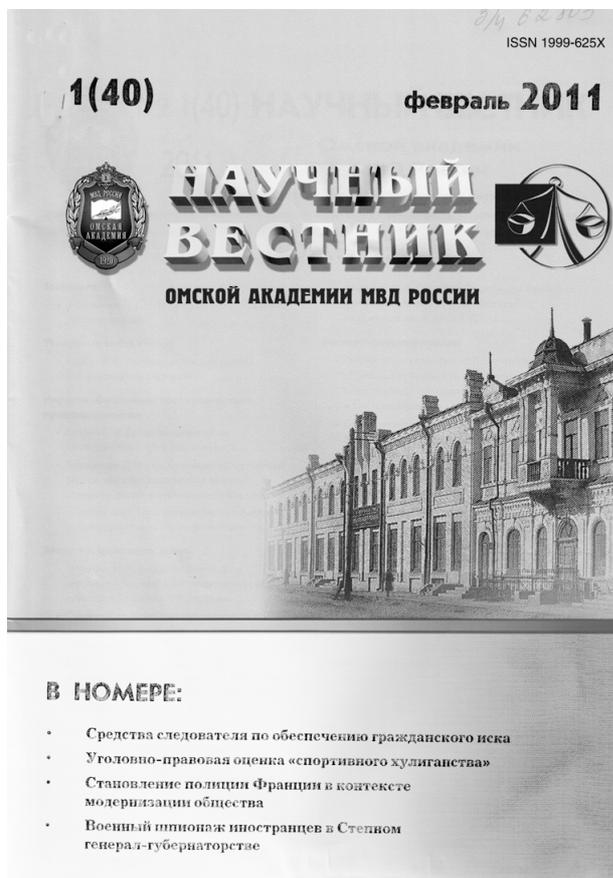
Voronezh Institute of State Firefighting Service of EMERCOM of Russia.

Work address: Russia, 394052, Voronezh, Krasnoznamennaja Str., 231. Tel. 8-910-345-69-10.

Ключевые слова к статье: интенсификация иноязычной подготовки; автоматизированные обучающие системы; индивидуальный подход.

Key words: intensification of teaching foreign languages; electronic teaching systems; individual approach.

УДК 811.111:373.5:004



Научный вестник Омской академии МВД России

Адрес редакции: 644092, Омск, просп. Комарова, 7

Тел.: 30-64-21

E-mail: gsinchenko@rambler.ru

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-25982 от 13.10.06

Подписной индекс по каталогу «Роспечати» - 18630

Приглашаем профессорско-преподавательский состав, адъюнктов, аспирантов и практических работников правоохранительных органов принять участие в опубликовании статей и научных трудов.

ИНСТРУКЦИЯ ПО ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЬИ

И. И. Иванов, П. П. Петров, С.С. Сидоров

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Настоящая инструкция одновременно является примером оформления статьи, подготовленной в «Вестник Воронежского института МВД России». В ней содержатся требования, предъявляемые к форматированию текста, оформлению библиографического описания, а также примеры составления ключевых слов и сведений об авторах¹.

Аннотация на английском языке²

1. Статья представляется в одном экземпляре, заверенном подписью автора(-ов) с обратной стороны первой страницы, отпечатанном на одной стороне листов формата А4 (210x297 мм) на лазерном принтере.

Статья должна быть снабжена аннотациями на русском и английском языках. К статье должна быть приложены сведения об авторах на русском и английском языках с указанием Ф.И.О., места работы (название организации в именительном падеже), занимаемой должности, учёной степени, учёного звания и полного почтового (служебного и домашнего) адреса (*пример см. ниже*), а также **адреса электронной почты**.

Статья должна быть снабжена фотографией автора(-ов) со следующими параметрами: формат — ***.tif**, разрешение не менее **200 dpi** (точек на дюйм), физический размер — **4,5 x 6 см**; иметь в названии файла фамилию автора, *например*: Ivanov.tif.

К статье также прилагается список ключевых слов на русском и английском языках, наиболее полно характеризующий её тематику (*пример см. ниже*). В соответствии с тематикой статьи автором указывается её **УДК**.

Предоставляемая электронная версия статьи в виде файла MS Word в формате ***.doc** должна соответствовать распечатке и включать вышеперечисленные сведения об авторе(-ах) и ключевые слова. Файл должен иметь в названии фамилию автора(-ов), *например*: Ivanov.doc, Ivanov-Petrov.doc.

К статье прилагаются следующие сопроводительные документы:

- 1) выписка из протокола заседания кафедры (при ее наличии по месту работы автора) с рекомендацией к опубликованию;
- 2) экспертное заключение об отсутствии сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати, заверенное гербовой печатью учреждения;
- 3) внешняя (по отношению к месту работы автора) рецензия, подготовленная специалистом, имеющим соответствующую научную квалификацию в данной области, заверенная в установленном порядке.

2. Объём статьи не должен превышать:

¹ Аннотация к статье на русском языке.

² Аннотация на английском языке составляется автором и приводится в обязательном порядке.

- по направлениям «Юриспруденция», «Профессиональная подготовка кадров для органов внутренних дел», «Психология, философия, история органов внутренних дел» — **12 стр.**;

- по направлениям «Радиотехника», «Информационная безопасность» — **9 стр.**

По направлениям «Радиотехника», «Информационные технологии и математическое моделирование» журнал не публикует статей, носящих преимущественно реферативный характер. Статьи обзорного характера могут предоставляться только после предварительного согласования с редакцией.

Статьи по направлениям «Радиотехника», «Информационные технологии и математическое моделирование» должны быть обязательно структурированы, отдельные разделы статей — иметь подзаголовки, в том числе:

- введение, в котором обосновывается актуальность работы (объемом до 1 страницы);

- разделы, в которых описываются полученные результаты и их новизна;

- заключение, содержащее выводы и / или направления дальнейших исследований (объемом до 0,5 страницы).

3. Все поля на страницах должны быть одинаковы и равны **25 мм**. Номера страниц не проставляются.

4. Статья должна быть набрана шрифтом нормальной жирности, прямого начертания гарнитуры Times New Roman и с одинарным межстрочным интерлиньяжем (интервалом). Абзацный отступ должен быть одинаков и равен **1,25 см**.

Кегль (размер) основного шрифта должен быть равен:

- для статей по направлениям «Юридические науки», «Гуманитарные науки», «Психология и педагогика» — **14 пунктов**;

- для статей по направлениям «Радиотехнические науки», «Информационная безопасность» — **12 пунктов** (в т.ч. — в формулах, подготовленных при помощи формульного редактора MS Equation).

5. Рисунки и таблицы (кегель используемого шрифта — **12 пунктов**) должны быть размещены в тексте после абзацев, содержащих ссылки на них.

Таблица 1

Заголовок таблицы

Боковик таблицы	Головка таблицы			
	Текст	Текст	Текст	Текст

Размещение таблиц, рисунков, диаграмм, схем и другого иллюстративного материала на страницах с альбомной (горизонтальной) ориентацией не допускается. **Графики, диаграммы не должны иметь сплошную (в т.ч. цветную) заливку.**

Размеры рисунков должны быть по возможности минимальны, но обеспечивать их дальнейшее качественное полиграфическое воспроизведение.

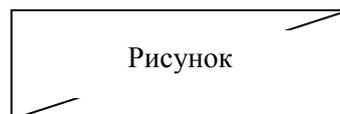


Рис. 1. Название рисунка

Отступ от рисунка до текста сверху и снизу должен быть равен 10 мм. Подрисуночная подпись ставится по центру страницы без абзацного отступа. Рисунки должны выполняться средствами MS Word, иметь общую группировку всех объектов, входящих в него, быть центрированы относительно полосы набора.

6. Название статьи набирается на русском и английском языках **полужирным шрифтом ЗАГЛАВНЫМИ БУКВАМИ** без абзацного отступа и центрируется относительно полосы набора.

7. Единицы физических величин должны соответствовать системе единиц СИ. Названия химических элементов в тексте пишутся полностью.

8. Формулы подготавливаются при помощи формульного редактора MS Equation. Нумерация формул осуществляется арабскими цифрами в круглых скобках, выровненными по правому краю текста, *например*:

$$A = B + C : (2K^2 + n_3). \quad (1)$$

9. Нумерация ссылок на литературу осуществляется арабскими цифрами в квадратных скобках, *например*: «Как указано П.П. Петровым [2], данный эффект проявляется при ...».

10. Библиография должна быть оформлена в соответствии с ГОСТ Р 7.05.- 2008 «Библиографическая ссылка». Список использованной литературы, на которую ссылается автор, приводится в конце статьи (*см. пример ниже*). **Сноски (как внизу каждой страницы, так и в конце статьи) не допускаются.**

11. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СПИСКА ЛИТЕРАТУРЫ

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванов И.И. Физика. — М.: Наука, 1985. — 167 с. (*указывается автор, место издания, издательство, год выпуска, общее количество страниц в книге*).

2. Математика / под ред. П.П. Петрова. — М.: Высшая школа, 1993. — 125 с. (*указывается, под чьей редакцией осуществлён выпуск издания*).

3. Сидоров С.С., Антонов А.А. Проблемы воспитания несовершеннолетних // Милиция. — 1997. — № 2. — С.25—26. (*указываются авторы, название статьи, периодическое издание (журнал или газета), год выпуска и номер издания, номера страниц, где опубликован материал*).

4. Курс общей физики: учеб. пособие для студентов вузов. — 2-е изд., перераб. — Т. 1. Механика / под общ. ред. П.П. Попова. — М.: Наука, 1987. — 345 с. (*указываются вид многотомного издания и название отдельного тома*).

5. Ковалев К.К. Оборудование с пневмовакуумным приводом: дис. ... канд. техн. наук. — М., 1982. — 212 с. (*ссылка на диссертацию*).

6. Все о сжатии [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.compression.ru/> (дата обращения 20.11.09).

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СВЕДЕНИЙ ОБ АВТОРАХ

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ(-АХ) СТАТЬИ³:

Иванов Иван Иванович. Профессор кафедры теоретической физики. Доктор физико-математических наук, доцент.

Воронежский государственный педагогический университет.

E-mail: aspo@vsru.ac.ru

Россия, 394006, г. Воронеж, ул. Ленина, 86. Тел. (473) 2208-916.

Петров Петр Петрович. Доцент кафедры гражданского, трудового и финансового права. Кандидат юридических наук, доцент.

Воронежский институт МВД России.

E-mail: vorhmscl@comch.ru

Россия, 394065, Воронеж, проспект Патриотов, 53. Тел. (473) 2312-651.

Сидоров Сергей Сергеевич. Преподаватель кафедры организации деятельности подразделений вневедомственной охраны.

Воронежский институт МВД России.

E-mail: vorhmscl@comch.ru

Россия, 394065, Воронеж, проспект Патриотов, 53. Тел. (473) 2476-472.

Ivanov Ivan Ivanovich. Professor of the chair of Theoretical Physics. Doctor of sciences (physics and mathematics), assistant professor.

Voronezh State Pedagogical University.

Work address: Russia, 394006, Voronezh, Lenin Str., 86. Tel. (473) 2208-916.

Petrov Pyotr Petrovich. Assistant professor of the chair of Civil, Labor and Financial Law. Candidate of sciences (jurisprudence / law), assistant professor.

Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53. Tel. (473) 2312-651.

Sidorov Sergey Sergeyevich. Lecturer of the chair of Organization of Activity of Non-department Units.

Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53. Tel. (473) 2315-972.

Ключевые слова к статье: фазоманипулированный сигнал; мешающие сигналы; фазовый детектор; алгоритм обработки.

Key words: phase-manipulated signal; interfering signals; phase detector; processing algorithm.

УДК 517.9 (указывается автором).

Домашний почтовый адрес (полностью)⁴.

Подпись(-и), дата _____ «___» _____ 201 ____ г.

³ Оформляются на отдельном листе и включаются в состав основного файла. Не входит в объем статьи.

⁴ Сведения о домашнем адресе в «Вестнике» не публикуются.

